ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 45-й

№ 29 (4419)

18 июля 1973 г. СРЕДА

ДЕЛО, НАЧАТОЕ ЛЕНИНЫМ, ПОБЕДИТ!

Вадим КОЖЕВНИКОВ

СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ назад произошло событие, которое ознаменовало собой поворотный этап в развитии рабочего и всего революционно-освободительного движения, — состоялся II съезд РСДРП, на котором была основана партия нового типа, партия большевиков.

Созданная Лениным на гранитной базе творческого марксизма, партия умело повела рабочий класс и всех трудящихся по неизведанному пути революционных преобразований, которые коренным образом изменили судьбы нашей страны и всего мира.

Исторический подвиг нашей партии состоит в том, что во все времена, при всех поворотах истории она твердой рукой вела наш корабль через бури и штормы, наперекор стихиям. Партия сплотила рабочий класс и всех трудящихся страны, провела через три революции, вдохновила и организовала на строительство первого в мире социалистического общества, подняла и мобилизовала советский народ на победу в Великой Отечественной войне и ныне твердо ведет его к полной победе коммунизма.

Только партия, созданная Лениным, вооруженная единственно верной, марксистско-ленинской теорией, смогла стать действительно боеспособной партией, обрести могучую организующую и мобилизующую силу, способность предвидеть ход исторического развития.

Но оглядываясь сегодня назад и гордись своими делами, своими свершениями, мы далеки от мысли, будто все уже позади, будто все грозы миновали и мы спокойно можем наслаждаться безоблачной погодой. Вспомним: совсем еще недавно горизонт был затянут тучами. То были тучи «холодной войны», мрачные, до предела насыщенные грозовыми зарядами. Бывали моменты, когда новая ужасная буря казалась неизбежной. Какое же искусство требовалось тогда от тех, кто вёл наш корабль, какая твердость духа и умение видеть далеко вперед нужны были, чтобы зловещий холодный вихрь не превратился в разрушительный тайфун!

Наша партия настойчиво, мужественно, последовательно, терпеливо проводила ту ленинскую политику, которая связана с одним из первых лозунгов Советского государства «Мир всем народам!».

Но мир не приходит сам собой. За него надо бороться. Бороться активно, бесстрашно. Наш народ, тесно сплоченный вокруг своей партии, полностью и единодушно поддержал ее мирный курс. XXIV съезд КПСС выдвинул реалистичную и плодотворную Программу мира. Леонид Ильич Брежнев так охарактеризовал цели этой Программы: «...Добиться, чтобы небо над землей всегда было чистым, чтобы навсегда умолкли орудия, а ракеты использовались только для мирных дел, чтобы неисчерпаемые силы ядерной энергии служили исключительно целям созидания, целям добра и счастья трудящихся».

Может ли быть цель более высокая, задача более важная и благородная, чем эта? И потому каждый шаг нашего государства на внешнеполитической арене продиктован заботой о мире, определен Программой мира. Вместе с нами в первой шеренге борцов за мир выступают братские социалистические страны. Мировое рабочее движение, прогрессивная общественность всей земли оказывают большую поддержку мирной политике Советского Союза и стран социалистического содружества. И если наш корабль сумел миновать коварные рифы «холодной войны», то это произошло не само собой, не случайно. Это заслуга нашего рулевого. Заслуга партии, ее Центрального Комитета, и в огромной степени — заслуга Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева.

Еще и недели не прошло, как в Большом Кремлевском дворце Леониду Ильичу Брежневу была вручена международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами». Эта высокая награда с большим удовлетворением была встречена во всем мире. Во всех странах и на всех континентах миллионы людей хорошо знают товарища Леонида Ильича Брежнева как самоотверженного борца за мир и социальный прогресс, за счастье народов.

Мне довелось находиться в Федеративной Республике Германии в дни, когда там был с визитом Леонид Ильич, и после его отъезда. Сердце наполнялось гордостью, когда я слышал, как люди самых различных профессий, группировок, верований, политических воззрений с большим уважением и признательностью произносили имя Генерального секретаря, «первого человека в СССР», как они о нем говорили. На каждом шагу там можно было встретить портреты Леонида Ильича. Когда мы беседовали с представителями интеллигенции, писателями, рабочими, служащими, они особенно подчеркивали тот факт, что Леонид Ильич с первого до последнего дня был на фронте. Они убеждены: человек, который познал, что такое война, сделает все, чтобы она не повторилась.

И еще одно произвело неизгладимое впечатление на всех, с кем мне довелось беседовать за границей: исключительная простота и естественность в поведении Леонида Ильича Брежнева. В отличие от многих политических деятелей, Леонид Ильич говорит просто, говорит от души. И люди чувствуют: это человек, который говорит то, что думает, и делает то, что говорит. И потому они верят ему.

Не раз мне довелось слышать и такое выражение: «Ваш руководитель — это рабочий руководитель». При этом имелось в виду не только происхождение, но и нынешняя деятельность товарища Брежнева, продиктованная интересами всех тружеников планеты. Не скрою: мне было радостно слышать эти теплые, прочувствованные слова.

На днях я вернулся из Ростока, где проходила VIII конференция парламентариев северных стран. На сей раз она была, как никогда, представительной и разнообразной по своему составу. А закончилась в обстановке полного единодушия. Некоторых из ее участников мы просто не узнавали: если прежде они пользовались любым случаем, чтобы бросить тень на политику СССР, то теперь они твердо заявляли о своей поддержке внешнеполитических акций Советского Союза. Больше того: многие парламентарии в своих речах пользовались такими терминами, такими формулировками, которые были прямо заимствованы из выступлений Леонида Ильича, из материалов XXIV съезда КПСС. И приводили они их не как цитаты, а как свои мысли, взгляды, которых они придерживаются. Иными словами — мирная политика Советского Союза, Программа мира нашей партии, деятельность товарища Л. И. Брежнева оказали и оказывают на политическую жизнь нашей планеты такое влияние, что они уже входят — и наверняка войдут — в основные нормы международного права, в практику отношений между всеми государствами.

Словом, если политический климат на нашей планете ощутимо переменился, если людям стало легче дышать, то они отчетливо сознают, что это — результат настойчивой, последовательной и принципиальной политики, проводимой КПСС. Именно принципиальной, основывающейся на ленинских принципах. Мы ни на минуту не забываем, что положительные сдвиги в международной обстановке — результат острой борьбы с силами империализма. Мы не забываем, кто развязал «холодную войну», во имя чьих интересов, ради чьей выгоды. И наша внешняя политика — это классовая, социалистическая политика. Она преследует цель создать благоприятные условия для коммунистического строительства, она направлена на укрепление братского единства социалистических стран, на содействие рабочему и национально-освободительному движению, на упрочение мира и мирное сосуществование государств. Мне кажется, что очень хорошо сказал Первый секретарь ЦК Партии трудящихся Вьетнама товарищ Ле Зуан, поздравляя товарища Л. И. Брежнева с высокой наградой: «В нашу эпоху борьба за мир является революционной задачей, которая имеет исключительно важное значение. Непрерывный рост могущества Советского Союза и других социалистических стран, упорная борьба революционных и миролюбивых сил являются надежной гарантией длительного мира, создают тенденцию к мирной разрядке напряженности в современной международной обстановке».

Миролюбивая, последовательная и принципиальная политика КПСС — это выражение воли и усилий советского народа. Она сцементирована трудом каждого из нас, где бы мы ни трудились и что бы ни создавали. Поистине исторической заслугой партии является воспитание поколений людей — самоотверженных строителей социалистического общества, духовно зрелых, всесторонне образованных, показывающих образец высокой культуры и идейной убежденности. Партия ни на один день не прекращает своих усилий в этом направлении. Новым доказательством тому, несомненно, является открывшаяся вчера сессия Верховного Совета СССР.

Курс партии — это наш курс, выражение наших заветных чаяний и глубокой убежденности.

Это — ленинский курс.

Партия и Ленин —
близнецы-братья, —
кто более
матери-истории ценен?
Мы говорим — Ленин,
подразумеваем —
партия,
мы говорим —
партия,
подразумеваем —
Ленин.

Завтра исполняется 80 лет со дня рождения

В. В. МАЯКОВСКОГО

СЛОВО О ПОЭТЕ:

Николай ТИХОНОВ, Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ, Николай ГРИБАЧЕВ, Микола БАЖАН, Ираклий АБАШИДЗЕ, Анатолий СОФРОНОВ, Геворг ЭМИН, Сулейман РУСТАМ, Константин ВАНШЕНКИН, Ояр ВАЦИЕТИС

стр. 2, 3, 4, 5

Д. А. СМОРОДИНСКОВ,
секретарь Тюменского обкома КПСС

РУКОПОЖАТИЕ СИБИРИ

ВСЕГО два дня осталось до открытия Дней советской литературы в нашей области. В четвертый раз тюменцы будут приветствовать на сибирской земле известных писателей — поэтов, прозаиков, драматургов из братских республик, многих краев и областей РСФСР. С нетерпением мы ждем и гостей из социалистических стран...

«Писатель и пятилетка» — таков девиз нынешних Дней литературы. Этот девиз точно отражает все укрепляющиеся связи советских писателей с героическими делами строителей нового энергетического комплекса. Борьба за выполнение планов третьего, решающего года пятилетки, массовое социалистическое соревнование во всех отраслях экономики и культуры нашего края — вот что в первую очередь углубляет и расширяет интерес мастеров литературы к жизни Тюмени, к тому гигантскому скачку, который область сделала в последние десятилетия. Непосредственное творческое общение с геологами, нефтяниками, хлеборобами, рыбаками, лесозаготовителями, безусловно, даст возможность писателям еще лучше познать жизнь, вникнуть в «секреты» производства и его проблемы, повлияет, конечно, на активность и трудовой энтузиазм. Мы надеемся, что Дни литературы станут новой важной вехой в духовной жизни рабочих и колхозников земли сибирской.

Предыдущие три встречи ярко и убедительно свидетельствуют о пользе творческих контактов писателей с трудящимися области. В нашей памяти до сих пор свежи их беседы. Только в прошлом году, например, было проведено более ста литературных вечеров, выступлений по телевидению и радио. Большую роль сыграла также и местная печать.

Мы благодарны Союзу писателей СССР, участникам Дней литературы за доброе внимание к нашему краю и помощь областной партийной организации. Еще сравнительно недавно Тюменская область находилась как бы в стороне от магистралей большой литературы и искусства. О Тюмени писали чаще всего в историческом плане. Теперь положение изменилось. Сегодня Тюмень — это крупнейшая нефтегазовая кладовая нашей Родины, мощный энергетический район страны, быстрорастущий культурный и научный центр, перед которым открываются необозримые горизонты. Вот почему мы с особенным нетерпением ждем от писателей новых произведений.

Индустриализация сейчас достигла небывалого размаха. Только за два с половиной года пятилетки освоено более четырех миллиардов рублей. В 1973 году будет добыто 80 миллионов тонн нефти и 18 миллиардов кубометров газа. Мощный размах социалистического соревнования в третьем, решающем году пятилетки позволил за шесть месяцев перевыполнить планы производства промышленной продукции.

Ныне к Тюмени, ее делам и людям приковано внимание всего советского народа. Живейший интерес проявляют и писатели, и журналисты не только нашей страны, но и далеко за ее пределами. То, что построено и создано здесь за прошедшее десятилетие, восхитило весь мир. И не случайно современники называют Тюменский энергетический гигант чудом XX века.

Особенное удовлетворение приносит то, что добрая литературная дорога, которая протянулась сюда из Москвы, из столиц братских республик, с каждым годом становится все шире и оживленнее. Как и в прошлые годы, писательские бригады во время Дней посетят хлеборобов, нефтяников Самотлора, Сургута, Нефтеюганска, рыбаков Оби, геологов Заполярья, лесорубов таежной реки Конды, газодобытчиков Ямала — самого богатого газового района планеты...

Дни советской литературы совпали с всесоюзным праздником, посвященным юбилею Владимира Владимировича Маяковского, и, конечно, его неумирающая поэзия прозвучит в рабочих аудиториях с новой силой. Творчество Маяковского нужно нам, оно стало неотъемлемой частью духовной жизни рабочего класса, без него невозможно представить себе героику нашей эпохи.

...Радушные и щедрые душой сибиряки готовятся к литературному празднику. Они сделают все для того, чтобы эти Дни прошли в дружеской, творческой атмосфере, стали своеобразной «стартовой площадкой» для создания новых высокоидейных произведений о нашей замечательной действительности.

Добро пожаловать, дорогие друзья, на гостеприимную тюменскую землю!

КНИГИ БРАТСКОЙ СТРАНЫ

На днях в Госкомитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли состоялось открытие Декады книги МНР.

Выступая на открытии декады, председатель Госкомитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли В. Стуналин сказал, что Декада книги МНР — еще одно свидетельство нерушимой братской дружбы между советским и монгольским народами.

Всего за послевоенные годы в СССР было издано 193 книги монгольских авторов общим тиражом свыше 5,5 миллиона экземпляров.

На открытии декады выступил Чрезвычайный и Полномочный Посол МНР в СССР Н. Лувсанчултэм, который подчеркнул, что декада будет способствовать расширению взаимного обогащения духовными ценностями обеих стран и дальнейшему развитию книжной торговли.

На открытии декады выступили также член Центрального правления Общества советско-монгольской дружбы генерал-лейтенант А. И. Данилов и секретарь правления СП СССР С. В. Сартанов, который отметил значительный рост мастерства писателей и повышение уровня полиграфического исполнения книг, издаваемых в братской Монголии.

СЛУШАЙТЕ, ТОВАРИЩИ ПОТОМКИ...

Николай ТИХОНОВ

МАЯКОВСКИЙ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Наша страна торжественно празднует 80-летие со дня рождения великого поэта революции, крупнейшего представителя литературы социалистического реализма.

Яркое, неповторимо своеобразное творчество Маяковского, все сто томов его партийных книжек посвящены историческому подвигу российского пролетариата, созданной гением Ленина партии коммунистов, упрочению и торжеству социализма. Поэт вдохновенно воспел революцию, Страну Советов и по праву стяжал славу глашатая Октября, поэтического провозвестника социалистического обновления мира.

Значение творчества Маяковского многогранно, всеобъемлюще, непреходяще. Более полувека отделяет нас от Октября 1917 года — срок, с точки зрения истории, небольшой. Однако за эти десятилетия наша страна стала могущественнейшей социалистической державой. В великом движении нашего народа к светлому будущему всегда рядом с нами — Владимир Владимирович Маяковский.

Да, он шагает с нами, с молодостью мира. И сам поэт остается вечно молодым, полным энергии и страсти борцом за весеннее обновление жизни на нашей планете, которое он страстно предсказывал. Решительно заглядывая в грядущее, в которое уверенно ведет народы нашей страны великая ленинская партия коммунистов, он во весь голос говорил:

Поэтом не быть мне бы
если б
На это пел —
а звездах
пятиконечных небо
безмерного свода РКП.

Поэзия Владимира Маяковского партийна по самой жизненной своей глубине и сути. Она полна любви к родной советской земле, пронизана ненавистью к врагам революции, социализма. Особенно нам дорого, что Маяковский одним из первых создал яркий образ Ленина.

Размышляя сегодня о многогранном, поистине великом вкладе Маяковского в нашу поэзию, нельзя не подчеркнуть его плодотворнейшего влияния на всю советскую литературу.

И то обстоятельство, что 80-летие со дня рождения поэта стало знаменательной датой в истории советской литературы, передовой литературы всего мира, что он по праву признан и горячо любим народами, творящими свое светлое будущее, — все это дает право утверждать: Владимир Маяковский является величайшей гордостью социалистической культуры.

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ

ВРЕМЕНИ НЕПОДВЛАСТНО...

Когда я понял, какая огромная поэтическая культура заложена во взрывчатых строках Маяковского, — это стало для меня открытием, явлением необыкновенным.

Новаторские открытия Маяковского лежат на главной линии развития мировой поэзии. Я понял, что должен учиться у Маяковского прежде всего прямоте и честности поэтического выражения. Я понял, что учиться у Маяковского — не значит обязательно разбивать строки лесенкой, отказываться от Хафиза и Пушкина, а искать первозданную чистоту слова, выражающую правду революционных преобразований, правду человеческого сердца, окрыленного этими преобразованиями. Именно поэтому в стихах, посвященных великому современнику, я написал:

Вечно
молодо слово,
история слова — старая.
На страницах ее
столько звуков, и красок,
и света;
Повелители слов, мастера,
властелины пера —
Те, чьи перья горят
отражением сердца поэта,

Я открываю для себя Маяковского всю жизнь. Об этом можно рассказывать и рассказывать. Вспоминаю мои впечатления от встреч и бесед с индийскими и пакистанскими коллегами в первую мою поездку за рубеж. Для большинства из них Владимир Маяковский был своим, родным, самым близким поэтом. В его волнующих стихотворениях и поэмах они ощущали революцию, ее правду, ее надежду.

Может быть, еще поэтому стихи, написанные мною после этой поездки, до сих пор представляются наиболее отвечающими урокам Маяковского, во всяком случае тому, что я из этих уроков извлек. «Индийская баллада» остается одним из самых любимых моих циклов.

И сегодня я продолжаю открывать Маяковского, не устаю учиться у него передавать обнаженную правду высоких чувств в словах без красивости и усложненности. Я по-прежнему поражаюсь высокой поэтической культуре поэта-революционера.

ДУШАНБЕ

Николай ГРИБАЧЕВ

ГУЛ И ГРОМ РЕВОЛЮЦИОННОГО МАРША

Владимир Маяковский сделал поэзию делом революции и революцию — делом поэзии. Великий новатор в области художественной формы, он и наиболее последовательно развил свободолюбивые традиции русской и мировой литературы!

Серок ли, сто ли
двести лет —
Для Маяковского старости
нет;
В каждом
революционном движении —
голос его
и шаги сажены!

***

И у Маяковского были критики-недоброжелатели, особенно из зарубежных, но они походили не мух, жужжащих вокруг слона: при своем особом зрении — метр в диаметре — они даже не могли его увидеть целиком. Его подлинная мера — эпоха.

***

Владимиру Маяковскому нельзя подражать в области формы — как нельзя ходить в костюме не по твоему росту. Издали будет заметно — с чужого плеча. Но нельзя не изучать его опыт гражданственности поэзии, особенно когда заносит на мелководье — он, как бакен на Волге, всегда обозначает главный фарватер.

***

Стихи Владимира Маяковского можно читать даже шепотом, но в ушах все равно будут гул и гром революционного марша!

ВСЕ СТО ТОМОВ ЕГО ПАРТИЙНЫХ КНИЖЕК...

За годы Советской власти произведения В. Маяковского издавались в нашей стране 944 раза. Общий тираж их составил почти 75 млн. экземпляров. Его стихи и поэмы печатались на 56 языках народов СССР.

●

Поэма «Владимир Ильич Ленин» выдержала уже 111 изданий. Общий ее тираж достиг 4 млн. экземпляров. Она переведена на 38 языков.

●

30 изданий поэмы «Хорошо!» выходили на 14 языках народов СССР.

●

Тираж знаменитого детского стихотворения «Кем быть?» составил свыше 8 млн. экземпляров. Его читали многие поколения советских детей на 32 языках.

●

С 1917 по 1972 год книги В. Маяковского выходили за рубежом 412 раз в 32 странах на 34 языках.

Ираклий АБАШИДЗЕ

ПЕВЕЦ ОКТЯБРЯ

Обычно, говоря о влиянии больших поэтов на творчество современников или представителей последующих поколений, имеют в виду какую-то одну часть поэтов, определенное поэтическое направление или школу. Влияние же В. Маяковского на всю советскую поэзию носит прямо-таки атмосферный характер.

Разумеется, многим обязаны влиянию Маяковского и грузинские советские поэты, в том числе и я. В Грузию Маяковский пришел в ореоле революции. Это было начало 20-х годов. Мои первые поэтические шаги как раз совпали с тем первым десятилетием. Поэтический климат в Грузии тогда определяли две главные величины: великий певец Октября Владимир Маяковский и только что вернувшийся из революционного Петрограда Галактион Табидзе.

Конечно, сегодня надо признать, что влияние Маяковского на нас, представителей молодого поколения грузинских поэтов, в то время характеризовалось лишь внешними приметами. Мы не могли постичь всю глубину его творчества. Лексическая смелость Маяковского, его гиперболы, неожиданность далеких ассоциаций были особым свойством только его таланта. Не случайно много лет спустя, через четыре десятилетия, о моих тогдашних стихах Владимир Огнев в своей книге «Становление таланта» скажет: «Наивно и неуклюже звучали ранние стихи Абашидзе, в которых он пытался шагать шагом Маяковского — «Овладевать техникой», «Октябрьский рапорт» и др.». Верно. И хорошо, что эти «наивные и неуклюжие» стихи остались неизвестными русскому читателю, да и наш грузинский читатель давно позабыл их. Стихи эти не сохранились в моих сборниках, но зато осталось от той эпохи то, что мой русский критик также справедливо отметил: «Однако была в тех стихах высокая романтика, восторг освоения новой действительности, попытка слить в лирике «личное» и «общее». Вот чем я обязан Маяковскому, вот чем обязаны ему все советские поэты!

Он был большим учителем нас всех. Когда кончаются годы ученичества, каждый ученик хочет открыть свою мастерскую, пусть маленькую, но свою. Этим живет сегодня советская поэзия. Такой представлял ее и сам Маяковский.

У нас поэтическое влияние Маяковского усилилось и благодаря его личным контактам с Грузией — не только с поэтами, а со всей Грузией. Трижды подряд приезжал он сюда в 20-е годы. Я помню его вечер в Закавказском коммунистическом университете, встречи, чтение стихов. Маяковского все мы считали своим, нашим земляком, соотечественником, но только пишущим по-русски. Поразительно, когда сейчас мне приходится встречаться с зарубежными поэтами, в их отношении к Владимиру Маяковскому я ощущаю что-то подобное. Великий русский поэт и для них тоже свой, родной, земляк, соотечественник, только пишущий по-русски.

Маяковский принадлежит всем странам, всем народам. Высшего признания для поэта нет и не может быть. Безгранично, прямо глобально воздействие Маяковского на поэзию нашего времени. Всюду, где вспыхивает костер революции, борьбе за свободу и независимость,— там Маяковский. Он шагает по земному шару вместе с революцией.

ТБИЛИСИ

СЛОВО О ПОЭТЕ

Микола БАЖАН

ВЕРА В СВЕТЛОЕ ЗАВТРА

Более чем полвека тому назад в маленькой Умани, в степном запыленном старом городке, еще не оправившемся от потрясений гражданской войны, от бандитских нападений, от тифозных горячек, от страшных отзвуков поволжского голода, я впервые раскрыл книгу, стремительно напечатанную, даже без имени автора, со столбцами удивительных и поразительных стихов. В дальнейших книгах Маяковского эти столбцы побежали стихотворными ступеньками. Но впервые увидел я его стихи колонками, выровненными по левому флангу.

Ритм поэмы «150 000 000» пронзал, как пуля. Огонь рифм захлестнул и ожег. Два поэтических явления в те далекие 20-е годы потрясли меня, перевернув мое тогда еще очень молодое поэтическое понимание того, что такое поэзия и что следует называть новым, революционным стихом. Это были стихи Тычины. Это были стихи Маяковского. Они так несхожи, что кажутся почти полярными. Светлой, прозрачной струйной музыкальностью вибрирующие «Солнечные кларнеты» Тычины. Громыхающие, задыхающиеся от ненависти и восторга, мчащиеся в атаку, свистящие, как пули, ритмы Маяковского. Однако есть глубокое внутреннее единство этих двух таких различных поэтических симфоний. Музыкой революции, которую потрясенно услышал А. Блок, пронизаны и кларнетные переливы стихов Тычины, и громыхающий металл строф Маяковского. Музыка революции стояла душой этих поэтов. И дала им бессмертие.

Полвека спустя снова перечитываю я поэму, о которой автор ее писал, что у нее идея одна — «снять в настоящее завтра». И снова волнуюсь, и снова сжигает меня мчащийся из здания в здание, из сердца в сердце, из десятилетия в десятилетие ее огонь. Выгорело временное, нестойкое, нарочитое; осталось крепкое, прекрасное, прозорливое. Осталось то великое чувство действенного коммунистического гуманизма, которым наполнены лучшие строфы поэмы. Поражаешься, когда думаешь, как сквозь тяжелое, суровое время пытливо вглядывался поэт в завтрашний день. И увидел в нем тот истинный свет человеческого торжества, который стал огромным сиянием в поэмах «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо!», «Во весь голос».

Пытливо вглядывался поэт в глаза грядущего. Сиянье будущего увидел он в зорком взгляде Ленина. Еще в 1919 году одним из первых поэт писал о Ленине, раскачавшем сердце России. И немного позже — к 50-летию Ленина — снова восхищенно говорил о нем. Уже тогда поэт носил в себе идею создания поэмы о Ленине. Мысль эта окрепла в 1923-м. В 1924-м великая скорбь человечества, заполнив собою все сердце поэта, стала для него мужественным творческим импульсом для написания поэмы, лучше которой и до сих пор о Ленине не создано. Великолепна она своей монументальностью, страстностью, своим ощущением и современности, и вечности, своей исторической правдивостью и взлетом поэтического воображения. Богатство человеческих чувств, рождаемых думой о Ленине, щедро развернуто в поэме, одновременно и эпической, и лирической. Но и она не исчерпала мысли поэта о великом учителе. И через 5 лет снова возвращается Маяковский к ленинской теме, создавая свой проникновенный лирический шедевр, звучащий и пафосом, и гневом, и скорбью, и громогласной клятвой, и тихой грустью. Я думаю, что «Разговор с товарищем Лениным» принадлежит к лучшим, неугасаемым произведениям лирики Маяковского.

Пусть Маяковский и отказывался от памятников, от бессмертия, от вечной славы. История его не послушала и дала ему вечность не только в бронзе монументов, но и в бессмертии немеркнущих ценностей мировой поэзии. Поэзия Маяковского отразила те небывалые, прекрасные и светлые грани человеческого духа, которые открылись миру в великом ленинском деле утверждение на земле действенной коммунистической веры в человечество и ненависти к его врагам и угнетателям. Маяковский страстно верил в сияющее завтра земли. И мы славим его за эту веру, славим особенно сейчас, в наши дни, когда так возросла, так укрепилась, так победоносно и всемирно утверждает себя наша ленинская вера в светлое будущее людей.

КИЕВ

«ДВОЕ В КОМНАТЕ: Я И ЛЕНИН— ФОТОГРАФИЕЙ НА БЕЛОЙ СТЕНЕ»

Проезд Серова. В здесь в комнате на четвертом этаже с 1919 по 1930 год жил Владимир Владимирович Маяковский. Скоро в этом здании откроется Государственный музей. Более двух тысяч экспонатов расскажут о жизни и творчестве поэта.

ФОТОРЕПОРТАЖ С. СУББОТИНА

Нормурод НАРЗУЛЛАЕВ

Неугасимое пламя строк

Почтительно,
Ваш верный ученик,
Учитель, на груди
сложил я руки.
Со мной —
Живое пламя Ваших книг,
Строк громовых
раскатистые звуки.
Поднявшись на полуденный
зенит,
Над Вашей головой
короною поэте
Пылает с ними солнце
и звенит
Лучами в окнах
Солнце, что воспето
Вслед Пушкину
И Вашею строкою.
Как мчится время...
У моих седин,
Со мною рядом —
мой росток зеленый...
Вы знаете, устоз*,
теперь мой сын
Стихи читает
Ваши увлеченно.
Ему по нраву трубный
голос Ваш
И пламенной строки
накал высокий.
Порой он сам
хватает карандаш,
И пишет,
и зачеркивает строки.
Неважно,
станет ли поэтом он,
Кем бы ни вырос —
дело ведь не в этом, —
Но раз в Ваш стих
так искренне влюблен,
Он будет настоящим
человеком.
Так жизни жизнь
свой дар передает,
История земная
лижет главы.
Так в поколеньях
бережет народ
И мудрость,
и традиции,
и славу.
Принять позму
выпал сыну срок,
Где светится в названье
слово «Ленин»,
Где лестницы отлитых
в образ строк
Уходят ввысь,
как будто бы ступени
Великой пирамиды.
Не царь...
Нет ни владык,
ни славословий постных —
Здесь Октября,
Здесь Первомая поступь,
Весомо
Не полотнище зари
Стоит и Ваше
огненное подпись —
Пришедшей к нам
в семнадцатом зари...

Два символа,
вошедших в букварь,
Слились в один
для многих поколений.
Вы написали:
Партия и Ленин,
Весною человечества горит,
Единство наше кровное
и дружба.
Мы с ними рождены.
Мы все свои.
Народам нашей
трудовой семьи
Эти слова
переводить на нужно.
Мы Вашу лиру
слышим столько лет.
Придут другие —
воспитятся слова.
Вы — наше знамя,
Полководец слова.
Рожденный
революцией поэт.
Ее огонь дал Вам
высокий дар —
Эпоху выражать
строчек дивою.
С тех пор
Вы наш бессменный
командарм —
Полки стихов построены
два боя.
И пусть разнятся
наши языки —
Мы видим взорами
одно и то ж.
И любим,
и тревожимся похоже,
И общие задачи велики.
За Вами вслед
седлали мы коней,
В невзгодах революции
не слабли.
В боях гражданской
со стихом в ней
Наган над старым миром
нами сблик.
Замзу и Алишер
Ваша имя
Подвигло в знаменосцы.
И сейчас
Огонь полотнищ
алых не погас,
Тот самый,
Что Вы подняли над нами.
Вы — знаменосец.
Вы — поэт эпохи.
И смерть бессильна.
Что такое смерть!
Ей остается
только горстка вздоха
Последнего,
Но смерти не суметь
Забрать того,
Кто в нас во всех живет,
Кто в сыновье новечно
взят Отчизной,
Чей стих пылал
Зарею новой жизни,
Кто славил революцию,
народ.

Перевел с узбекского
В. ПРОТАЛИН

* Устоз — учитель.

ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛОВ

ЗАРУБЕЖНОМУ ЧИТАТЕЛЮ

Журнал «Советская литература» на иностранных языках в канун 80-летия со дня рождения Владимира Маяковского отвел значительную часть своего июньского номера материалам о жизни и творчестве поэта.

На обложке напечатан портрет Маяковского работы художника Николая Жукова. Цветные вклейки и многочисленные иллюстрации знакомят читателей с живописью самого Маяковского, его карандашными набросками, плакатами эпохи РОСТА, эскизами декораций и «Мистерии-буфф». Интересен портрет поэта работы Александра Дейнеки и разнообразные фотографии.

Читатель найдет в номере статьи Николая Тихонова «Великий мастер», Виктора Перцова «Свой для всех народов», Николая Налитина «Маяковский и современность», публикацию Ильи Зильберштейна «Александр Блок и Владимир Маяковский», подробный рассказ В. Маяковой и А. Захарова о Государственном музее Маяковского.

В каждом издании помещены специальные статьи о творческих связях поэта, например, Тамары Балашовой «Маяковский и французская поэзия», Веллы Чистовой «Маяковский говорит по-немецки», Тема «Латинская Америка и Маяковский» представлена в испанских изданиях эссе-размышлениями Диего Риверы, Пилы Гареро и Пабло Неруды, в польском издании напечатана статья Любови Руденской «Сестры» — о связях Маяковского с Владиславом Броневским и Юлианом Тувимом, в чешском — о встрече Маяковского с Витезславом Незвалом.

Журнал «Советская литература» на японском языке, который с 1973 года стал ежеквартальным литературным альманахом, ценном посвятил Маяковскому свой третий номер.

ВАМ — ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ!

Поэтический праздник на земле Грузии

ЮБИЛЕЙНЫЕ торжества, посвященные 80-летию со дня рождения Владимира Маяковского, начались в Грузии, где он родился, которую называл родиной, язык которой знал с детства, где у него много добрых и искренних друзей. Праздник Маяковского в течение нескольких дней шагал по Грузии широко, торжественно. В речах и выступлениях, в газетных статьях, на страницах книг, специально выпущенных издательствами Грузии к юбилею, звучал живой голос поэта, нашего современника, нашего соратника в нынешних делах, сегодняшней борьбе за лучшую жизнь людей.

Для участия в юбилейных торжествах сюда прибыла большая группа видных поэтов, прозаиков и критиков из Москвы, Украины, Литвы, из других братских республик нашей страны, зарубежные гости. В Тбилиси состоялся торжественный вечер, посвященный памяти поэта-трибуна. Здесь, на проспекте Дружбы, в одном из новых больших районов города, был заложен памятник Маяковскому. Затем празднества переместились в Кутаиси, город его детства, и завершились под тем самым небосводом Багдади, о сыновнем и творческом долге перед которым он помнил до последних своих дней. Открывая юбилейный вечер в Тбилисском театре имени Руставели, секретарь ЦК Компартии Грузии В. М. Сирадзе, председатель Республиканской правительственной комиссии по проведению юбилея, сказала:

— Владимир Маяковский был, есть и будет в рабочем строю как поэт-трибун, возвышенно воспевший революцию и посвятивший свои пламенные строки Родине, ее героическому народу, партии, гениальному вождю мирового пролетариата — В. И. Ленину. Всю свою звонкую силу поэта отдал Маяковский атакующему классу — пролетариату, считая себя революцией мобилизованным и призванным.

О том, что получившая мировое признание поэзия Маяковского жива и сегодня, что она нужна нам, говорил в своем выступлении на вечере первый секретарь правления СП Грузии Г. Абашидзе.

Руководитель делегации писателей, прибывшей на юбилей, секретарь правления СП СССР К. Симонов особо отметил отношение поэта к своему творчеству как нужной и важной для народа работе.

— Делом своей жизни, до последних ее дней, до последних своих великих стихов «Во весь голос», повседневно и ежечасно, день за днем, год за годом Маяковский доказывал всегда и всюду, и в лирических стихах, и в сатирических пьесах, и в подписях к плакатам РОСТА, что Октябрьская революция, действительно, его революция, что Советская власть — его власть. И что нет для него ничего важнее и дороже, чем убеждение, что он как поэт мобилизован и призван революцией, чтобы служить ее великим и повседневным целям, — сказал в своем слове К. Симонов. — Маяковский никогда не отделял величие от повседневности. Зимой 1930 года, открывая свою выставку «20 лет работы Маяковского», он так сказал об этой выставке и обо всей своей работе поэта: «Смысл этой выставки — показать, что писатель-революционер... является человеком, участником повседневной будничной жизни и строительства социализма». Вдумаемся в сказанное Маяковским. Нет, не случайно он поставил великое понятие «строительство социализма» рядом со словами «повседневная будничная жизнь». Он хотел подчеркнуть этим, что от советского поэта требуется работа, много работы и что без этой будничной повседневной работы каждого из нас социализма не построишь.

На вечере выступили украинский поэт В. Коротич, главный редактор журнала «Литературная Грузия» Г. Цицишвили, болгарский поэт М. Исаев, студентка Тбилисского государственного университета В. Асатиани, поэты И. Нонешвили, Д. Чарквиани.

На вечере присутствовали первый секретарь ЦК КП Грузии Э. А. Шеварднадзе, Председатель Совета Министров Грузинской ССР Г. Д. Джавахишвили.

Известный грузинский критик Б. Жгенти, близко знавший Маяковского и друживший с ним, сказал:

— В эти дни мы как бы заново прошли с Маяковским по улицам и площадям Тбилиси, посмотрели его глазами на сделанное за эти годы.

Мне кажется, поэт был бы доволен и громадами домов в районе новостроек, где будет воздвигнут ему памятник, и работой трудящихся наших заводов и фабрик. Особенно знаменательно, что 1973 год у нас отмечается как год юбилеев двух великих поэтов революции: русского — В. Маяковского, грузинского — Г. Табидзе.

Открывая торжественный митинг, посвященный Дням революционной поэзии в Грузии, состоявшимся в честь 80-летия В. Маяковского, первый секретарь Кутаисского горкома КП Грузии С. Хабешвили сказал:

— Мы с гордостью говорим о том, что в этом древнем грузинском городе, ставшем колыбелью целой плеяды выдающихся деятелей литературы и искусства, начинался Владимир Маяковский.

И снова стихи, снова встречи и беседы. К учащимся школы, где некогда учился поэт, к рабочим автомобильного завода, шелкового комбината и других кутаисских предприятий пришли поэты и писатели. Здесь звучали стихи К. Каладзе и Р. Рождественского, В. Шинкубы и М. Львова, Р. Казаковой и Н. Гуреишидзе, В. Коротича и С. Куняева.

О современности и поэзии Маяковского говорил Герой Социалистического Труда Б. Вашакидзе, человек, который в свое время «свел» с конвейера первый грузинский автомобиль с маркой «КАЗ».

Многолюдный митинг состоялся в районном центре Маяковский — бывшем Багдади, где 80 лет назад в семье лесничего родился сын Володя. На центральной площади был открыт памятник поэту, созданный скульптором Г. Кевхишвили. К. Симонов, Г. Абашидзе, Э. Матузявичюс, болгарский писатель В. Колевский и другие говорили о безграничной любви советского народа, всех народов мира к революционному слову Маяковского.

9 октября 1938 года газета «Известия» напечатала заметку А. Склезнева и К. Каландадзе. «Как это ни странно, но в доме, где родился и провел детские годы талантливейший поэт советской эпохи, ничто об этом не говорит и не напоминает, — писали авторы заметки — ...Нужно создать музей, достойный поэта».

Организованный здесь спустя два года музей сегодня может считаться и одним из интереснейших мемориалов, и центром изучения творчества поэта. Предоставим слово директору музея Н. Кучухидзе:

— В нашем доме-музее никогда не бывает тишины и безлюдья, потому что со всех концов света приезжают сюда почитатели поэзии Маяковского. Наши фонды постоянно растут, экспозиция расширяется, появляются все новые документы о детстве поэта, о его родных и близких, о друзьях, с которыми он мальчиком ходил купаться на речку Ханис-Цкали. Только записи в книгах впечатлений, сделанные посетителями за эти годы, составили уже 32 тома! Это ли не свидетельство бессмертия поэта!

Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ,
собственный корреспондент «Литературной газеты»

Открытие памятника на родине Маяковского

Фото ТАСС

ДНИ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

«ПИСАТЕЛИ — МЕТАЛЛУРГАМ»

Под таким девизом с 9 по 15 июля в Челябинской области проходили Дни советской литературы, посвященные третьему, решающему году пятилетки. Писательскую делегацию возглавлял секретарь правления СП СССР О. Шестинский. В ее состав входили: Р. Ахматова, А. Гольдберг, П. Железнов, В. Жуков, М. Львов, А. Медников, Н. Миксон, А. Насибов, В. Попов, Ю. Разумовский, Е. Савинов, Л. Смирнов, Л. Татьяничева, Д. Терещенко, а также челябинские писатели М. Гроссман и К. Скворцов.

В Челябинске расположены три индустриальных гиганта: металлургический и трубопрокатный заводы, электрометаллургический комбинат, где и состоялись встречи литераторов с рабочими.

В цехе — обеденный перерыв. Красный уголок заполнен рабочими. Звучат стихи... Потом поднимается парень в спецовке из «чертовой кожи» и заводит разговор о поэзии — нынешней и той, что звучала в 20-е годы, о Маяковском. Павел Железнов, который вместе с Маяковским, рассказал о запомнившихся на всю жизнь встречах. Михаил Львов поделился воспоминаниями о том, как в Челябинске провожали на фронт танк, носящий имя флагмана революционной поэзии. Олег Шестинский прочел стихи Маяковского о героине первой пятилетки, о «его величестве рабочем классе».

Писательская делегация была разбита на группы — одна уехала в старинный Златоуст, другая — в Ашу, город, находящийся на самой границе с Башкирией.

В Аше, где расположен крупнейший металлургический завод, на прощальном литературном вечере также звучали стихи, посвященные Маяковскому.

А потом хозяева поменялись «ролями» с гостями — рабочие рассказывали литераторам о своих делах и планах, о тонкостях «огненной профессии». В заключение к писателям обратился сталевар мартеновского цеха Герой Социалистического Труда Юрий Попов.

— Мы, люди так называемой горячей профессии, высоко ценим пламенное слово советских поэтов, — сказал он. — Я очень люблю нашу поэзию — стихи Есенина, Твардовского и особенно Маяковского. Через несколько дней вся страна будет широко отмечать юбилей Маяковского. В честь этого наша бригада стала на вахту его имени. Мы обязуемся выдать новую скоростную плавку...

Свое обещание металлурги выполнили.

...Наверное, нигде нет столь романтичного памятника, который существует в городе у Магнитной горы. Это памятник первой палатке — той, брезентовой, выцветшей от водяных шквалов и суховеев, в которой жили комсомольцы-строители. Палатка раскрытой книгой поставлена на бетонный пьедестал, широкий, как «литейный двор», рядом с ней огромная «распахнутая» ладонь, бережно держащая порозовевший от дождей кусок руды. А внизу, по кромке всего пьедестала — строки Бориса Ручьева:

Мы жили в палатке
с зеленым окошком,
промытой дождями,
просушенной солнцем,
да жгли у дверей
золотые костры
на рыжих каменьях
Магнитной горы.

Писатели, собравшиеся 12 июля в Магнитогорске, побывали на металлургическом комбинате, на метизно-металлургическом и калибровочном заводах; поднялись на «гору» — так магнитогорцы называют рудник и горно-обогатительную фабрику.

В городском комитете партии состоялась беседа с первым секретарем Челябинского обкома КПСС М. Г. Воропаевым, прибывшим в Магнитогорск для участия в слете передовиков-металлургов. М. Г. Воропаев рассказал о перспективах развития промышленного хозяйства области, об огромном, непрерывно возрастающем интересе современных рабочих к литературе. Затем выступил первый секретарь Магнитогорского горкома КПСС В. В. Колосок.

Делегация писателей также приняла участие в слете металлургов, где от имени делегации выступил О. Шестинский.

В. ПОВОЛЯЕВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

***

Подробный отчет читайте в следующем номере «Литературной газеты».

ХРОНИКА

В Москве в Доме дружбы с народами зарубежных стран состоялся вечер, посвященный 80-летию со дня рождения известного югославского писателя Мирослава Крлежи.

ПРОЗА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РАЗВИТИЯ

Как сообщала «Литературная газета» [№ 28, 1973], во Фрунзе состоялось региональное совещание, посвященное проблемам и путям развития современной прозы Средней Азии и Казахстана. По просьбе нашего корреспондента участники совещания ответили на некоторые вопросы, касающиеся процессов, происходящих в этих литературах.

Сегодня мы заканчиваем публикацию этих бесед.

Лев ЯКИМЕНКО
(МОСКВА)

ВОПРОС: Чем конкретно обогатили вас произведения среднеазиатской и казахской прозы не только нам читателя, но и как критика, литературоведа, прозаика? Проще говоря, что вам нравится, а что вызывает желание поспорить?

— Мое знакомство с литературами Средней Азии началось не совсем обычно. В давние студенческие годы, во время тоскливого ожидания на степной станции Джанкой в Крыму, я прочитал сборник устных рассказов и анекдотов о Ходже Насреддине. Необычность ситуаций и положений, юмор — порой весьма глубокого свойства — открыли мне нечто новое, незнакомое. И когда через несколько десятилетий, готовясь к обсуждению проблем узбекской прозы, которое состоялось в Ташкенте в 1969 году, я начал читать рассказы узбекских писателей — первые их прозаические произведения, — я увидел ту внутреннюю связь, которая существует между изустным рассказом и первыми шагами рождавшихся прозаических жанров. Рад был, что об этой же связи говорили и некоторые докладчики на нынешнем совещании во Фрунзе. Необычность этих литератур, кроме всего прочего, в том, что они обладали богатейшими поэтическими традициями (письменными, фольклорными) и лишь после революции в них происходило становление прозаических жанров: рассказа, повести, романа. Мы встречаемся, по сути, с историческим феноменом. Мне интересна литература Средней Азии и Казахстана прежде всего тем новым, что она вносит в общую сокровищницу единой многонациональной и многоязычной советской литературы. Когда я читаю, например, эпопею М. Ауэзова, то мое внимание привлекает не только история жизни Абая, но и все то, что связано с характером поэтического мышления народа. Так, например, история метафоры могла бы стать историей образного освоения мира. Характер образных средств всегда открывает нам не только эмоциональный мир художника, но и помогает познанию народа.

В этом смысле творчество Чингиза Айтматова — источник поразительной чистоты, родниковой свежести, из которого современный человек многое может почерпнуть для себя: раздумья об отношениях человека и природы, осуждение пассивности, жестокости, зла, насилия, песенное утверждение добра. Читая произведения Айтматова, мы живем всей полнотой чувств, сознаем, какую власть над нашими чувствами может иметь искусство.

Проза Средней Азии и Казахстана, черпая свои поэтические традиции из неиссякаемой сокровищницы народной поэзии, усваивает и опыт русской советской литературы, мирового искусства. Повесть таджикского писателя Ф. Мухаммадиева «Путешествие на тот свет», недооцененная нашей критикой, — один из примеров того, насколько плодотворным может оказаться обращение к традициям устного повествования для писателя, вооруженного опытом современного искусства. Романы Джалола Икрами, повести Фатеха Ниязи свидетельствуют, как упорно идет таджикская проза к утверждению социально значимого в жизни народа.

Если говорить о моих пожеланиях, мне кажется, что труднейшим (и не только для писателей Средней Азии и Казахстана) остается искусство создания характеров, способных к внутреннему развитию. Движется время, изменяется человек. Овладение диалектикой отношений, характеров и обстоятельств, умение передать движение эпохи, человеческих судеб, времени являются основой эпического искусства... Не к этому ли мы все стремимся?

Сергей БОРОДИН
(ТАШКЕНТ)

ВОПРОС: Как вы понимаете современность произведения на историческую тему? Может ли, на ваш взгляд, произведение об отдаленном прошлом прозвучать так же актуально, как и произведение о сегодняшнем дне?

— Первое: современность произведения определяется не материалом, а отношением писателя к материалу, идейной позицией, пониманием того или иного события ли, случая ли, о котором идет речь, его значения и места в жизни общества. Насколько современен и принципиален взгляд автора на исторический момент, настолько и современно это произведение.

И второе. Произведение, написанное на любом материале, может прозвучать не только актуально, но и злободневно, независимо от материала, будет ли положен в основу факт из жизни сегодняшней или из жизни давно минувшей, если автор ставит и решает вопрос важный, актуальный или даже острый для сегодняшней жизни.

Мы знаем немало случаев, когда о нашей жизни писались рассказы или целые книги, где автор на нынешний день смотрел с позиций минувшего времени, оценивая факты нашей жизни сквозь призму отсталых взглядов. И, наоборот, многие, даже очень отдаленные явления минувшей жизни оценивались писателями с высоких идейных позиций современности, и это помогало нам яснее понять те или другие явления нынешнего дня.

Роланд ОПИТЦ
(ГЕРМАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА)

ВОПРОС: Насколько нам известно, вы давно интересуетесь творчеством среднеазиатских писателей. Не могли бы вы рассказать о том, как в ГДР воспринимается литература Советского Востока? Что у вас читают, что особенно любят?

— В истории немецкой культурной жизни редко бывали такие случаи, чтобы писатель другой, иноязычной литературы так волновал души читателей, чтобы читатели так усердно спорили о его творчестве, как это теперь происходит с книгами Ч. Айтматова. Читатели, особенно люди старшего поколения, сопоставляют свой собственный жизненный опыт с тем, что пережила киргизская женщина Толгонай. Радует яркое описание стремительного бега Гульсары, в котором проницательно передано как бы эмоциональное обобщение пережитого и переживаемого.

Конечно, Чингиз Айтматов не единственный близкий нам мастер слова из литератур Средней Азии, далеко нет. Рядом с произведениями русских советских писателей нам, вступившим в сознательную жизнь в конце 40-х и начале 50-х годов, во многом помогали выходившие тогда на немецком языке романы и повести Берды Кербабаева («Айсолтан из страны белого золота», «Решающий шаг») и Айни (особенно его «Бухара»). В 50-е и 60-е годы появлялось несколько изданий эпопеи Мухтара Ауэзова об Абае. Сейчас с большим интересом читаются произведения Джалола Икрами, Абджамила Нурпеисова и других писателей Советского Востока, вышедшие на немецком языке за последние восемь-девять лет.

Разумеется, высокий интерес читателей к творчеству писателей Советского Востока требует от литературоведения и критики ГДР повышенного внимания, серьезных исследований. Справочный словарь «Писатели народов СССР», изданный в Лейпциге под редакцией Г. Юнгера, имеет довольно широкое распространение. Пишутся рецензии и научные статьи о творчестве писателей, изданных у нас. Но совершенно ясно, что это лишь начало более серьезного изучения. Поэтому хочется выразить благодарность секретариату правления Союза писателей СССР за приглашение на конференцию, посвященную современной прозе Средней Азии и Казахстана.

Тендик АСКАРОВ,
первый секретарь правления СП Киргизии
(ФРУНЗЕ)

ВОПРОС: Что дало вам это совещание? В каких мыслях помогло утвердиться, на какие раздумья и размышления натолкнуло?

— Прежде всего мне хотелось бы отметить, что совещание явилось большим событием в культурной и общественной жизни республики. Оно еще раз продемонстрировало неразрывное идейное и эстетическое единство многонациональной советской литературы. Как и следовало ожидать, разговор вышел далеко за рамки прозы только одной зоны и охватил широкий круг проблем, все многообразие художественной практики нашей литературы. Во вступительном слове Суровцева, в докладах Каюмова, Есенберлина, Шукурова, Мурадова, а также в выступлениях Новиченко, Якименко, Пархоменко, Кедриной, Османовой и многих других были затронуты вопросы, имеющие принципиальное значение при оценке современного состояния и путей дальнейшего развития литератур, которые только в советское время вышли на просторы подлинно реалистического искусства. Мы еще раз убедились в том, что процесс взаимовлияния и взаимообогащения советских культур, происходящий в нашей стране, является в высшей степени плодотворным, отражает сущность духовного сближения наших народов и способствует возникновению новых идейно-художественных качеств и явлений. Одним словом, мы можем сказать, что наш творческий форум стал важным этапом в осмыслении путей развития современной прозы Средней Азии и Казахстана, в ее глубоких и кровных связях с общесоюзным литературным процессом.

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО СМ. В «ЛГ», № 28.

ВОСЬМОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ 1973

БОЛЬШАЯ НЕДЕЛЯ МИРОВОГО ЭКРАНА

ВЕЧЕРОМ 10 июля в Кремлевском Дворце съездов VIII Московский международный кинофестиваль открылся демонстрацией нового документального фильма о поездке товарища Л. И. Брежнева в США «Во имя мира на земле». Далее слово было предоставлено... литературе. Впервые был показан созданный по роману Константина Федина фильм «Города и годы» (постановка Александра Зархи).

Поддерживая сложившуюся в кино традицию, автор романа прибыл на открытие фестиваля и вместе с режиссером и актерами представлял картину зрителю. Сколько бы ни велось споров о профессиональных особенностях современного кино, одно совершенно очевидно: без писателя, без литературы не может жить кинематограф.

— Удивительный праздник этот фестиваль, праздник творчества, — сказал Константин Александрович. — Сколько в нашем фестивале участвует стран? 86! А гостей? Восемьсот! А фильмов? Да, это масштаб — целый мир здесь воздает должное экрану, который так волнует людей... Грандиозное событие, не только для кино...

Когда Федин вышел вместе с творческой группой на сцену, зал встретил писателя аплодисментами. Это было и сердечное приветствие литературе...

ОДНО из центральных событий первых дней фестиваля — демонстрация двухсерийного художественного фильма «17-я параллель: дни и ночи», представленного на конкурс кинематографистами ДРВ. Показ фильма совпал с пребыванием в нашей стране партийно-правительственной делегации ДРВ.

— Сначала я был солдатом, защищал родину с оружием в руках, а потом, в 1959 году, меня послали в Ханой учиться на кинорежиссера. — рассказывал нам после фестивальной премьеры взволнованный постановщик картины Хай Ниньк. — Мне пришлось снять пока только четыре фильма, и все они посвящены одной теме: защите родины! Этот фильм снимался во время боев, мы писали сценарий, вели съемки. Некоторые кадры отсняты в Ханое, в те самые двенадцать памятных дней страшных бомбежек... Наш фильм вышел на экраны сразу после подписания Парижского соглашения — это было наше поздравление народу с великой победой. Я снимал его, думая о советском кино, рожденном Великим Октябрем.

Грациозная Ча Жанг, исполнительница главной роли в фильме, актрисой стала в Ханое. Здесь она училась в школе искусств, здесь начала сниматься в кино и успела уже сыграть в десяти фильмах.

— Мы рады представить наш фильм о трудной борьбе вьетнамского народа на этом замечательном фестивале в прекрасной Москве, столице наших советских друзей, — сказала нам Ча Жанг. — Наш фильм идет 2 часа 55 минут — это было время нашего счастья.

КУБИНСКОГО кинорежиссера Сантъяго Альвареса уже давно и по справедливости считают одним из крупнейших кинодокументалистов мира: он снял 500 хроникальных и около 50 документальных фильмов — и снял, по общему признанию, талантливо. Эти ленты рождались в Перу, Чили, Аргентине, Бразилии, Алжире, Гвинее, ДРВ, Лаосе... Там, где происходит нечто значительное, важное — там снимает Сантъяго Альварес, художник свободной Кубы.

На Московский фестиваль его пригласили в состав жюри документальных фильмов.

— По моему глубокому убеждению, Московский кинофестиваль по своей гуманистической направленности и размаху является самым крупным в мире, — говорит Сантъяго Альварес.

— Когда вы начали работу в кино?

— В 1960 году, тогда я снял свой первый фильм «Циклон «Флора». Я сделал много лент. Среди них — немало памятных. Например, фильм «К полной победе» я сделал за 48 часов. В Гавану пришла скорбная весть о гибели Че Гевары. Через два дня собрался митинг, на котором Фидель Кастро сообщил народу горестную весть. К митингу фильм был готов.

— Что вы будете снимать в ближайшее время?

— В будущем году собираюсь снять фильм о Советском Союзе...

ХОЧУ ЗАКОНЧИТЬ этот репортаж разговором с Рене Клеманом, известным французским режиссером, разговором, который состоялся на борту теплохода «Орджоникидзе», во время прогулки участников фестиваля по каналу имени Москвы.

— Вы сняли 16 фильмов, а когда-нибудь брались за перо?

— Всерьез никогда! — ответил Клеман. — Я не считаю себя вправе даже думать об этом: литература для меня, кинорежиссера, — дело святое. Я глубоко уважаю настоящих писателей. Чтобы иметь право писать для людей, надо уметь сказать им нечто очень большое и важное.

— Чем же вы заняты сейчас?

— Как видите, работаю в жюри Московского фестиваля. Это для меня большая честь. Тогда, десять лет назад, я показал в Москве, тоже на фестивале, вне конкурса свой фильм «День и час»... Как много времени прошло, и вот я снова на фестивале, на земле великой русской литературы, к которой я испытываю благоговейное уважение... Некоторые легко и просто экранизируют романы великих русских писателей, а мне это даже в голову не приходит: это ведь сокровища, и к ним надо относиться соответственно. Нет, литературе я поклоняюсь, но мое дело — кино.

Н. МАР

В первый день фестиваля гостям Кремлевского Дворца съездов была показана новая работа «Мосфильма» — «Города и годы» по роману К. Федина. На снимке: Константин Федин, Сергей Бондарчук, Ирина Скобцева

Фото Л. НИСНЕВИЧА

КАК ЖИВОЙ С ЖИВЫМИ ГОВОРЯ

Анатолий СОФРОНОВ

СЕРДЦЕБИЕНИЕ СТИХА

СТРАННОЕ дело, в годы, когда еще не было ни массового радио, ни телевидения, мы хорошо знали поэзию Владимира Маяковского. В ту далекую пору двадцатых годов поэтические книги не издавались большими тиражами. И все же Маяковского знали. У подавляющего количества любителей поэзии стихи Маяковского находили восторженный прием. Правда, Маяковский был отличным пропагандистом собственной поэзии. Он не уставал путешествовать по молодой Советской стране, пересекая ее вдоль и поперек. На своих литературных вечерах выходил не большие аудитории, читал стихи, отвечал на вопросы, спорил с доморощенными оппонентами, убеждал, побеждал и отправлялся дальше... Но мы помним и другое — любой, даже самый большой зал могтогда вместить не более тысячи человек. И все же Маяковского знали, поэзию его полюбили почти мгновенно, ее не надо было навязывать читателям и слушателям так, как это бывает иногда в пору массового развития радио и телевидения...

Те, кому посчастливилось хотя бы однажды услышать Маяковского, уносили с собой в сердце неотразимость и страстную правду его поэзии, удивительно созвучной времени, в котором поэзия эта рождалась. Впрочем, уносили с собой не только поэзию Маяковского, но и сохраняли в памяти весь облик поэта, чувствующего себя ответственным за все, чем жила страна. Мне повезло. Не двух вечерах Маяковского, когда он в 1926 году был в Ростове-на-Дону, я, тогда еще школьник, публиковавший стихи в стенной газете своего класса, слушал поэта, который был близок мне, впрочем, как и всем, за единичными исключениями, зрителям, забившим до отказа а эти два вечера большой зал Дома Красной Армии. Во время первого вечера нашелся какой-то из местных поэтов, который, забравшись на сцену, бросил в лицо Маяковскому слова о том, что «ваша поэзия, Маяковский, умрет до вашей физической смерти». Помнится, Маяковский выждал, когда закончатся возгласы и шиканье слушателей, возмущенных элементарной бестактностью местного «пророка», а затем очень спокойно, очень просто сказал: «А вы не умрете: вас поставят на постамент и вы останетесь памятником пошлости, а на вашу голову вороны будут делать то, что им, по их птичьему роду, положено делать». Под свист и смех аудитории «пророк» исчез из зала. Вечер продолжался...

Уже через несколько лет, работая на Сельмашстрое, вместе с другими членами заводской литературной группы мы старались делать то, что, как нам а ту пору казалось, соответствовало духу поэзии Маяковского. Поэтому на строительстве, в первых цехах и мастерских, на проходной завода постоянно появлялись наши стихотворные лозунги и четверостишия с карикатурами на «местные» темы, а в заводской газете печатались наши стихи, соответствовавшие, повторяю, как нам казалось тогда, духу поэзии Маяковского. В ту горячую пору в советской поэзии было немало «хороших и разных» поэтов, но поэзия Маяковского была нам ближе «по самой строчечной сути». Да, Маяковский был созвучен времени, эпохе, в которую он жил. Но эпохе — значительно более широкое во времени понятие, чем краткая принадлежность к определенному летосчислению. Маяковский принадлежал, принадлежит и всегда будет принадлежать эпохе борьбы человечества за социальные преобразования. Взрывная, глубокая, внешне как будто бы и простая (кто теперь скажет, что поэзия Маяковского непонятна!) форма его стихов, ее содержание соответствовали думам и надеждам миллионов молодых строителей нового общества. И, конечно же, поэзия Маяковского оказала огромное влияние на становление всей многонациональной советской поэзии. Я не думаю, что кто-либо из современных поэтов взял бы на себя отчаянную смелость провозгласить, что именно он, а не кто другой, является прямым наследником Маяковского. Это бывало раньше, и, как показала история нашей литературы, такие риторические утверждения дальше самих утверждений не пошли, масштабы все же оказались не те. Но вся наша поэзия, вся советская литература, да и не только она, а и вся мировая прогрессивная поэзия получила в руки бесценное наследство Маяковского, его опыт, я бы сказал, маяковский стиль в современной литературе. Именно в литературе, не только в поэзии. Ибо многое из того, что сделано Владимиром Маяковским в других смежных жанрах литературы, и в частности в драматургии, является одной из составных частей всего наследия поэта.

Всем своим существом, строем своего творчества он выходил напрямую для разговора со слушателями, с аудиторией, которая хочет не только читать, но и слышать. Так появились очень даже непростые, а скорее очень трудные для сценического воплощения пьесы Маяковского «Баня» и «Клоп» — произведения жанра, который мы по праву относим по всем его художественным особенностям к области сатиры. К сожалению, мы знаем не так-то много (за исключением, пожалуй, постановок Театра сатиры) спектаклей по пьесам Маяковского. Но и те спектакли, которые мы имели возможность видеть именно в последние годы, дают основание утверждать, что плодотворны не только сами сценические воплощения драматургии Маяковского, но и продолжения поисков именно в этом направлении — а создании при заинтересованном отношении талантливых режиссеров и актеров спектаклей, продолжающих и развивающих драматургическую традицию Маяковского.

...Идут годы, идут десятилетия. Прошло уже почти полстолетия с того трагического дня, когда Владимир Маяковский ушел из жизни. Но и он сам, и его бессмертная поэзия весомо и зримо живут в сердцах новых поколений, продолжающих строить и все выше возводить ту самую жизнь, у истоков которой стоял Владимир Маяковский и славил ее «всей звонкою силой поэта».

Живут и будут жить вечно!

Георг ЭМИН

ВСЕГДА — ДВАДЦАТИДВУХЛЕТНИЙ...

ИМЕЙ фантазию хоть восьмидесяти поэтов, все равно трудно представить Маяковского восьмидесятилетним, старым или дряхлым.

Из тех он поэтов — всегда молодых, страстных, горячих, — которые или не старятся вообще, или не доживают до старости. Навсегда остался он в нашей памяти таким, каким описал себя в знаменитой поэме «Облако в штанах»:

У меня в душе
ни одного седого волоса,
и старческой нежности
нет в ней!
Мир огромне
мощью голоса
иду — красивый,
двадцатидвухлетний.

Рожденный в буре революции и видный всему миру на высоком гребне революционной волны, Маяковский-поэт словно сам олицетворяет революцию.

Мы часто употребляем, иногда кстати, а большей частью некстати, слово новатор, не понимая, что из тысяч поэтов редко кто может удостоиться этой трудной чести, потому что новатор — это не только могучий талант, но в первую очередь и порождение революционных переломов, изменяющих мир.

Лишь такой поэт, подлинный новатор, мог еще до революции предвидеть ее приход с разницей всего на год:

Где глаз людей
обрывается куцый
главой голодных орд,
в терновом венке
революций
грядет шестнадцатый год.

Революция не могла не создать своего пророка — поэта возвестившего миру то новое, что было рождено ею. А если к тому же этот поэт был гениален, как Маяковский, то ему не надо было вливать новое вино в старые мехи — он нашел новые формы и средства, чтобы воспеть новое по-новому.

Этим объясняется то, что Маяковский внес новое дыхание не только в русскую поэзию, но и в поэзию многих народов мира.

Книги Маяковского не просто книги — это «Книги пути» новой поэзии нашего времени, и не случайно именно он, как новый Буало, провозгласил кредо нашей новой поэзии, ее «Ars poetica».

Он дал ключ к поэтическому раскрытию многих сложных и запутанных тем будущего, и этим ключом, иногда называя его имя, а иногда забыв об этом, пользуются многие поэты мира.

Маяковский не только страстно отвергал старое, обветшалое (вспомним хотя бы его знаменитые «Долой!»), он был могуч и в утверждении нового («Хорошо!»).

Он не мог быть равнодушным ни к чему фальшивому, подлому, грязному. Он был готов, превратив лавровый венок своей славы в метлу, выметать ею всю грязь из жизни, грязь, которая, в отличие от обычного мусора, не пассивна и не только бешено сопротивляется, но и имеет своих адвокатов.

Подобно жизни многих честных, принципиальных людей, жизнь Маяковского тоже была трудной, но он, с достойным большого поэта благородством, оставил нам не свою боль и горечь, а самое лучшее и сокровенное, не ветви, обломанные камнями, брошенными в его поэтический сад клеветниками и подлецами, а цветы и плоды этого сада:

Грядущие люди!
Кто вы?
Вот — я,
весь
боль и ушиб.
Вам завещаю я
сад фруктовый
моей великой души.

ЕРЕВАН

Сулейман РУСТАМ

СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ

БАКИНСКИЕ ВЕЧЕРА

БЫЛО это в декабре 1927 года.

В один из дней улицы моего Баку запестрели крупными радужными афишами, навешавшими о приезде Маяковского и о предстоящих вечерах его поэзии.

Общество пролетарских писателей помешалось тогда на втором этаже нынешнего здания Академии наук — в самом центре города. Я был ответственным секретарем этого общества.

И вот, собравшись здесь, друзья мои, бакинские поэты и прозаики, взволнованно обсуждали предстоящую встречу с Маяковским: в телеграмме, полученной нами, дата приезда не была указана, поэт, как известно, не любил заранее организованных встреч и во всем избегал парадности. Говорили мы о маршрутах его поездок, вечеров, прикидывали — когда, где, как и т. п.

Как вдруг за дверью послышались гулкие звуки решительных шагов. Я сказал: «А вот и сам Маяковский!».

Каково же было удивление всех, да и мое тоже, когда эти мои слова обернулись правдой. Распахнулась дверь, и в комнату вошел рослый, плечистый человек с длинными сильными руками.

Все замолкли и невольно, как школьники перед учителем, встали. Сделав два огромных шага от двери до стола, за которым мы только что сидели, человек представился:

— Маяковский.

С каким восторгом мы жали его руку, какая радость сверкала в наших глазах! Как-то сразу в комнате возник общий деловой разговор. Растерянности, вызванной появлением поэта, да еще столь неожиданным, как не бывало.

Маяковский интересовался всем — местными литературными силами, нашими взаимоотношениями с издательствами, распространением книг, нашими связями с рабочими, бакинскими нефтяниками. Мы чувствовали, что это не просто дань вежливости, а все действительно интересно для него.

Во время беседы он сказал: «Мы пишем не для себя. Если бы мы творили свои сочинения только для самих себя, не было бы нужды и печатать их... Мы пишем для широких масс и поэтому в первую очередь должны прочесть им свои вещи, узнать их отзывы и суждения. Без этого невозможно создать новую, советскую литературу... Без читателей нет поэзии».

Почти два часа длился этот первый разговор с поэтом в комнате нашего общества в день его приезда.

Гурьбой мы вышли проводить Маяковского.

...Один из первых литературных вечеров Маяковского состоялся во Дворце культуры, в том же здании нынешней Академии наук. Огромный зал не вместил всех желавших, у подъезда стояла толпа тех, кому не удалось попасть в зал, но все равно никто не расходился. На вечер пришли главным образом представители интеллигенции — преподаватели, инженеры, писатели, студенты и мы, молодые поэты, приглашенные самим Маяковским. Сидим, с нетерпением ждем начала. Наконец на сцене появился Маяковский. Зал пришел в движение, раздались бурные аплодисменты. Поэт энергичным жестом руки успокоил зал, открыл вечер и предоставил слово самому себе. Он прочел одно из лучших своих произведений — поэму «Хорошо!». А потом отвечал на переданные ему записки. Вот одна из них:

«Когда в душе человека — пустота, у него два выхода из положения: молчать или орать. Почему вы избрали второй путь?»

Маяковский ничуть не растерялся, хотя нам, страстным поклонникам его поэзии, стало не по себе. Поэт окинул зал взглядом, полным достоинства, словно желая обнаружить, кто это написал, и ответил:

— Автор этой записки забыл, что есть и третий выход — задавать такие глупые вопросы!

Зал разразился смехом — мы были отомщены!

...По просьбе рабочих мы повезли Маяковского на одно из самых крупных промышленных предприятий города — судоремонтный завод.

Был час обеденного перерыва. Весть о дорогом госте с молниеносной быстротой разлетелась среди рабочих. Несколько сот человек собрались в механическом цехе. Несмотря на то, что этот импровизированный зал был переполнен, стояла глубокая, торжественная тишина.

По-прежнему Маяковский открыл собрание сам. И сразу же начал читать стихи.

Громом аплодисментов рабочие выразили ему свой восторг. Рад был читать стихи в такой аудитории и сам Маяковский. Стоя неподалеку, я видел, как сверкали его глаза.

После Маяковского слово взяли мы, бакинские писатели, — М. Юрин, В. Витковнч, Г. Строганов и я. Мы очень волновались и, наверное, выступали не лучшим образом. Но такое среди собравшихся царило приподнятое настроение, что и нас приняли, как говорится, «на ура»...

Однажды Маяковский, Юрин и я поехали в поселок Разина, пригород Баку, в гости к Михаилу Камскому. Маяковский, как всегда после выступления перед аудиторией, был весел и внимателен ко всем и всему. Он живо интересовался бытом, жилищными условиями рабочих — соседей Камского, долго беседовал с ними.

Пользуясь хорошим настроением поэта, мы попросили его провести совместно с пролетарскими писателями Азербайджана большой литературный вечер. И хотя время пребывания Маяковского в Баку было строго расписано, он сразу согласился.

Этот вечер состоялся 6 декабря в Доме просвещения, сейчас этого здания нет в Баку, на его месте разбит сквер имени Сабира. Маяковский прочел много стихов и вообще был в ударе. Потом, по обыкновению, беседовал со слушателями. В частности, обратившись в залу, спросил: «Кто не понял прочитанные мной стихи, кто вообще не может читать их, — пусть поднимет руку...».

Гул удивления прошел по залу. Ведь только что все от души рукоплескали поэту, а значит — поняли. Аплодировать из пустой вежливости, конечно, можно, но ведь не так горячо!

Незадолго до отъезда Маяковского мы решили сфотографироваться на память. В те времена в центре Баку, на месте нынешнего кафе «Наргиз», стоял старый двухэтажный дом. На втором этаже этого дома работал отличный фотограф Брегадзе. Будучи мастером своего дела, Брегадзе завел правило — снимать и хранить у себя фото всех выдающихся личностей, гостей Баку.

И вот мы у Брегадзе. Сфотографироваться вместе с Маяковским пришли Гусейн Джавид, В. Витковнч, Мамед Ариф, М. Юрин, М. Камский, Г. Строганов, П. Тарасов и другие бакинские литераторы. Осталась дорогая, очень ценная память о нашем друге. Сохранился старый номер журнала с этой фотографией. Репродукцию ее я и предлагаю вниманию читателей «Литературной газеты».

Маяковский, уезжая из Баку, обещал приехать еще раз, но, увы...

БАКУ

СЛОВО О ПОЭТЕ

Константин ВАНШЕНКИН

НЕОБХОДИМЫЙ СПУТНИК

НЕ ПОМНЮ, кто сказал, что если представить (разумеется, совершенно условно), будто исчезло все, написанное Маяковским, и все упоминания о нем, а остальная поэзия осталась, то грядущий литературовед обязательно догадался бы о его существовании. Это очень верно. Так по положению небесных тел астроном точно определяет, что вблизи них проходило еще одно, особенно крупное. Следы его влияния слишком заметны.

Воздействие Маяковского на других поэтов не только и не столько в подавляющей интонации, манере. Такие влияния как раз встречаются чаще всего. Конечно, в какой-то период молодости почти все невольно пишут «под Маяковского». У меня тоже были такие стихи, я их не печатал.

Прямые подражатели, копиисты Маяковского — явление наименее интересное. Яркие поэты, считавшиеся его учениками, с годами расстались с «лесенкой». Да и он сам вплотную подошел к «нормальному» ямбу.

Дело не в этом. Он повлиял на всех — самых непохожих на него. И на того, кого неточно принято считать его главным антиподом. Может быть, кому-то это покажется странным. Я сам, например, понял это далеко не сразу.

Он повлиял силой своего таланта, своего духа, своей убежденности. Силой того, что он был. Он был революционен по самой сути — и в восприятии жизни, и в стихе.

Маяковский в моей жизни... Об этом, я уверен, мог бы рассказать не только каждый пишущий стихи, но и каждый читатель поэзии.

Я не видел Маяковского. Но у меня ощущение — с возрастом все более явственное, — что он мой современник, а не некая отдаленная вершина. Это, конечно, основано на реальности: многие мои знакомые знали его лично, общались, разговаривали с ним или хотя бы видели и слышали. И потом очень уж известны его лицо, папироса, его взгляд, его рост, его остроумие.

Помню яркие, с картинками книжки детства — «Что такое хорошо и что такое плохо?» и «Кем быть?». Они не стали еще тогда детской классикой, они были написаны лишь совсем недавно, и я принадлежал к первому поколению их читателей. Они нравились мне, но не были связаны с именем автора, как это бывает у детей и вообще у читателей недостаточно квалифицированных. И еще — в школе вначале мы нестройно пели «Возьмем винтовки новые». Прошло не так уж много времени, всего несколько лет, и мы действительно взяли эти самые винтовки, правда, по большей части не новые и, конечно уж, без флажков. А тогда, когда мы это пели, я уже ходил по комнате, держа в левой руке журнал, а правой рубя воздух, и громко, отчетливо, со счастливым ощущением причастности ко всему этому чеканил слова и строки. Через несколько минут я отбросил журнал, я знал стихотворение назубок, словно в меня его врубили. Кроме того, я как будто сам в этом всем участвовал, присутствовал там, в международном вагоне или на пароходе, и с гордостью протягивал чиновнику свой красный паспорт.

И еще. Я впервые в жизни испытал острое желание прочесть стихотворение другим, будто это я сам его написал.

Пожалуй, нечто похожее я ощутил вскоре после войны. Тогда я начал по-настоящему много читать, особенно стихи, кое с чем довольно известным, я вообще знакомился впервые, другое перечитывал.

И вот тоже — известнейшие строчки, но как они ново и сильно прозвучали для меня, едва снявшего солдатскую шинель и еще находившегося там более, чем здесь.

Землю,
где воздух,
нам сладкий морс
бросишь
и мчишь, колеся...

Такой земли, по совести, я не знал, но здесь словно бы и я бросал ее — такова сила искусства. Зато последующее было совсем мое:

...не землю,
с которою
вместе мерз,
вовек
разлюбить нельзя.

Это было близко мне бесконечно.

Ранний Маяковский поражает пронзительной лирической нотой, полной боли и трагизма. Нагнетаемая метафоричность, скажем, «Облака в штанах» может показаться несколько нарочитой, но в то же время она предельно естественна.

Признаюсь, я не сразу сумел оценить его. Были моменты, когда я думал о нем со свойственной молодости снисходительностью.

Маяковскому несколько повредили полные собрания сочинений и вообще издания без достаточного отбора. Его рядовые работы, откровенно рассчитанные на один день, соседствуют там с истинными шедеврами, и это сбивает широкого читателя с толку, мешает ему.

Маяковский не может не привлекать благородством своего облика. Кто из нас не испытывал глубокого волнения, читая его строки о Ленине или о товарище Нетте!.. Он не раз изумлял нас своей смелостью, своей свободой обращения и со словом, и с любыми персонажами («Тамара и Демон» или «Юбилейное») Как нечто живое воспринимаются его улыбка, его усмешка, его боль.

Айда, Маяковский!
Мачь на юг!
Сердце рифмами «амучь — вот
и любви пришел капут,
дорогой Владим Владимыч.

В нашей поэзии было немало выдающихся величин. И все-таки Маяковский входит в число трех наикрупнейших поэтов, после каждого из которых вся русская поэзия развивалась уже по-иному, неся в себе и совершенно новые признаки. Я имею в виду — кроме него — Пушкина и Некрасова.

Великий поэт обязательно многообразен, многопланов. Если бы меня спросили, что же мне ближе всего у Маяковского, я сказал бы: его человечность. Любовь к детям. Хорошее отношение к лошадям. Это одна из его сторон, но удивительно привлекательная. Или такое:

Я родился,
рос,
кормили соской. —
жил,
работал,
стал староват...
Вот и жизнь пройдет,
как прошли Азорские
острова.

Конечно я не могу называть Маяковского своим учителем. У меня были другие учителя. Но всех, пишущих стихи, он научил и учит многому — отношению к жизни, к поэзии, к ее назначению, к ее возможностям. Я не знаю, что такое поэтическая техника, я знаю, что такое поэтическая техника Маяковского, ее новизна, ее неожиданность, ее точность, ее изобретательность, ее сила.

Ояр ВАЦИЕТИС

ВСТУПАЯ В ГРЯДУЩЕЕ

МАЯКОВСКИЙ сам колоссально воздействовал и помог многим воздействовать на разум, чувства людей. И, следовательно, на события. и, следовательно, на сумму событий, что в итоге мы называем историей. Только сразу строго-настрого разграничим два понятия: влияние и подражание.

Крупнейший латышский советский поэт Александр Чак публично признал влияние Маяковского на свое творчество. И признал в 30-е годы, когда восточная граница буржуазной Латвии исключала всякую возможность общения, более того — любая попытка подобного общения приравнивалась чуть ли не к государственной измене. И все-таки Александр Чак счел нужным об этом заявить. Потому что это было правдой. Он избежал возмездия только потому, что влияние художника на художнике — дело сложное и не каждый может такое влияние доказать. Совсем не по плечу это именно тем, кто стоит поперек магистральной дороги мировой культуры, попарек непрерывного стремления к объединению всего лучшего, созданного человеческим гением.

В невозможных условиях Александр Чак сделал невозможное — нашел Маяковского и испытал на себе чувство локтя, чувство товарищества. Внешне Маяковский и Чак мало схожи. Но внутренне их объединяет поразительное чувство времени, поразительное чувство движения души современника и направления этого движения. Проще говоря, они совершенно одинаково понимали долг и ответственность художника.

О подражателях не буду говорить. Их достаточно и в латышской, и в русской поэзии. С одной стороны, никакой большой беды вроде бы от этого и нет. Но даже самая искусная имитация не может добиться воздействия на жизнь, равносильного воздействию подлинника.

Если, пусть даже поверхностно, приглядеться к поэзии моего поколения, то можно увидеть, чье это влияние. В первую очередь на нас, по совершенно понятным причинам, повлияла сильная поэзия военного времени. Но если солдат на долгие годы после войны, а то и на всю жизнь остается солдатом и имеет на это моральное право, то мы не имели ни подобных заслуг, ни подобных прав. Конечно, мы могли вглядываться в мирную даль будущего и писать соответственно. Но был риск сорваться на мираж. Рядом с нами дышала мощь поэзии солдат, и нам нужна была именно такая мощь, но уже не фронтовая. И тогда мы оглянулись назад, сквозь войну. Многие, в том числе и я, увидели могучую личность с могучим умением воздействовать — Маяковского. Может быть, это не влияние: там были и оцепенение перед громадой, изумление перед изяществом, трепет перед тревожным зовом. Это был импульс электрического тока. А может, это все вместе и называется влиянием — действовать и воздействовать!

Колоссальное количество и разнообразие воспоминаний о нем плюс наш интеллект и интуиция позволяют нам воссоздать образ Маяковского-человека и ту его человеческую нежность, ту ненависть ко всяческой мертвечине и обожание всяческой жизни, которые он прятал от пошлых глаз за нарочитой громогласностью и «хулиганским свистом». Давайте охватывать многолюдность больших чисел, которые он так любил, но сохранять нежность к единице. И ведь именно его понимание единицы ведет к пониманию единственности чуда, а чудо само стоит и требует нежности. (Помните, что Маяковский говорил о чуде нашего ремесла — о слове: чуть неосторожнее нажмешь — хрустнет и сломается слово.) И если у нас порой именно нежности и не хватает, нам дает ее сам Маяковский...

РИГА

Я ЗЕМНОЙ ШАР ЧУТЬ НЕ ВЕСЬ ОБОШЕЛ...

ГОЛОС ПИСАТЕЛЕЙ ПЛАНЕТЫ

Его стихи раскрыли силу Советского Человека — силу страстной веры в дело коммунизма.

Катарина Сусанна ПРИЧАРД (АВСТРАЛИЯ)

Маяковский учит нас всех, писателей и поэтов, как надо превратить искусство в орудие пролетариата для строительства социализма.

Жоржи АМАДУ (БРАЗИЛИЯ)

Как поэт я преклоняюсь перед Маяковским, которого считаю величайшим поэтом современности. Творчество Маяковского — это первая ракета, запущенная в небо поэзии.

Рене ДЕПЕСТР (ГАИТИ)

Даже в переводе поражаешься гениальности Маяковского... Его поэма «Ленин» — это высшее напряжение от первой до последней буквы.

Мартин Андерсен НЕКСЕ (ДАНИЯ)

Поэтическое потрясение, которое испытал, читая впервые Маяковского, я могу сравнить только с потрясением, пережитым мною, когда я слышал и видел раздираемое молниями небо.

Юлиан ТУВИМ (ПОЛЬША)

Поэт Владимир Маяковский научил меня, что надо обращаться к миллионам людей, к тем, которые хотят переделать мир.

Луи АРАГОН (ФРАНЦИЯ)

Николай АНТОНОВ

БОЛГАРИЯ

С ТЕМИ, КТО БОРЕТСЯ И ПОБЕЖДАЕТ

В Болгарии его любят. У нас опубликовано 22 сборника стихов поэта. Маяковский по популярности стоит рядом с национальными поэтами Болгарии. В каждой библиотеке любителя поэзии стихи Маяковского есть и на русском, и на родном языке. Читатели — а в Болгарии их много, — которые читают Маяковского в подлиннике, внимательно следят за тем, как переводят великого революционного поэта на болгарский язык.

Пропаганда творчества Маяковского на болгарском языке тесно связана с именем Гео Милева, выдающегося поэта, революционера и борца против фашизма. Он первым перевел «Левый марш» Маяковского в 1921 году, а затем «Первое мая» и отрывки из поэмы «150 000 000».

Работы Гео Милева и сейчас остаются лучшими образцами переводческого мастерства. Чувствуется родство этих поэтов. Вот уникальный факт из биографии Маяковского: поэт, не зная болгарского языка, собирался перевести поэму Гео Милева «Сентябрь». Болгарский критик и философ Г. Бакалов читал Маяковскому эту поэму, и великий советский поэт задумал перевести ее по подстрочнику Бакалова. К сожалению, замысел этот не осуществился.

Более полувека звучит Маяковский по-болгарски. Накопился большой опыт творческого перевоплощения революционной поэзии советского поэта-трибуна. Заслуга в этом принадлежит многим болгарским поэтам, давшим свои интерпретации стихов Маяковского. Среди них надо отметить Христо Радевского, Богомила Райнова, Георгия Джагарова, Крума Кюлявкова, Людмила Стоянова, Димитра Методиева, Цветана Ангелова, Ижо Соколова, Васила Колевского, Михаила Берберова, Благу Димитрову.

Следует сказать, что отдельные вещи Маяковского уже опубликованы в двух и даже трех вариантах переводов. Поэма «Владимир Ильич Ленин» переводилась три раза. Поэма «Хорошо!» — дважды.

В сознании поэтов и читателей имя и творчество Маяковского стало символом революции. Перефразируя известные стихи поэта, можно сказать: «Мы говорим революционная поэзия — подразумеваем Маяковский, мы говорим Маяковский — подразумеваем революционная поэзия».

Маяковский сумел объединить в поэтическом слове те законы революции, те идеи, которые будут жить, пока будет жива революция. Это значит — всегда. Вот почему он стал любимым поэтом болгарских читателей и учителем болгарских поэтов. Революцию Маяковский воспевал во весь голос, и голос этот слышен через года и слышен будет через века.

Кроме сборников стихов поэта, в Болгарии опубликован ряд трудов о влиянии Маяковского на болгарскую поэзию.

Все это доказывает, что поэт жив и сегодня. Он помогает нашей литературе и поэзии, принимая участие в современных литературных спорах, присутствует среди читателей, он — всюду, где идет новая жизнь, где революция борется и побеждает.

Среди новых вдохновенных голосов сегодняшних болгарских поэтов звучит и громовой голос Владимира Маяковского. Ему уже — 80. Но он — молод, он вечно будет молодым, как революция, которой отдал он всего себя.

СОФИЯ

Пауль ВИНС

ГДР

ВСЕ ШИРЕ КРУГ ЕГО ДРУЗЕЙ...

В моей республике Владимир Маяковский завоевал широкое признание. Его воздействие проявляется в самых разнообразных формах. Поэтому с полным правом можно считать, что он продолжает жить и работать.

Его поэзия и публицистика издаются огромными тиражами — как отдельными сборниками, так и в собрании сочинений, — и читатели хорошо знакомы с его произведениями по адекватным немецким переводам. Наша страна высоко оценила труд выдающегося переводчика Маяковского — Гуго Гупперта, наградив его двумя Национальными премиями.

Личность Маяковского и его творческая концепция привлекли к себе огромный интерес и способствовали становлению трех поколений наших поэтов. Но и четвертое — подрастающее — поколение меряется с ним силами, равняется на него. Он продолжает быть воспитателем, советчиком для молодых талантов.

Революционная страстность Маяковского, его притягательная убежденность, характерное для него сочетание поэтической и политической силы именно в наши дни и именно в нашей стране становятся образцом для мыслящей молодежи.

Хочу привести такой пример. На Всемирном фестивале молодежи и студентов, который открывается в конце июля в Берлине, московские «Окна РОСТА» как бы найдут свое продолжение в серии поэтических плакатов — небольших иллюстрированных стихотворений — для стендов и афишных тумб. Это — совместная акция поэтов и художников-графиков, в которой наряду с совсем еще молодыми авторами приняли участие и такие известные поэты, как Фолькер Браун, Герд Эггерс, Адольф Эндлер, Райнер Кирш и Карл Микель.

Итак, Маяковский будет присутствовать на дружеской встрече молодежи всего мира. Он по-прежнему молод и современен. Он продолжает жить и работать.

БЕРЛИН

Леопольд ЛЕВИН

ПОЛЬША

ПРОДОЛЖАЕТ «ВЫРАБАТЫВАТЬ» СЧАСТЬЕ...

Владимир Маяковский относится к тем поэтам, творчество которых еще при их жизни перешагнуло через рубежи родины и стало достоянием всего мира.

В Польше 20-х годов в силу политической ситуации тех лет мы имели весьма слабое понятие о советской литературе. Однако вести о гениальном поэте революции доходили и до нас, а в 1927 году мы получили первый сборник избранных стихов Владимира Маяковского. Редактором этой книги был скончавшийся несколько лет назад поэт Анатоль Стерн, а вступительное слово к сборнику написал сам Маяковский во время своего пребывания в Польше в 1927 году. Благодаря замечательному составу поэтов-переводчиков, таких, как Тувим, Броневский, Слонимский, сборник сыграл значительную роль в процессе восприятия великого поэта как глашатая советской поэзии в Польше.

Некоторые из его стихов, например «Левый марш», стали очень популярными.

После войны в Польше появились многочисленные книги и критические работы, посвященные Маяковскому, и переводы его стихов. Сборник «Поэзия», вышедший в 1957 году в издательстве «Чительник», — самое полное собрание произведений советского поэта на польском языке.

Чем Маяковский увлекал и увлекает польских читателей? Ясно, что иным было воздействие Маяковского до войны, когда его пламенные стихи перекликались с освободительными и революционными традициями наших романтиков, а первую очередь Мицкевича и Словацкого. Сразу же после войны главное внимание было обращено на его стихи-лозунги, стихи-плакаты, стихи-знамена. Сегодня мы охватываем взглядом всю его огромную фигуру, как одно целое, не подразделяя его поэзию на политическую и лирическую. Ведь Маяковский был в своих политических и даже сатирических стихах лириком, убежденным в необходимости разрушать все устаревшее и мешающее человечеству на его пути к счастью.

Смелость воображения, новизна метафор и образов, рифм и ассонансов, переход от самых сложных форм к простоте, близкое соседство возвышенного и трагического с народными мотивами, гротеском и сатирой — Маяковский не отказывался от любых новаторских приемов, если они позволяли ему полнее и ярче выразить свою сложную и прекрасную эпоху.

В мое переводческое творчество вошли такие разные стихи, как «Молодея гвардия» — произведение-призыв, как поэтическая хроника «Революция», произведение, сложное по форме и содержанию, стихи «Домой!», где замечательно выражена любовь к Родине, привязанность к великой советской земле.

В переведенных мною сатирических стихах «Не увлекайтесь нами» поэт высмеивает «богему» с ее «поповскими волосами», в «Балладе о бюрократе и рабкоре» поэт борется против бюрократии и бездушных чиновников. Разве эти стихи устарели? Конечно, нет!

Я перевел антивоенное стихотворение Маяковского «К ответу!», приобретающее особую актуальность сегодня, когда в мире становится все более популярным провозглашаемый социалистическим лагерем призыв к мирному сосуществованию.

Я высоко ценю переведенное мною недавно стихотворение «Париж (Разговорчики с Эйфелевой башней)», где убеждение в преимуществе советского строя приняло форму великой метафоры.

Выходящий в Варшаве ежемесячник «Литература в мире» готовит к августу-сентябрю этого года двойной номер, посвященный теме любви в литературе. И здесь найдет себе место лирика Маяковского.

Маяковский для меня прежде всего гениальный лирик — чувством, верой, энтузиазмом, восторгом пронизано все, что он написал.

И поэтому его стихи навсегда останутся для нас живыми и близкими.

ВАРШАВА

Джо УОЛЛЕС

КАНАДА

ПРИКАСАЯСЬ К ПОДЛИННИКУ

В дни моей молодости один еще более молодой, чем я, человек как-то показал мне свои стихи. Я был поражен тем, как много они обещали, как сверкали отточенностью формы. Я, однако, посоветовал автору не следовать примеру других канадских поэтов, начинающих с подражания поэтам Англии и США и кончающих перепевами своих собственных стихов. Чтобы из подражателя развиться в подлинного творца, поэт должен врасти в свой народ — писать для народа и в нем черпать свое вдохновение. При этих словах мой собеседник стиснул кулаки и резко от меня отвернулся. В дальнейшем он избрал путь, противоположный тому, о котором я говорил, что принесло ему славу, но подлинно поэтических строк создать ему не удалось.

Вспоминая об этом разговоре много лет спустя, я думаю, что, может быть, я сам не нашел тогда тех точных слов, которые надо было сказать. Эти слова пришли ко мне значительно позднее, во время одной из моих поездок в Москву. Здесь я пришел к твердому убеждению: человек может стать истинным поэтом, лишь посвятив себя делу неизмеримо больших масштабов, чем он сам. И если бы мне надо было назвать имя, в котором эта истина воплотилась во всей своей полноте, я сказал бы — Маяковский.

Я не знаю русского языка, но было бы не совсем верно сказать, что я читал стихи Маяковского только в переводе. Я слушал, как мне их читали мои русские друзья-поэты, и — самое главное — мне было дано счастье прикоснуться к тому подлиннику, из которого он черпал вдохновение, к подлиннику советской жизни, и тогда в строки переводов вливались те самые непереводимые ритмы, которые я улавливал в таинственно звучавших для меня русских стихотворных строках.

Оказал ли Маяковский влияние на мое творчество? Такой вопрос, помнится, задал мне один из московских журналистов. Изучать и определять характер влияний — это дело литературоведов. Я же горжусь тем, что шел и иду с ним вместе.

Есть поэтические творения, мудрые и прекрасные, которые могут быть созданы отшельниками, неторопливо размышляющими о пережитом. Думаю, однако, что поэзию мирового звучания может создать лишь тот, кто гармонично сливается с человечеством, кто разделяет его мечты и стремления.

Не потому ли слово Маяковского становится все слышнее во всем мире?

АРХИВ «ЛГ»

Маяковский в Нью-Йорке

Почти на всех своих вечерах в США в 1925 г.— а их было немало, в одном Нью-Йорке он выступал около десяти раз,— Маяковский читал отрывки из поэмы «Владимир Ильич Ленин».

«Прекрасная поэма о Ленине произвела на слушателей огромное впечатление», — писала газета американских коммунистов «Дейли уоркер».

Это были самые ответственные выступления Маяковского в США. Он очень волновался перед тем, как выйти на сцену, но выходил спокойный, сосредоточенный, подтянутый. Таким и запечатлен он перед чтением поэмы на снимке, который мы воспроизводим из нью-йоркского журнала «Колёр энд райм»

Публикация С. КЭМРАДА

В. ЩЕРБИНА

КРИВОЕ ЗЕРКАЛО МИФОВ

О ТЩЕТНЫХ ПОПЫТКАХ ЗАПАДНЫХ «СОВЕТОЛОГОВ» ИСКАЗИТЬ ОБЛИК ВЕЛИКОГО ПОЭТА

ЗНАМЕНАТЕЛЬНО, что и по сей день творчество В. Маяковского является ареной неумолкающих споров, ареной страстной борьбы идей, ареной, на которой скрещиваются самые разные историко-литературные и эстетические концепции, мнения, точки зрения.

Что ж, это и понятно. Ведь Маяковский, рожденный временем великих революционных бурь и преобразований, явил миру образец художника нового типа, художника - революционера.

И потому споры вокруг имени Маяковского — это прежде всего споры идеологические, отражающие противоборство двух социальных систем.

Разного рода мифами, домыслами, предвзятыми трактовками окружили литературную биографию и творчество великого поэта такие буржуазные его истолкователи, как Г. Струве, Р. Якобсон, З. Фолеевский, В. Эрлих, Э. Мучник и им подобные. Именно их сочинениям «обязаны» мы созданию тенденциозного мифа о Маяковском как о поэте, находившемся в остром конфликте с обществом, болезненно ощущавшем свою разъединенность со средой, неспособной понять его новаторскую творческую сущность. Миф этот распространен в ряде вариантов. Здесь «Маяковский — жертва» и «Маяковский — азартный игрок в жизни и творчестве», и «двойственный Маяковский», и «Маяковский — вечный бунтарь»...

Борьба с подобными толкованиями поэтического облика поэта — важная задача нашего литературоведения.

Центральной и наиболее живучей оказалась легенда о Маяковском как о «жертве эпохи», «мученике», который ощущал глубочайшие противоречия между своим лирическим призванием и навязанной ему ролью быть «головным» поэтом.

Особое и даже, можно сказать, основополагающее место в создании подобного мифа о Маяковском-«жертве» принадлежит Р. Якобсону. Именно Р. Якобсон еще в своей давней и печально известной статье 30-х годов «О поколении, растратившем своих поэтов» заложил основу концепции, ставшей сейчас стереотипом для сочинений иных «советологов». Напомню центральный тезис этой статьи:

«Изначальная слитность поэзии Маяковского с темой революции многократно отмечалась. Но без внимания оставлена была иная неразрывность мотивов в творчестве Маяковского: **революция и гибель поэта**... Армии подвижников, обреченным добровольцам пощады нет! Поэт — искупительная жертва во имя грядущего подлинного вселенского воскресения...»

И в ряде последующих своих работ Р. Якобсон настойчиво отстаивает выдвинутый им тезис о том, что именно обращение Маяковского к революции, к политической теме породило трагический конфликт в его сознании и творчестве, конфликт, который привел поэта к необходимости подавления естественной лирической стихии своей натуры и своего дарования чуждыми ему задачами политической поэзии.

По сути дела, созданная Р. Якобсоном и охотно подхваченная иными современными буржуазными интерпретаторами творчества Маяковского легенда о Маяковском — «поэте-страдальце», «художнике-жертве», есть не что иное, как персонификация модернистского варианта концепции элитарной культуры, выдвигающей версию о возвышающемся над эпохой, обреченном на непонимание, не признанном современниками гении.

Вряд ли нужна хитроумная система доводов, чтобы опровергнуть этот ложный в самой своей основе модернистский миф.

Ведь величайший подвиг Маяковского состоит еще и в том, что он сам, всем своим творчеством, литературной судьбой, своей действенной, страстной, жизнеутверждающей поэзней блестяще опровергал всякого рода модернистские теории «поэта-жертвы», находящегося в трагическом и неразрешимом конфликте с обществом. Отчетливость идейно-эстетических позиций Маяковского, его партийная убежденность противостояли и противостоят любым элитарным, антидемократическим воззрениям.

Как никто другой, Маяковский умел передать величие завоеваний нашего нового, социалистического общества, запечатлеть новаторские черты советской жизни. Общественное предстает у Маяковского как родная ему, близкая среда, рождающая новые духовные силы, вселяющая гордую уверенность в высокой социальной миссии поэзии.

Замечательные стихи Маяковского о советском паспорте, вдохновенные строки о молодой Советской Республике, патетический дифирамб земле, за которую «пойдешь на жизнь, на праздник и на смерть», слава Отечеству, «которое есть» и «которое будет», образно передают красоту нового, социалистического общества и нового, социалистического человека.

Маяковскому в нашей советской поэзии принадлежит передовое место. И занять его он смог, только став непосредственным участником исторической борьбы нашего народа.

Поэт принял Великую Октябрьскую социалистическую революцию сразу и безоговорочно. И потому осмысление ее воздействия на Маяковского является центральной проблемой для понимания развития и своеобразия его творчества.

Многие буржуазные исследователи поэзии Маяковского рассматривают дооктябрьские произведения поэта как вершину его творческого развития. Стихийный бунтарский протест ряда ранних стихотворений и поэм Маяковского они принимают и выдают за выражение подлинной революционности, антиисторично стирая все грани различия между дооктябрьскими его произведениями и творчеством советской эпохи.

Мы знаем (и замалчивать это неправомерно с точки зрения исторической истины), что Маяковский далеко не сразу вошел в литературу последовательным революционером. Ему пришлось пройти большую жизненную закалку в огне событий Октября, прежде чем стать певцом социалистической революции. И потому бунтарский характер ранних произведений Маяковского принципиально отличен от революционного пафоса его послеоктябрьской поэзии.

Эта проблема «бунтарства» Маяковского в последнее время приобретает особую остроту, которая стимулируется широким распространением «ультралевых» течений в общественной и художественной жизни на Западе. Сторонники этих течений выдают себя за «наиболее последовательных революционеров» современной эпохи. При всей пестроте подобных течений общими для них являются апология бунта, попытки подменить теорию научного социализма подновленными идейками анархизма, троцкизма, перенести на западную почву практику пресловутой «культурной революции» в китайском варианте, протащить разрушительные тенденции в сферу литературы и искусства.

Некоторые представители современного политического и поэтического экстремизма склонны выдавать Маяковского за своего предшественника и союзника. Эту ситуацию усиленно стараются использовать разного рода «советологи». Они пытаются абсолютизировать преходящие моменты в творческом развитии Маяковского, отождествить его политический и поэтический облик с «ультралевым» анархическим экстремизмом наших дней. В атом отношении показательна статья профессора Станфордского университета (США) Эдварда Брауна «Про это» и кое о чем другом», напечатанная в прошлом году в английском журнале «Сёрвей».

Основной пафос названного сочинения как раз и состоит в стремлении автора представить великого советского поэта как бы предшественником и единомышленником современных мнимых «сверхреволюционеров» с их путаницей самых различных антисоциалистических воззрений — от маркузианства до маоизма и троцкизма. Великий поэт революции, своим боевым пером утвердивший величие партии и идей социализма, клеветнически изображается сторонником сверхмодной на Западе анархо-ревизионистской теории наступления эры «третьей революции», «революционного» анархо-индивидуализма наших дней. Сущность такой фальсификации — в попытке сделать поэта проповедником разрушительства, союзником современного экстремизма в его борьбе против подлинно революционного движения, против идей социализма.

Но как глубоко ошибочны и, главное, абсолютно бесперспективны и тщетны подобные попытки ряда «советологов» абсолютизировать бунтарское начало в творчестве Маяковского, представить поэта всеобщим разрушителем, ярым нигилистом!

Пожалуй, и здесь лучшим аргументом в наших спорах с такого рода концепциями является творческий опыт самого поэта.

И действительно, ведь вся поэтическая и духовная эволюция Маяковского состояла в движении по пути осознания и утверждения именно творческой, созидательной, а не разрушительной сущности революции.

Его творчество, обогащаясь положительными социалистическими идеалами, все глубже и глубже проникалось утверждающим пафосом, острым ощущением поступательного хода истории, ощущением повседневного реального рождения будущего в настоящем. Даже больше того! Художественное восприятие движения современности, ее устремленности в будущее стало отличительной чертой поэзии Маяковского.

Такое обостренное ощущение Маяковским динамики жизни находит в работах иных «советологов» извращенные, тенденциозные трактовки.

Так, Р. Томсон, доцент славянского отделения Торонтского университета, в своей статье «Маяковский и его видение времени» путем тенденциозного подбора цитат из произведений Маяковского иллюстрирует рост «пессимистических мотивов» в творчестве поэта, пытается убедить читателя в том, что творческий путь Маяковского якобы является историей его разочарований в идеалах революции и крушения его веры в возможность построения коммунистического общества.

Вера поэта в будущее, по мнению Р. Томсона, была поколеблена с приходом нэпа.

Нетерпимое «Выволакивайте будущее!» Маяковского выражает, как полагает Р. Томсон, «его новое и почти враждебное отношение к будущему».

Я говорю о статье Р. Томсона не потому, что она является каким-либо новым, хотя и ошибочным, словом о Маяковском. Напротив, статья эта типична своей шаблонностью, характерна для потока сочинений подобного рода. Даже больше того! По сути дела, она лишь один из вариантов стандартной версии, созданной «советологами» старшего поколения, типа Г. Струве и В. Эрлиха.

«Мертвая рука» будущего: затруднение Владимира Маяковского» — напомним читателю это символическое название одной из статей В. Эрлиха о Маяковском.

Но если углубиться еще дальше в историю, то не трудно обнаружить, что подобные извращенные трактовки категории будущего в творчестве Маяковского восходят в своей основе к мифу все того же Р. Якобсона.

В уже упоминавшейся статье «О поколении, растратившем своих поэтов» Р. Якобсон так заключает свои тенденциозные размышления о крахе веры Маяковского в будущее:

«Мы слишком порывисто рванулись к будущему, чтобы у нас осталось прошлое. Порвалась связь времен. Мы слишком жили будущим, думали о нем, верили в него, и больше нет для нас самоценной любви дня. Мы растеряли чувство настоящего...»

Но [illegible] Маяковского, в статье, в остром ощущении им настоящего, в учении удаляли живые связи этого настоящего с будущим. Поэзия Маяковского вся пронизана пафосом окрыленности, вся устремлена в завтрашний день. Она разоблачает безжизненность, гнетущую приниженность модернистских течений, отрицающих прогресс человека, его право на мечту, на реальность будущего.

Как можно забывать, что еще на заре развития советской литературы Маяковский сформулировал один из программных ее принципов — принцип художественного отражения **поступательного хода истории, революционного развития жизни**: «Слабосильные топчутся на месте и ждут, пока событие пройдет, чтоб его отразить, мощные забегают на столько же вперед, чтоб тащить понятое время»

Динамику времени воспринимает Маяковский как неотделимую часть своей собственной духовной и творческой биографии.

И до сих пор свежей и действенной остается его поэтическая формула:

Это время гудит
телеграфной струной,
это
сердце
с правдой вдвоем.
Это было
с бойцами,
или страной,
или
в сердце
было
в моем.

И действительно, подобное нерасторжимое слияние личного и общественного в сознании и поэзии Маяковского, его органическое ощущение своей живой связи с революцией, Родиной, ощущение подлинной причастности своей судьбы судьбе народной — характернейшие черты художника нового типа, такого, каким явил нам его Владимир Маяковский.

И сегодняшняя незатухающая борьба вокруг имени великого советского поэта лишний раз обнаруживает тот заряд огромной действенной силы, который несет в себе его страстная, подлинно революционная поэзия.

КРИТИКА
ОПЫТ • ПРОБЛЕМЫ • ЗАДАЧИ

Г. ФИЛИППОВ

СВОЕНРАВНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Едва ли можно сомневаться в том, что за последнее время наша литературная критика, говоря языком спортивных комментаторов, заметно «прибавила». При сопоставлении более или менее свежих критических выступлений со статьями двух-, трехлетней давности нетрудно заметить явные перемены к лучшему. Изменился сам тон и характер этих выступлений, они стали глубже, содержательнее, ярче, в них усилилось аналитическое начало, потеснившее наконец поверхностную аннотационность, пресловутую комплиментарность, возрос теоретический уровень. Словом, полтора года, отделяющие нас от знаменательной в нашей литературной жизни даты принятия постановления ЦК КПСС «О литературно-художественной критике», критика провела с несомненной пользой для себя, оттачивая и совершенствуя свое оружие.

Однако не приспела еще пора, да и вряд ли когда-либо она приспеет, для безмятежных реляций о том, что на критической Шипке все спокойно. И сегодня в нашей критике все еще дают о себе знать некоторые существенные просчеты. Особенно досадно бывает, когда эти недостатки свойственны статьям, отмеченным несомненным профессиональным мастерством.

В этих заметках речь и пойдет о двух таких статьях. Отдавая должное всему тому полезному и ценному, что в них содержится, хочу обратить внимание на те их положения, которые, как мне думается, способны вызвать не отдельные частные замечания, а принципиальные возражения.

Алла Марченко — автор ряда интересных и содержательных работ. Недавно в «ЛГ» справедливо высоко была оценена ее книга «Поэтический мир Есенина». Тем более стоит прямо сказать о странных методологических принципах, о спорных, а то и просто неверных суждениях и оценках, выявившихся в ее статье «Давай, брат, отрешимся. Давай, брат, воспарим!» («Новый мир», № 4, 1973).

В поле зрения критика оказывается не конкретное литературное произведение и даже не творчество какого-нибудь одного писателя, а «наиболее распространенные недостатки» современной поэзии, какими они представляются автору статьи после его знакомства со сборником «День поэзии. 1972» (издательство «Советский писатель», М. 1972). Думаю, что против такого выбора предмета критического исследования не может быть никаких возражений: в современной поэзии немало недостатков, и вскрыть природу некоторых из них просто необходимо. Тем более, что сам автор обосновывает этот выбор утверждением, звучащим с непреложностью трюизма: «как много среди зачисленных в профессиональные поэты литераторов не то чтобы вовсе бездарных, но явно не обладающих тем запасом таланта, которого требует в наши дни «езда в незнаемое».

Едва ли не главный недостаток современной поэзии А. Марченко видит в «достаточно определившейся и даже осознающей себя закономерности», в силу которой в рассматриваемом сборнике преобладают стихи, «весьма далекие от конкретности и естественности, полные смутных предчувствий, загадочных намеков и туманных неопределенностей». Исходя из такого взгляда, автор статьи нередко квалифицирует подобные стихи как «набор банальностей», как обилие стертых, лишенных художественной конкретности образов.

Аргументация весьма проста. Оказывается, порой достаточно просто приглядеться «хотя бы к столь популярному у авторов «Дня поэзии» образу сада — он совершенно свободно кочует по страницам альманаха, не оскорбляя ни авторских прав, ни редакторского самолюбия», и выписать соответствующие примеры, никак не поясняя, почему этот образ в трактовке разных поэтов плох. Беру другую поэтическую антологию и поражаюсь обилию кочующих по ее страницам «популярных образов» поля, луга, моря и, подобно А. Марченко, регистрирую примеры ну хотя бы родственного образу сада образа леса: «И лес, неведомый лучам в тумане спрятанного солнца» (А. Пушкин), «Ее лесов безбрежных колыханье» (М. Лермонтов), «Что, дремучий лес, призадумался?» (А. Кольцов), «У брега насажу лесок уединенный» (Е. Боратынский), «Вой протяжный голодных волков раздается в тумане дремучих лесов» (Я. Полонский), «А ты все та же — лес, да поле» (А. Блок), «Лес, точно терем расписной» (И. Бунин), «В лесу клубился кафедральный мрак» (Б. Пастернак) и т. д. и т. п. Примеры можно приводить до бесконечности. Однако зачем?

В жизни немало «банального»: голубое небо, белый снег, зеленая листва, синее море, яркое солнце. Чудо поэзии в том и состоит, что эти «банальности» у подлинного поэта начинают звучать как откровение. Более ста лет назад написано стихотворение, которое и сегодня глубоко трогает нас, у каждого вызывает интимные, сугубо личные воспоминания и ассоциации. А ведь в нем немало «банальностей», образов, «лишенных не только сугубо бытовой, но и художественной конкретности»:

Утро туманное,
утро седое,
Нивы печальные,
снегом покрытые...
Нехотя вспомнишь
и время былое,
Вспомнишь и лица,
давно позабытые...

Конечно, я далек от какой бы то ни было мысли уравнять стихи авторов «Дня поэзии» с тургеневскими строками. Просто считаю, что способ аргументации критика, взявшегося доказать несостоятельность ряда стихотворений путем регистрации совпадений, выхваченных из общего контекста образов, не может дать мало-мальски ощутимого эффекта.

Критиком властно владеет «одна, но пламенная страсть». Пафос обличения «банальности» присущ и более или менее пространным рассуждениям, когда речь заходит уже не о «глобальных» обобщениях, а о конкретных стихотворениях. Так, в частности, рассматривается стихотворение Вл. Солоухина «Аргумент», смысл которого А. Марченко попросту игнорирует и, произвольно усекая поэтический текст, видит в приводимых ею строках лишь «набор банальностей почти вековой давности». А ведь в стихотворении этом заложена достаточно глубокая мысль, и стоило бы порассуждать относительно того, насколько удалось поэту воплотить ее в образах. Мне кажется, что и в стихотворении А. Передреева «Возвращение» не все так просто, как то представляется А. Марченко, увидевшей только вариант известной «Окраины», «переписанной в новой туманной манере». Замечу лишь, что общность тональности, в которой написаны и «Окраина», и «Возвращение», совершенно не означает общности идейно-тематических мотивов этих стихотворений.

Волею критика, преследующего «банальности», весьма своеобразно выглядит и стихотворение Владимира Соколова «Девятое мая». Ссылаясь на недостаток места, А. Марченко приводит его в выдержках. Но, странное дело, опущенными оказались как раз те строфы, в которых и был заложен важный смысл. Полагаясь на интерпретацию критика, читатель не узнает о тонкой ассоциации сиреневого сигаретного пепла с сиренями, которые вырывались «из рук у матерей, дочерей и подруг» в тот самый первый день Девятого мая, не услышит горького сожаления о «третьем», который не пил с двумя друзьями потому, что «он под Варшавой остался лежать». Возможно, что вслед за А. Марченко и ему покажется, что в стихотворении В. Соколова «глубина переживания, вполне соответствующая скромной песенке «Синий платочек»; это соответствие и гарантирует ресторанному эпизоду необходимую для сопереживания достоверность». Что из того, что порой в русской поэзии «ресторанные эпизоды» поднимались до высот великого искусства! Что из того, что полузабытая непритязательная мелодия «Синего платочка», эта характерная лирическая деталь отнюдь не лирического времени, так естественно входит в стихотворение, органически сочетается и с сиренями, вырывающимися из рук у «матерей, дочерей и подруг», и с образом третьего, павшего под Варшавой, и с таким понятным настроением лирического героя! Критик видит лишь «ложные, подставные детали», считает «Девятое мая» неудачей поэта, следствием его «эстетического «раздвоения».

Не оспаривая права на любое восприятие, на любую оценку, закономерно ищешь обеспечения этого права доказательностью. А вот этой-то доказательности явно не хватает автору статьи.

Субъективно и бы пристрастный подход к литературным явлениям может проявляться не только в их отрицании, но и в попытках, «несмотря ни на что», утвердить их, выдать противоречия и слабости за достоинства. Вот один из примеров такого рода.

В журнале «Вопросы литературы» (№ 5, 1973) состоялся интересный обмен мнениями между известным белорусским писателем и литературоведом А. Адамовичем и молодым критиком А. Цветковым о последних повестях Василя Быкова. Творчество В. Быкова — безусловно, крупное и своеобразное явление нашей многонациональной литературы, нередко вызывающее споры и в литературной, и в читательской среде. На мой взгляд, совершенно прав А. Адамович, адресующий критике справедливый упрек в том, что до сих пор она ограничивалась лишь оперативными откликами на отдельные произведения писателя и еще не рассматривала его творчество как целую идейно-эстетическую систему. Сама статья А. Адамовича «Торжество человека» и представляет собой во многом интересную попытку создания своеобразной «микромонографии», задача которой, по словам критика, и заключается в стремлении «уловить логику развития замыслов, те пласты авторской мысли, которые при изолированном и налишне «эмоциональном» прочтении ускользали».

Бережный и заинтересованный подход к творчеству писателя позволяет критику проникнуть в глубину содержания многих повестей В. Быкова, верно определить их смысловую доминанту, раскрыть их нравственный, гуманистический пафос. Полагаю, что А. Адамовичу не раз удается убедительно опровергнуть бытовавшие в критике односторонние и прямолинейные суждения об отдельных произведениях писателя.

И тем не менее в статье А. Адамовича имеются уязвимые места, на которые обратили внимание и его оппонент в развернувшейся полемике — А. Цветков, и редакция журнала, снабдившая дискуссию своим кратким заключением. В этом заключении говорится о том, что А. Адамович порой «соскальзывает на некую защитительную полицию», что «автор, ограждая художника от несправедливых упреков, подчас вовсе не склонен замечать действительных противоречий и сложностей его творчества».

Сомнительность «защитительной позиции», избранной автором статьи «Торжество человека», становится особенно очевидной тогда, когда он пытается «реабилитировать» те весьма существенные недостатки в некоторых повестях В. Быкова, которые были в свое время точно отмечены критикой. И если, говоря о «Мертвым не больно», А. Адамович соглашается с тем, что «повод для критики некоторых страниц.. В. Быков дал», хотя и усматривает этот повод не в слабости общей идейно-художественной концепции повести, а лишь в «разбросанных по страницам произведения, без необходимости и меры, словах, словечках, репликах, могущих создать обидное и несправедливое заключение о командирах вообще», то скажем, «Атака с ходу» безоговорочно заносится в творческий актив писателя. Но вспомним, что писала критика об этой повести: и Г. Бровман в «Знамени», и Н. Афанасьев в «Москве», и И. Козлов в «Красной звезде», и другие. «Обычный сюжетно-психологический комплекс военной повести в приземленном «окопном» духе», «эмпирические наблюдения», «топтание одаренного мастера на одном и том же месте», «уступка таланта ложным социологическим схемам», «В. Быков... «буксует» на когда-то выбранном тематическом пятачке, повторяя, а не углубляя себя», «большая правда войны приносится в жертву заранее сконструированной схеме»...

Время сгладило резкость подобных характеристик, но суть-то оценки остается неизменной. И сегодня трудно согласиться с А. Адамовичем, утверждающим, к примеру, что образ главного героя повести «Атака с ходу» Ананьева — «самый сложный и емкий у В. Быкова образ командира минувшей войны».

Возникает естественный вопрос: надо ли сегодня прямо или косвенно защищать от критики те неудачи художника, которые он с лихвой покрыл своими новыми творческими достижениями? Василь Быков — писатель не только плодовитый, но и постоянно напряженно ищущий, ищущий новые образы, новых героев, новые мотивы и ракурсы в рамках темы, ставшей глубоко личной темой художника, властно полонившей его сердце и разум, — темы героизма народа в минувшей войне. И сегодняшний Быков — автор «Сотникова», «Обелиска», «Дожить до рассвета» — сам преодолел те противоречия и слабости, что были присущи некоторым прежним его произведениям. Не стоит поэтому во имя любви и уважения к писателю вновь ориентировать его на то, от чего он сам ушел.

Нередко, читая иные статьи, посвященные творческому пути того или иного современного писателя, ловишь себя на мысли о том, что все еще существуют какие-то странные «ножницы» между литературоведением и критикой. В солидных ученых трудах подробно и глубоко говорится о слабостях и противоречиях в мировоззрении и творческом методе Толстого, Достоевского и даже, как говаривали в старину, horribile dictu, Горького. В статьях и монографиях о писателях — наших современниках их творческий путь, как правило, графически изображается в виде прямой, устремленной в бесконечную высь, без каких бы то ни было зигзагов и изгибов. Но ведь ясно, что современный писатель не менее классика нуждается в глубоком и беспристрастном рассмотрении не только его успехов, но и неудач. Превратно понятая «доброта», намеренное забвение недостатков объективно способны разве что дезориентировать художника и его читателей.

КРИТИКА
ОПЫТ • ПРОБЛЕМЫ • ЗАДАЧИ

Л. НОВИЧЕНКО

ПЕРЕД ЗАВЕРШАЮЩИМИ ТОМАМИ

Автор статьи размышляет о недавно вышедшем седьмом томе Краткой Литературной Энциклопедии

Это издание уже прочно вошло в культурный, научный обиход советского читателя. Предшествующие тома КЛЭ вызвали вполне оправданный интерес общественности: вместе с тем памятна и серьезная критика по поводу обнаруженных в них недостатков, имевших в ряде случаев принципиальный характер. Новый том энциклопедии готовился к выходу в свет после постановления ЦК КПСС «О литературно-художественной критике», а также после достаточно широкого общественного обсуждения изданных ранее томов. Яркий свет бросают на проблемы литературной современности важные теоретические положения, содержащиеся в докладе тов. Л. И. Брежнева «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик».

Как же отразился в материалах нового тома КЛЭ сегодняшний уровень нашей литературной науки, насколько основательны и выверены позиции его авторов в острейшей теоретико-эстетической, идеологической борьбе современности?

Посмотрим с этой точки зрения на статьи лишь одного, но первостепенного по значению тематического раздела — статьи теоретические. Их здесь (как, впрочем, и в любом из томов КЛЭ) достаточно много, и целый ряд из них имеет актуальнейший современный интерес, как, скажем, «Социалистический реализм», «Стиль», «Структурализм», «Тенденция в литературе», «Течение и направление», «Типическое», «Трагическое», «Традиции и новаторство» и др.

Сама тема статьи «Социалистический реализм» (авторы Л. Тимофеев и С. Тураев) ставит ее на центральное место в томе. Центральное — не только потому, что речь идет о методе, определяющем собой новую эпоху в художественном развитии человечества, методе советского и передового зарубежного искусства, но и потому, что с основными положениями теории социалистического реализма логически должны соотноситься характеристики многих других теоретических понятий и категорий.

Литературу социалистического реализма авторы рассматривают как явление международное, мировое — «социалистический реализм интернационален по своей сущности», — последовательно акцентируя при этом единство его основных, определяющих принципов и многообразие национальных форм и традиций, которые наследуются им в каждой литературе.

В статье достаточно четко раскрыта глубокая связь социалистического реализма с научным мировоззрением и всем историческим делом рабочего класса, находящая свое выражение в осознанной партийности творчества, в открытой связи художника с борьбой за победу социализма. Правда, авторы, неоднократно и точно формулируя эту мысль, подробно раскрывая идейную и эстетическую сущность партийности, в одном месте вдруг прибегают к крайне расплывчатому определению партийности как «сознательного утверждения художником идей прогресса». При всем понимании того, что речь идет о социальном прогрессе, об идеях революционного изменения мира, такая формулировка способна лишь затемнить сущность важнейшего в нашей эстетической теории понятия.

Включаясь в литературные споры, идущие (или шедшие) в некоторых социалистических странах, авторы статьи в КЛЭ обоснованно выступают против попыток подменить — в принципиальном теоретическом смысле — термин «социалистический реализм» термином «социалистическая литература». Что бы ни говорилось в этой связи о сохранении передовой, коммунистической идейности в искусстве, отбрасывание самого понятия «реализм», указывается в статье, неизбежно ведет к оправданию эстетического субъективизма, к затенению или игнорированию «объективно-исторических истоков художественного творчества», то есть его реального жизненного содержания.

Несомненное достоинство статьи состоит в том, что она устремлена к реальному опыту литературы социалистического реализма, опыту советскому и мировому, выявляя его широту, многообразие, непрерывное историческое развитие и обогащение.

Эта устремленность сказывается и в суждениях о различных художественных традициях, которые наследуются социалистическим реализмом в международном масштабе, и в рассмотрении проблемы положительного героя нового искусства, и в утверждении все более широкого многообразия его стилей, жанров, художественных форм. В статье активно отрицаются узкие, регламентаторские представления о социалистическом реализме, в особенности о его поэтике, всячески спекулятивные попытки изобразить его сводом эстетических канонов, и это, разумеется, хорошо.

Но, видимо, надо было смелее, отчетливее подчеркнуть и другую сторону вопроса, о которой за недавним «круглым столом» критиков социалистических стран в Берлине говорил болгарский литературовед В. Ничев: «...при всем многообразии своих конкретных художественных преломлений социалистический реализм остается целостной системой, обладающей четкими идейно-эстетическими границами. Идейно-эстетическими, а не только идейными! И поэтому следовало бы уверенное и точное сказать, и примеру, о неисчерпающем значении традиций классического реализма, не сводя вопрос о них лишь к полемике с теми догматически мыслящими критиками, которые усматривали в этих традициях ЕДИНСТВЕННЫЙ исток современного передового искусства.

В целом, даже при отмеченных недочетах статью Л. Тимофеева и С. Тураева можно отнести к удачам седьмого тома.

Вполне понятно актуальное значение — не только в смысле общетеоретическом, но и в свете насущных потребностей литературной практики — статей на такие темы, как «Тенденция в литературе», «Тип», «Типическое», «Традиции и новаторство».

В анализе проблем художественного типа (Е. Барышников) и типического (В. Кожинов) — кстати, отделение их друг от друга выглядит спорным — чувствуется непосредственная подключенность к опыту литературно-критических споров последних десятилетий. В статье В. Кожинова, например, интересно прослеживается отнюдь не прямолинейная связь между общесоциологическим и эстетическим пониманием типического, обстоятельно выясняется сложное соотношение в этом понятии всеобщего и индивидуального. Отсюда достаточно важный вывод о том, что индивидуальное в искусстве не является лишь «формой всеобщего», поскольку «типичная индивидуальность типична (и существенна) не в силу некой лежащей под ней абстрактной всеобщности, а сама по себе и во всех своих проявлениях». Теоретический барьер против упрощенного понимания типического, против сведения образа лишь к форме понятия, а следовательно, и против методологии иллюстративности здесь налицо. Однако автор, как нам кажется, уделил недостаточное внимание взаимосвязи типических характеров и типических обстоятельств, в которой с окончательной полнотой проявляются социальное содержание, социальный смысл изображаемых писателем жизненных явлений. Кстати, во всей статье почему-то нет ни одного конкретного «выхода» на творческую практику советской литературы, для которой вопросы типизации, особенно типизации в прямом социальном смысле, всегда представляли предмет острого и высокоосознанного интереса.

Диалектика традиций и новаторства четко раскрыта М. Пархоменко, обстоятельно показавшим значение марксистско-ленинской концепции культуры и культурного наследства для решения этой проблемы.

Научная объективность, внимательный учет различных точек зрения на рассматриваемый предмет (когда они имеют под собой общую идейно-методологическую основу марксистско-ленинского литературоведения) составляют положительную черту, свойственную многим лучшим статьям теоретического цикла КЛЭ.

Таковы, например, суждения авторов статей «Трагедия» (А. Михайлов, Д. Шестаков) и «Трагическое» (Р. Гальцева, Л. Шпагин) о дискуссионности ряда вопросов, связанных с судьбами данного жанра и данной эстетической категории в литературе эпохи социализма: оставляя открытым спорное, авторы вместе с тем принципиальны в отстаивании широких художественных возможностей социалистического искусства.

К сожалению, не везде этот принцип осуществляется достаточно разумно. В статье «Тенденция в литературе» приводится такое множество толкований этого понятия, что объективно оказывается оттесненным на задний план его главный, положительный смысл, общепринятый в революционно-демократической и марксистской критике. Не без удивления читаем:

«Большинство... русских писателей-реалистов в критических суждениях называло «тенденциозным» идеологическое пристрастие автора... которое «выходило из образа», нарушая правду художественную, спонтанную логику художественного конфликта и самораскрытие характеров...»

Большинство? Приводится известное высказывание И. Гончарова, но ведь были иные (кстати, тут же частично приводимые) суждения на этот счет, принадлежащие М. Салтыкову-Щедрину, А. Чехову, В. Короленко, М. Горькому, было замечательное, общеизвестное свидетельство Ф. Энгельса: «Современные русские и норвежские писатели, которые пишут превосходные романы, все сплошь тенденциозны». История термина, который трактовался неоднозначно и подчас весьма специфически, не должна заслонять собой историю самого понятия, принципа.

Ряд статей седьмого тома посвящен специальным проблемам литературоведения и его методологии. Образцовой по четкости построения, по умению кратко и точно охарактеризовать важнейшие уровни и стороны предмета (не говоря уже о широте эрудиции автора) можно назвать статью В. Жирмунского о сравнительно-историческом методе. Две статьи — «Социологический метод в литературоведении» (Д. Путин) и «Социология литературы» (Ю. Давыдов) не совсем понятным образом дублируют друг друга по основной теме, но обе интересны, особенно вторая, примечательная своим широким теоретическим и фактическим фоном.

Далеко не в обычном энциклопедическом стиле написанная статья — скорее маленькое эссе — С. Аверинцева «Филология» увлекает своими раздумьями о судьбах этого содружества гуманитарных дисциплин в наше время, о его научной специфике, в чем-то близкой к специфике художественного «человековедения», и его соотношении с «точным» знанием и присущими ему методами.

Наконец, в статье «Структурализм в литературоведении» (И. Смирнов) дается содержательная аналитическая характеристика этого направления, вокруг которого, как пишет автор, «в СССР, как и на Западе ...идет нестихающая полемика», с указанием на серьезные методологические слабости, за которые структурализм критикуется.

Здесь, кстати, возникает вопрос о форме изложения, о языке статей КЛЭ, который, на наш взгляд, отнюдь не чураясь ни новой, специальной терминологии (тем более, если к ней обязывает сама тема разговора), ни «вольной» метафоричности, все же должен быть строго выверенным в смысле ясности, доступности и внутреннего «такта» по отношению к предмету. Именно этот такт кажется нам утраченным в статье такого серьезного автора, как М. Каган, о структуре литературного произведения, к примеру, вот в таком рассуждении:

«...Структура имеет иерархический характер, так как элементы, находящиеся на содержательном уровне (идейно-тематическое ядро), играют роль управляющей подсистемы, которая последовательно передает свою информацию с уровня на уровень, пока она не разольется по всему словесному субстрату произведения. Вместе с тем как и во всякой самоуправляющейся системе, здесь существует обратная связь... упорядочивание словесного материала, превращающее его во внешнюю форму произведения, а затем рождение из внешней формы внутренней формы корректируют «приказы», посылаемые из содержательного ядра, приводя подчас и его серьезному изменению».

Сверхрешительный «перевод» в общем-то обычных понятий о взаимосвязи содержания и формы на новейший язык системно-структурного анализа здесь не только отдает чересчур экзотической словесной стилизацией, но и может привести к существенным методологическим недоразумениям: ведь не так-то уж автономны и независимы в конечном счете все эти «самоуправляющиеся системы», к которым сводится литературное произведение!

Обстоятельны две статьи, посвященные близнецам друг другу темам, — «Утопия» (Б. Гиленсон) и «Фантастика» (Р. Нудельман). Хорошее впечатление оставляет большая часть статей по поэтике и стихосложению («Сюжет», «Троп», «Фигуры стилистические», «Стихотворение», «Стихосложение» и др.).

Рассмотренные здесь статьи теоретического характера составляют, конечно, лишь часть обильного и многогранного содержания очередного тома КЛЭ, но часть, наиболее репрезентативную в общем, принципиальном смысле. Именно в материалах теоретического раздела с полной наглядностью проявляется методологический уровень издания, его связь с идейной жизнью литературы, всего советского общества, поэтому они и стали предметом данного разговора.

Общий вывод несомненен: редакция КЛЭ серьезно, по-деловому учла критику ошибок и недостатков, имевших место в предыдущих томах. Преобладающая часть помещенных в седьмом томе теоретических статей — работы полноценные и современные по своему научному, прежде всего идейно-методологическому качеству. Хорошо, что по крайней мере некоторые из статей наряду с обязательной для данного издания объективной информацией и критическим анализом разноречивых трактовок, версий и т. п. отмечены чертами самостоятельного, подчас оригинального исследования предмета.

И все же сохраняется ряд претензий к авторам и редакции КЛЭ: недостаточная четкость в истолковании иных принципиальных вопросов (как, скажем, в статье о тенденциозности), заурядно информационный или же слишком общий, декларативный характер отдельных статей, беглость взгляда и нетвердость руки редакторов, нередко дающие о себе знать то в неточности, приблизительности формулировок, то в неубедительности конкретных примеров, то в «неуправляемой» подчас пестроте языка, стиля, формы изложения.

Редакции Краткой Литературной Энциклопедии — издания полезного, интересного, заслужившего читательское признание — есть еще над чем поработать, для того чтобы достойно завершить свой многотомный труд.

ПОЗДРАВЛЯЕМ

ЮБИЛЯРА

С. А. ВОРОНИНУ — 60 лет

Исполнилось 60 лет Сергею Алексеевичу Воронину. Секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Вам, писателю-прозаику, создавшему целый ряд талантливых романов, повестей и рассказов, глубоко раскрывающих высокий нравственный облик наших современников, тружеников деревни, изыскателей новых железнодорожных трасс, рабочих, интеллигентов, людей, посвятивших всю свою жизнь созидательному труду или только-только вступающих на самостоятельный трудовой путь, шлем мы свои горячие поздравления в день Вашего 60-летия.

Чистота и богатство Вашего точного, образного и народной речи языка, беспомпрессионная правда жизни, широкий диапазон а использовании художественных принципов социалистического реализма снискали Вам заслуженную известность у читателей.

Находясь долгое время на посту главного редактора журнала «Нева», Вы много сил отдавали заботливому воспитанию творческой молодежи. И мы не, в составе редакционном коллегии журнала «Звезда», а также будучи избранным в члены правлений Ленинградской писательской организации и Союза писателей РСФСР, Вы со свойственной Вам энергией ведете большую общественную работу.

Желаем Вам всегда оставаться таким же энергичным и деятельным, доброго Вам здоровья и новых творческих свершений».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

■

Сергею Воронину — шестьдесят — возраст несуетного восприятия мира, сложившейся мысли, точного слова, обрезанного лепного, подкрепленного звукописью. Писатель начинается с языка... Может быть неполна и неисчерпывающе точна эта формула, но в данном случае считаю ее уместной. Детские впечатления от Ярославщины, ленинградский фабзавуч, томарный цех, бесконечные маршруты геолога-поисковика — все это вошло в биографию писателя, в жизнь его героев. Помню С. Воронина по ленинградской комсомольской газете «Смена», где он активно работал в сельском отделе, писал очерки, заметки, репортажи. Из деревень привозил идеи и блокноты, набитые записями, — переселенческая речь, великолепная фольклорными речениями, юмор... Так прорастала повесть «Не своей землей».

С той повестью у меня была целая история. Записывал тогда фольклор в Псковской области, и были у меня с собой две книги журнала «Звезда», где повесть была напечатана. И я попросил нескольких сельских грамотеев, любителей книги, ее прочитать. Ну и спор же разгорелся! Оказалось, что проблемы остры и животрепещущи... И сейчас, перечитывая повесть, я вижу, что она не устарела, нам не устарела и другая повесть писателя — «Ненужная слава», всерьез сказавшая о различии между жизненным показной, придуманной, для обложек иллюстрированных журналов, и жизнью реальной, подлинной. Многокрасочность этой вещи не осталась декларативной. Она вошла в органику всего творчества писателя — в его книги «Встречи», «Дом напротив», «Ненужная слава», «Второй цвет», «Звенят ручьи», «В ожидании чуда», «Роман без любви» и многие другие, вплоть до новой повести «Деревянные пятачки».

...Как-то С. Воронин говорил, что мыслей и характера героя еще недостаточно для создания настоящего образа. Нужны собственная интуиция и музыка настроения. Такая «музыка прозы» звучит и в романе «Две жизни», в известной степени автобиографическом, рассказывающем об истории формирования в тяжелейших обстоятельствах характера молодого человека.

С. Воронин пишет о труде изыскателей и о труде колхозников. Он пишет о городе и деревне, но главное — он пишет о людях, о людях нового общества, подчиняющихся его правилам и живущих по его законам. Его деревня не заповедник патриархальщины. Это реальный уголок нашей большой жизни.

Сергей Воронин не только прозаик. Он еще и сценарист. По его сценариям сделаны фильмы «Всего дороже», «Лето в Бережках» и др.

Писатель в расцвете дарования. Готовятся новые книги, запускаются новые сценарии. Идет работа, идет поиск. Пожелаем ему удачи.

Дм. МОЛДАВСКИЙ

***

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

К диалогу о фантастике («ЛГ», № 21, 1973) подключился третий собеседник — читатель. Редакция получила много откликов на диалог Ю. Кагарлицкого и Е. Парнова, один из них мы публикуем сегодня.

А. ПТУШЕНКО, кандидат технических наук, доцент

БОЛЕЗНИ РОСТА — НЕ КРИЗИС

ПОЛЕМИКА между Е. Парновым и Ю. Кагарлицким еще раз подтверждает: нет в литературе более спорного жанра, чем фантастика. Одни ее любят и даже предпочитают иным жанрам, другие не принимают ее всерьез. Если бы первую категорию составили только дети, все было бы просто и понятно. Однако поклонниками фантастики нередко оказываются люди высокообразованные, с общепризнанными интеллектом, знаниями и способностями. Недаром Е. Парнов упоминал о любви к фантастике покойного академика Королева. В то же время противников фантастики тоже немало. Кто же прав? Не станем настаивать, что изложенные ниже взгляды — самые верные. Просто это еще одно из возможных суждений о фантастике.

Прежде чем стать писателем-фантастом, нужно быть «просто» писателем, то есть знать и уметь все, что знает и умеет «обыкновенный» писатель-реалист. Иначе из-под пера будет выходить нечто, вовсе не относящееся к предмету разговора. К сожалению, это «нечто» иногда выходит массовыми тиражами. Чаще всего это просто малохудожественные поделки, не претендующие на социально-психологическую или философскую глубину.

Писатели-фантасты, как и вообще писатели, бывают разные. Никто ведь не спутает Лема с Брэдбери или Стругацких с Парновым. Каждый из них хорош по-своему. У каждого из них — свое умение не только описывать всем известные вещи, но и убедительно рассказать о том, чего читатель никогда не видел и видеть не мог. Умение разглядеть в известных идеях науки неожиданные возможности и следствия. Наконец, умение самому генерировать правдоподобные околонаучные квазиидеи.

Фантастика (то, что мы считаем достойным этого названия) — это нечто по-своему большее, чем «просто» реалистическая литература, а не меньшее, как утверждал Е. Парнов. Писатель-фантаст отличается от «просто» хорошего писателя прежде всего тем, что знает и понимает не только людей и их жизнь, но и проблемы сегодняшней науки. Лучше всего, конечно, если он к тому же и профессионал-ученый. Лучшие из фантастов — именно ученые: С. Лем, А. Азимов, А. Кларк, Е. Парнов, А. Днепров, А. Стругацкий, В. Савченко, Н. Амосов... Список этот можно продолжить.

Но повторяю: фантастика бывает разная. Она распадается на два больших «рукава». За рубежом каждому из них даже присвоили собственное имя — science fiction (научная фантастика) и fantasy (игра воображения). Все написанное выше, по существу, относится к первому «рукаву». Ярчайшим представителем второго «рукава» является Брэдбери. Автор «фэнтэзи» может не считаться, например, с невозможностью путешествия в прошлое («Сафари» Брэдбери, «Попытка к бегству» Стругацких и др.). В «фэнтэзи» встречается снятие даже логических ограничений: герой может не иметь четкого облика, последовательного характера. Таковы, к примеру, марсиане у Брэдбери: они злы, коварны, беспощадны и почти всемогущи — и тут же фатально беспомощны, хрупки и незащищены. Или у Лема во «Вторжении с Альдебарана»: вся изощреннейшая техника пришельцев пасует перед парами спирта, выдыхаемыми зеленым забулдыгой... Стиль и манера в «фэнтэзи» могут быть гротесковыми, нарочито «несерьезными», допустимы ирония и прямое пародирование. Достаточно вспомнить «Трех электрорыцарей» и «Звездные дневники...» Лема. Тот же Лем, кстати, ничего подобного себе не позволяет в других своих произведениях, насыщенных социально-психологической и философской проблематикой, таких, как «Солярис», «Эдем», «Непобедимый», «Формула Лимфатера», «Возвращение со звезд». Это естественно: форма должна соответствовать содержанию... Из примера с Лемом очевидно, что писатели-фантасты — в отличие от самой фантастики — не разделяются на две категории столь строго. Иные из них проявляют себя в обоих «рукавах» фантастики, например Стругацкие.

Вымысел, как известно, присутствует в любом художественном произведении. Поэтому «фэнтэзи» не так-то уж просто «вычленить» из общего потока литературы. Например, что такое «Мастер и Маргарита» Булгакова? «Фауста» уже упоминал Е. Парнов. А «Кандид», «Микромегас», «Царевна Вавилонская»? А «Моникины» Фенимора Купера, «Простачок с Неожиданных Островов» Бернарда Шоу, «Остров пингвинов» и «Восстание ангелов» Анатоля Франса?..

Но если «ненаучная» фантастика с рождения литературы неотделима от ее основного потока, фантастика научная все-таки имеет свою специфику, свои отличительные черты. Она возникла значительно позже — когда наука перестала быть уделом малочисленной группы избранных... Ее основная черта — опора на признанные идеи науки. Фантастика научная может порой заглядывать в будущее несоизмеримо дальше современной ей науки, но при этом она никогда не выходит за рамки допустимой экстраполяции и не вступает в противоречие с логикой. Может ли фантастика предсказывать возможные пути и идеи науке? Безусловно. Но при этом она не противоречит науке, а исходит из нее.

В ЛУЧШИХ произведениях научной фантастики исследуются все те же психологические и социологические проблемы, что и в обычной литературе. Но у фантастики есть, на наш взгляд, одна важная особенность: все эти проблемы могут быть ею спроектированы не только в прошлое или настоящее, но и в будущее.

В научной фантастике — своя, особая мера убедительности и правдоподобия; излишняя «реалистичность» в описании технических деталей подчас вредит, ибо лежит здесь в несколько иной плоскости, нежели в «обычной» литературе. Она связана с железной логичностью, обоснованностью расстановки сил, с неуловимым умением автора убедить читателя в возможности таких коллизий или таких устройств. Тот, мы считаем, не фантаст, кто конструирует черты будущего, только комбинируя гиперболизированные детали настоящего. Так же, как и не тот, кто живописует внешность инопланетных чудищ, нагромождая привычные «земные» хвосты, щупальца, рога, копыта и пр. Непривычные нашему, «земному» опыту валы и фигуры на поверхности мыслящего Океана Соляриса представляются нам более убедительными. Именно такую фантастику мы имеем в виду, произнося это слово.

Теперь о «кризисе» жанра. Какие внешние признаки достаточны для заключения о его наличии? Очевидно, их должно быть несколько; отсутствие читательского интереса, сокращение выпуска книг, снижение качества произведений, уменьшение количества писателей, работающих в данном жанре. Если считать эти признаки достаточными и необходимыми, можно, пожалуй, сделать вывод, что никакого «кризиса» фантастики нет и в помине. По крайней мере в нашей отечественной литературе.

Если уж толковать о «кризисе» фантастического жанра, то правомерными представятся суждения об относительном «кризисе» внутреннего саморазвития фантастики, о некотором «кризисе» ее проблематики. («Кризис» — термин, звучащий в данном случае весьма условно.) Сегодня фантастика почти исчерпала нехоженые и непаханые залежи научных проблем и квазинаучных идей. Конечно, можно создавать видимость разнообразия, варьируя сюжеты... Но настоящего любителя и знатока фантастики этим надолго не завоюешь.

Если внимательно проследить за течением потока фантастической литературы, можно обнаружить много повторов, привычных схем и «традиционной» проблематики. Скажем, случались отдельные «бунты роботов» у Азимова — появляется взбунтовавшаяся «Сузма» у Днепрова... Хотя самый первый бунт роботов состоялся немного раньше — в драме Чапека «R.U.R.». Можно продолжать примеры совпадений: кристаллические черные мушки, объединяющиеся в радужные облака, в «Непобедимом» Станислава Лема и кристаллические существа-ракетки, объединяющиеся в рой для полета в межзвездном пространстве, во «Второй экспедиции на Странную планету» Владимира Савченко; цветные энергетические существа-шары на Меркурии у Саймака и цветные сферические фантомы на планете Гедоне у Абрамовых... Каждый любитель фантастики наверняка не раз встречал такие совпадения и в отечественной, и в зарубежной литературе. Вовсе не нужно думать, будто авторы списывают друг у друга, — просто круг идей не безграничен, а размышления о сходных вещах независимыми путями приводят к сходным результатам.

Кроме того, меняется и среднестатистический читатель фантастики — он становится искушеннее (столько уже всякого читано-перечитано!), его все труднее удивить каким-нибудь новым поворотом мысли. Все это говорит не о «кризисе», а о развитии фантастики. Ведь литературный процесс не заканчивается изданием книги, он продолжается также в сознании читателя. А повышение читательского уровня свидетельствует о развитии жанра, но не об упадке.

Надо также учесть, что и сами писатели-фантасты тоже развиваются. Этот процесс можно проследить хотя бы на двух примерах — Лема и Савченко. Первые произведения Лема — «Астронавты» и «Магелланово облако» — при всех их достоинствах все-таки менее глубоки и философичны, чем «Эдем», «Возвращение со звезд» и «Солярис». Савченко прошел аналогичный путь: от «Черных звезд», произведения, в общем, схематичного, с непременным «шпионским» реквизитом, через более самобытное «Новое оружие» до яркого и глубокого по мысли «Открытия себя».

Короче говоря, у почитателя фантастики вряд ли есть основания всерьез опасаться за ее судьбу. Болезни роста — не кризис.

ФАНТАСТИКА: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ «ЛГ»

ПОГОВОРИМ О ПЕСНЕ

Николай ТАРАСОВ

БРАК ПО ЛЮБВИ...

ШАГ, КОТОРЫЙ я делаю, рискованный: написав за долгие годы около трехсот стихотворений, ни одно из которых не легло на музыку, вторгаюсь в дискуссию о песне. Но ведь и спорить, казалось бы, особенно не о чем. То, что хорошо, — хорошо, а то, что плохо, — плохо. Так и с песней. С той, из которой слова не выкинешь. И с той, которую, как музыкальную авоську, набивают любыми словами, чтобы донести до базара, вытряхнуть и снова набить.

Шумят продавцы песни... Ал. Михайлову и Игорю Шкляревскому их расхожий товар претит. Они не понимают, почему грустно кошке и что означает «тарурам». Их воротит от дилетантизма и халтуры. Им хочется серьезности и профессионализма.

Примеры, которыми изобилуют статьи уважаемого критика и уважаемого поэта, в большинстве своем убедительны. И все же это занятие чем-то напоминает мне копание в морской гальке, отбрасывание камешков, вынутых из воды, высохших и утративших свое влажное свечение.

Игорь Шкляревский, прочитав сборник «Товарищ песня», совсем ожесточился. Поэт полон сарказма и негодования. Почувствовав себя учителем в отстающем классе, он рассматривает каждую песню как контрольную работу, подчеркивает грамматические ошибки, ловит на слове, стыдит и иронизирует. «Возвышенная душа, за туманом подался». «А почему ветер — чудак?» И зачем это «все куда-то обязательно едут»?..

Наверное, общий уровень сборника «Товарищ песня» действительно невысок. Но есть в таком подходе к предмету разговора некая лихость. Под подобным критическим наскоком не раз разбивалась вдребезги и настоящая поэзия.

Случайно мне знакомы некоторые песни, которые, следуя завету Михайлова, предупредившего, что не будет «вторгаться в сопредельную область — музыку», начисто уничтожает Шкляревский.

Между тем текст песни — не сама песня. В лучшем случае плоскостное ее изображение. Что-то вроде черно-белого снимка. А вдруг она нефотогенична? И в жизни у нее прекрасный голос? И много других достоинств?

Думаю, что и в поездке за туманами есть правда чувства, правда настроения. И нет ничего кощунственного в известной песне Юрия Визбора о погибшем друге. Я слушал как-то этот трагический речитатив о судьбе летчика-испытателя в исполнении автора. Песня точна и сдержанна, ничего в ней не нужно переделывать, ничего не нужно добавлять.

Почему же для меня она исполнена мужественной печали, а для Шкляревского лишь повод поиронизировать: «Погиб человек. Погорюй хотя бы немного. Где уж там! Надо писать новую песню. И опять плывет словесный мусор на волне мелодии...».

Но ведь мелодии Игорь Шкляревский не слышал.

И почему слова песен надо обязательно испытывать на отрыв от мелодии? История песенного творчества знает и великие песни, слова которых, оторгнутые от музыки, выглядят тускло, незначительно.

Без музыки, без мелодии песня как бы не существует. Хорошо, что на эту прописную истину наконец-то указал критик Ст. Лесневский. Сразу как-то стало легче разговаривать. И многое, сказанное ранее, самоисключилось.

Определились три измерения песни — музыка, текст, исполнение. Можно ли говорить об одном или двух из них, опуская третье?

Можно и нужно.

Только разговор этот следует вести, не забывая о том, что песня — явление искусства, часть прекрасного, а значит, и явление жизни. Говоря о той или иной песне, надо отдавать себе отчет в том, к какому ряду она принадлежит — шуточная, торжественная, маршевая, лирическая, хоровая... Написанная для исполнения в дороге, на улице в дни народных гуляний, дома за праздничным столом или рассчитанная на высвеченную рампой эстраду и одного певца... А может быть, это песня для пьесы или для кино?

Конечно, одно дело замысел, другое — его осуществление. Песня родилась, и ее жизнь уже меньше всего зависит от воли автора. Начинается отдельное существование. Как знать, куда уведет ее судьба... Однако, оценивая песню, одобряя или критикуя, опасно не считаться с ее назначением, отрывать текст от музыки, всю песню от сферы ее действия — сцены, экрана, эстрады. Легко попасть впросак!

Так и случилось с Ал. Михайловым, а за ним и с Ст. Лесневским, усомнившимися в достоинствах песни «Зачем вы, девушки, красивых любите», сочиненной для кино и получившей народное признание, лишь по той причине, что в тексте не приглянулись строки: «Ромашки спрятались, поникли лютики, когда застыла я от горьких слов...»

Так же как Ст. Лесневский, так же как Булат Окуджава, я не думаю, что после того как разговор о песне на страницах «Литературной газеты» будет завершен, сразу что-то изменится. Мне представляется даже не очень нужным жаждать мгновенных перемен. Волшебной палочки нет и не будет. Спрос на песню растет. Растет и предложение. Композиторам некогда читать хорошие стихи. Да и стихов таких не так уж много. К тому же даже прекрасные стихи редко становятся хорошей песней.

Меня волнует другое.

Дело, которым я занят, граничит с песней на всем протяжении своего прошлого, настоящего и будущего. Вырвавшись с гигантских пространств прозы, слово стало поэзией в тот момент, когда его переполнил звук и поднял на крыле строки.

Песня... Когда-то стихи только так и назывались.

«Где б ни умер, умру, поя...» — восклицал Маяковский, казалось бы, начисто порвавший с напевностью, открывший шлюзы грохоту улиц и площадей.

«Пою мое отечество, республику мою...»

Слово большого поэта всегда переполнено звучанием. В своей знаменитой статье «Как делать стихи?» Владимир Маяковский писал: «...Ритм — основа всякой поэтической вещи, проходящая через нее гулом. Постепенно из этого гула начинаешь вытаскивать отдельные слова». И далее: «Откуда приходит этот основной гул-ритм — неизвестно. Для меня это всякое повторение во мне звука, шума, покачивания или даже вообще повторение каждого явления, которое я выделяю звуком».

Смысла еще нет, а звук уже обозначен!

По существу, о том же говорил Блок, призывавший слушать музыку революции, утверждавший, что Пушкина убило отсутствие воздуха, что художник поглощен изысканием форм, способных выдержать напор прибывающей творческой энергии.

Наполнение слова — одна из главных задач поэта, может быть, самая главная. И читая стихи (не рифмованную прозу, а стихи!), мы всегда чувствуем желание произнести их вслух, вернуть в музыку, окунуться в упругие волны звука.

Из хорошего стихотворения выходишь, как из морской воды, обданный свежестью, крепостью и гулом.

Я понимаю Ст. Лесневского, когда он говорит, что лермонтовское «Выхожу один я на дорогу» хочется не только слушать как песню, но и читать как стихи. Или «Я помню чудное мгновенье», или «Не искушай меня без нужды...»... Став романсом, став песней, шедевры русской лирики не перестали быть стихами, не утратили своей музыки и, как свою, приняли чужую.

Один из величайших примеров удивительного союза музыки слова с музыкой музыки — некрасовские «Коробейники». И петь и читать их — наслаждение. Это, если хотите, брак по любви. Счастливое единство. И потому — сильнее смерти. И потому — навсегда.

Настоящие стихи неизменно полны собственной музыки. А строки умелого стихотворца в лучшем случае наполовину пусты — не по смыслу, а по звучанию — и потому охотно и легко заполняются чужой музыкой, чужим звучанием. Это, если хотите, брак по расчету. Он тоже может оказаться счастливым, но едва ли надолго. И все-таки я не вижу в этом большой беды.

Песня, как говорится, получилась. Ее поют. Она нравится людям. Рифмованные строки спасены от мгновенного забвения.

Услышать свою песню — большая радость. И потому многие ищут знакомства с композиторами, давятся «рыбой», отказываются от своей темы, изменяют себе и принимают любые условия, лишь бы сочинить песню. Вот тогда и возникает «тару-рам». И никакой профессионализм от него не спасет.

Песня, действительно, жанр особый. Есть в нем свои законы, свои нормы существования. И судьба песни — долгая и счастливая, краткая и удачливая, трудная и переменчивая — зависит от очень многих обстоятельств. В том числе и от моды. От веяний на радио. От планов издательства «Советский композитор».

Думаю, что в рождении песни есть своя тайна. А тайне противопоказаны форсаж, суета, спешка.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

Ю. П. ВАНАГУ — 70 лет

Латышскому писателю Юлию Петровичу Ванагу исполнилось 70 лет. Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по латышской литературе направили юбиляру приветственную телеграмму, в которой говорится:

«Сердечно приветствуем Вас, крупного советского писателя, видного общественного деятеля, в день Вашего славного семидесятилетия. Мы знаем и высоко ценим Вас, как замечательного поэта, прозаика, драматурга, внесшего своими произведениями ценный вклад в дело коммунистического воспитания подрастающего поколения.

От души желаем Вам доброго здоровья и новых свершений на благо многонациональной советской культуры».

■

Нелегко найти советского писателя старшего или среднего поколения, который не встречался бы лично с Ю. Ванагом — прекрасным мастером литературы, умным, тонким собеседником. С многими сложились у него прочные литературные связи. А читатель, особенно юное поколение, знает Ю. Ванага по его героическим балладам «Бой под Лиелной» и «Бойцы второго взвода», по его многочисленным поэтическим и прозаическим книгам, переведенным на многие языки народов нашей страны. Кстати, и сам Ю. Ванаг — отличный переводчик, предоставивший латышскому читателю возможность познакомиться с произведениями Пушкина, Толстого, Островского, Горького, с книгами других русских, а также украинских и белорусских прозаиков и поэтов, о творчестве представителей разных литератур народов СССР.

Ю. Ванаг успешно выступает почти во всех литературных жанрах — он драматург и детский писатель, автор киносценариев, на его тексты сочинялась музыка песен.

Писатель в своем творчестве, основанном на богатом жизненном опыте (был он и пастухом, и сплавщиком леса, и лесорубом, и сторожем лодочной станции, и фотографом), уже с первых шагов нищет опору в прогрессивных силах общества. В 1940 году, после свержения в Латвии фашистского режима, Ю. Ванаг с энтузиазмом включается в строительство новой жизни, он один из организаторов Союза советских писателей республики. А когда началась война, добровольцем ушел Ванаг на фронт, сражался в рядах латышской гвардейской дивизии, был военным корреспондентом.

Большая плодотворная работа Ю. Ванага по достоинству оценена партией и правительством. Он награжден многими орденами и медалями, ему присвоено почетное звание заслуженного деятеля культуры Латвийской ССР. И вот сейчас еще одна высокая правительственная награда — орден Октябрьской Революции.

Сегодня трудно даже сказать, что в творчестве писателя наиболее значимо. Ведь Ю. Ванаг в расцвете сил, и это обещает его читателям многое. Можно с уверенностью сказать, что его литературные закрома не будут пустовать и впредь.

Жан ГРИВА

РИГА

В. Д. ЖГЕНТИ — 70 лет

Грузинскому писателю Виссариону Давидовичу Жгенти исполнилось 70 лет. Секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по критике и литературоведению и Совет по грузинской литературе направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«От души поздравляем Вас с семидесятилетием со дня рождения! За пятьдесят лет своей творческой деятельности Вы многое сделали для развития многонациональной советской литературы как видный критик, общественный деятель, секретарь правления Союза писателей Грузии и заботливый воспитатель литературной молодежи.

Вы всегда находитесь в гуще событий культурной жизни страны. С присущей Вам страстью литератора-бойца Вы горячо откликаетесь на появление новых произведений в поэзии, прозе, драматургии.

Широко известны Ваши труды по истории грузинской советской литературы, о жизни и творчестве классиков грузинской литературы, о театре.

Желаем Вам и впредь трудиться с таким же воодушевлением, оставайтесь таким же непримиримым ко всему, что чуждо нашей литературе, всему, что искажает подлинную красоту социалистического искусства.

Желаем Вам крепкого здоровья, долгих лет жизни и новых творческих свершений».

■

Знакомство мое с Бесо Жгенти относится к тем первым литературным встречам, которые не забываются: я увидел его среди молодых друзей Маяковского. Был там и незабвенный Симон Чиковани. Потом я не раз встречал Бесо Жгенти у Сергея Третьякова, работавшего в то время над сценарием «Элисо». Изучение творчества Маяковского и привело меня через несколько лет в «радостный край» его детства, Грузию, а моим близким другом и наставником в приобщении к миру грузинской поэзии стал Бесо Жгенти.

Большое искусство революции рождалось общим порывом к новому — и в Москве и в Тбилиси. Бесо Жгенти — худенький, светловолосый — стал в моих глазах одним из самых восторженных советских «тергдалеулов». Об этих своих великих предшественниках, передовых грузинских писателях - шестидесятниках, «напившихся из Терека», то есть переступивших историческую границу Грузии, чтобы получить высшее образование в России, Бесо Жгенти прекрасно рассказал в своей монографии об Илье Чавчавадзе. Молодой грузинский критик умел заразить нас чувством живого родства наших классиков, передающегося в современность.

У Бесо Жгенти есть особенность, которая выделяет его среди критиков. Литературная наука и критика — не только анализ, но и синтез. Стало быть, и агитация, чтоб захотелось прочитать или по-новому прочитать произведение и писателя. Москвичи, с которыми Бесо Жгенти ездил по районам Грузии, были потрясены действенностью его речей о литературе, обращенных к колхозникам. Как агитатор, умеющий заразить силой своей любви и прекрасному, Бесо Жгенти не знает себе равных в нашем многодумном цехе исследователей тайн и закономерностей художественного слова.

Виктор ПЕРЦОВ

Е. И. ОСЕТРОВУ — 50 лет

В связи с 50-летием со дня рождения Евгения Ивановича Осетрова секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором, в частности, говорится:

«Сердечно поздравляем Вас с 50-летием со дня рождения. Вы принадлежите к поколению советских писателей, которые с тяжелые для Родины дни ушли в действующую армию, для которых фронт стал первой и высокой школой жизни...

Ваши книги и многочисленные статьи завоевали Вам заслуженный авторитет одного из боевых, проницательных, оперативных критиков, тонкого знатока советской многонациональной поэзии. Мы знаем Вас и по редакционной работе на одном из ответственных участков нашей писательской печати в качестве заместителя главного редактора газеты «Литература и жизнь», журнала «Вопросы литературы». Ваша деятельность проходит на переднем крае теории литературы и критики, исследований социалистического реализма, марксистско-ленинской эстетики. Свою творческую работу Вы успешно сочетаете с активным участием в общественной жизни нашего союза: Ваша влюбленность в книгу, благородная страсть библиофила высоко ценятся писателями и всеми друзьями книги.

Свое 50-летие Вы встречаете в расцвете сил, в пору творческой зрелости. Много сделано Вами. Мы уверены, что еще больше Вы сделаете».

Поздравили юбиляра также секретариаты правлений Союза писателей РСФСР и Московской писательской организации.

■

Эпиграфом к одной из своих книг Евгений Осетров взял слова Горького: «Познание России — увлекательнейшая из наук». Эпиграф взят, конечно же, не случайно, не наугад. Все творчество писателя — не что иное, как именно познание, постижение России. Познание ее истории, культуры, того огромного духовного наследия, которое оставили нам предыдущие поколения.

Само слово «познание» многому обязывает. Оно подразумевает зоркий, не поверхностный и не сторонний взгляд на предмет, проникновение в суть жизненного ли, литературного ли факта, явления, обязательное соотношение, сопоставление его с другими.

Вот это проникновение в существо жизненных и литературных явлений нашего времени, умение найти тому или другому факту «свое» место в общем поступательном движении нашей жизни, нашей литературы и назвал бы главной и наиболее привлекательной особенностью таланта Е. Осетрова.

В статьях и исследованиях Е. Осетрова наличествуют прекрасный «лог и свое, личное отношение к предмету, который он исследует. Ясность, определенность авторской позиции отличают нам литературоведческие, так и критические работы Е. Осетрова.

Юбиляром написано много. Но познание своей страны — и той, что была, и нынешней, советской, — познание глубинных тайн русского слова — наука не только увлекательная, но и безгранична. И ныне, когда Евгений Иванович Осетров перешагивает определенный возрастной рубеж своей жизни, хочется от всего сердца пожелать ему новых и новых открытий.

Саман ШУРТАКОВ

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

Дмитрий Евгеньевич МИХАЛЬЧИ

На семьдесят третьем году жизни скончался Дмитрий Евгеньевич Михальчи, известный советский филолог, литературовед, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания Университета дружбы народов имени П. Лумумбы.

Имя Дмитрия Евгеньевича Михальчи хорошо известно в советской и зарубежной филологической науке. Выпускник Московского университета, ученик и соратник известных русских филологов — академиков М. М. Покровского, М. Н. Розанова, В. В. Виноградова, В. Ф. Шишмарева, профессора М. В. Сергиевского, Дмитрий Евгеньевич Михальчи в своей деятельности блестяще совместил лучшие традиции дореволюционной отечественной филологии с современными достижениями научной теории, с глубокой марксистской методологией.

Поражают широта и разнообразие научных интересов Дмитрия Евгеньевича: языковедение и история языкознания, источниковедение и палеография, проблемы структурно-типологической лингвистики и история западноевропейской литературы. Много сил и энергии Дмитрий Евгеньевич отдал педагогической деятельности. Сорокапятилетняя педагогическая работа в аудиториях Московского педагогического института имени Потемкина, МФЛИ, Московского университета имени М. В. Ломоносова, Университета дружбы народов имени П. Лумумбы способствовала воспитанию нового поколения научных работников, которым Дмитрий Евгеньевич отдавал все свои знания и опыт, прививал строгое, требовательное, ищущее отношение к науке.

Многолетняя активная творческая жизнь Дмитрия Евгеньевича Михальчи является собой пример честного, беззаветного служения науке. Память о нем навсегда сохранится в наших сердцах.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР,
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА,
УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИМЕНИ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Благодарим все учреждения и предприятия, родных, друзей и товарищей Александра Ильича Безыменского, выразивших свое соболезнование в связи с его кончиной.

Семья БЕЗЫМЕНСКИХ

ХУДОЖНИК И КНИГА

Рисунки В. НАГАЕВА к книге Джамиля Алибекова «Я ищу себя». Издательство «Советский писатель», 1973.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Позвольте мне через вашу газету горячо поблагодарить организации, товарищей и читателей, поздравивших меня с днем моего юбилея.

Мария ПРИЛЕЖАЕВА

Разрешите через вашу газету выразить глубокую благодарность всем, поздравившим меня с семидесятилетием.

Иван ВАГМУТ

ХАРЬКОВ

Всеволод Санаев, Станислав Ростоцкий и Джина Лоллобриджида (Италия)

Соня Амелио (Мексика), Анни Карина (Франция), Фатан Хамама (АРЕ)

фестиваль: день за днем

СССР

«ЭТО СЛАДКОЕ СЛОВО—СВОБОДА!»

Сюжетную основу нового фильма режиссера Витаутаса Жалакявичуса (по сценарию В. Ежова и В. Жалакявичуса) «Это сладкое слово — свобода!» составляет история побега из тюрьмы трех сенаторов-демократов. Действие происходит в одной из латиноамериканских стран. Но оно могло бы происходить и на другом континенте — везде, где борются против тирании и произвола. Нет надобности искать реальных прототипов выведенных в фильме героев. Они борцы, революционеры. Они едины в своем желании утвердить идеалы гуманизма, социальной справедливости, интернационального братства.

В содержании фильма выдвинута вперед чисто политическая проблематика. Идет тяжелая, напряженная борьба между реакцией и народом. Казалось бы, правительству удалось ценой зверских репрессий достичь победы. Но это пиррова победа! Блестяще организованный побег трех узников наносит могучий удар по реакционному режиму и становится предвестником нового революционного взрыва.

Революция — главная тема фильма. Политика — его содержание.

И сразу же напрашивается мысль назвать новую работу В. Жалакявичуса политическим фильмом, советским политическим фильмом.

Действительно, по своим идейно-эстетическим параметрам фильм «Это сладкое слово — свобода!» может быть поставлен в один ряд с такими прославленными зарубежными картинами, как «Одален 31», «Джо Хилл», «Сакко и Ванцетти», основным содержанием которых являются классовая борьба, политика в различных ее проявлениях.

Тем не менее я хочу воздержаться от применения термина «политический фильм» к работе Жалакявичуса. Каждый советский фильм, если он явление большого искусства, политичен, он утверждает коммунистический общественный идеал. Здесь мы с гордостью можем вспомнить о великих традициях советского киноискусства, о лучших фильмах Кулешова, Эйзенштейна, Пудовкина, братьев Васильевых, Довженко, Эрмлера — их кинокартины, полные революционного пафоса и страстной идейной убежденности, являются и по сей день образцами подлинно социального, высокого искусства.

Впрочем, можно понять тех кинокритиков, которые, желая передать идейную и художественную специфику произведений типа «Сакко и Ванцетти» и «Джо Хилл», называют их политическими. Они противопоставляются аполитичным картинам массового коммерческого экрана. Но стоит всегда помнить об относительности этой самой аполитичности. Традиционная буржуазная мелодрама, уводящая зрителя от коллизий повседневности в лоно изысканной, «киношной» жизни, по-своему столь же политична, как и любой другой фильм.

Последний фильм В. Жалакявичуса, как и предыдущая его картина «Никто не хотел умирать», — это публицистическая социальная драма, к жанру которой, кстати сказать, относится и большинство зарубежных игровых фильмов, называемых ныне «политическими». Крупные характеры, острые и общественно значительные конфликты, открытость авторской позиции — вот тайна тайн творческой манеры Жалакявичуса. Она просматривается уже в первой его самостоятельной картине «Адам хочет быть человеком».

Но Жалакявичус отнюдь не пурист жанра. Он смело и уверенно соединяет в своей ленте элементы, на первый взгляд не сочетаемые: психологического и приключенческого фильма.

...Последние минуты перед побегом. Празднование мнимых именин сенатора Карреры в камере. Стук в пол. Звон плиток кафеля. Открывается люк. Побег по подземному туннелю. Быстрая езда по ночному городу. Переодевание. Снова езда. Пресс-конференция. Смерть Карреры от разрыва сердца. Эпизод полон драматичнейших и захватывающих событий, динамики.

И рядом — сцены, не богатые внешним действием. Долгие разговоры Франсиско и Марии. Ее колебания и сомнения. Их неослабевающая с годами, страстная любовь.

В ролях коммунистов Франсиско и Марии, главных организаторов побега, снялись Регимантас Адомайтис и Ирина Мирошниченко. Надо ли говорить, как сложна и ответственна задача, вставшая перед актерами? Так было легко соскользнуть на проторенную дорогу либо псевдогероических, либо приземленно-бытовых штампов. Не соскользнули!

Р. Адомайтис и И. Мирошниченко играют Героев. Не «обыкновенных героев», как у нас иногда пишут, игнорируя коренное противоречие, заключенное в этой формуле. Герой, коли он герой, всегда необыкновенен, неординарен. Другое дело, что по-разному можно трактовать меру его человечности. В фильме «Это сладкое слово — свобода!» она, эта мера, очень высокая и полнокровная. Героям внятно все: и горение идеями, и чувство ненависти, и чувственная страсть, и забота о ребенке... Когда Мария, выполнив задание партии и совершив подвиг, беспокоится о том, что забыла краску для волос,— ей веришь, это в логике ее характера. Ирина Мирошниченко тонко и лирично раскрывает своеобразие душевного склада своей героини.

Если Мария — сердце и поэзия революции, то Франсиско воплощает ее волю и мужество. Как и герои фильма «Никто не хотел умирать». Франсиско — человек решительных и конкретных действий. Но к тому же он в исполнении Р. Адомайтиса чертовски умен, остроумен, красив. Адомайтис ведет себя на экране свободно и сдержанно, он знает цену слову, жесту, мимике. Его мастерство, не побоимся сказать, — высочайшего класса.

Центральная пара не подавляет остальных персонажей. Доброе слово хочется сказать почти обо всех актерах. Особенно о Б. Вабнаускасе (Мигель Каррера). Ю. Будрайтисе (Фелисио), М. Волонтир (Карлоса), Р. Нахапетове (Венедикто)...

Существенно, что в фильме не онариатурены образы врагов. Особенно запоминается капитан Рада — В. Цимбо. Не ординарный противник. Неглупый, наблюдательный, хороший семьянин. Но, может быть, именно такие типы опаснее других. Капитан Рада — службист. Чтобы получить лишнюю звездочку на погоне, он пойдет на любую подлость и жестокость.

А солдат Фелисио — вроде свой парень, из крестьян-бедняков. И все же он если не враг, то и не друг. Фелисио труслив и слаб, он — жертва режима, но он всегда может предать.

Да, актерам есть что играть в фильме «Это сладкое слово — свобода!». Им здесь просторно. Вместе с тем «Это сладкое слово — свобода!» не только и даже не столько «актерский», сколько «режиссерский» фильм. Буквально в каждом его эпизоде явственно ощущаешь руку мастера — В. Жалакявичуса и его талантливых соавторов — оператора В. Нахабцева и художника Л. Шенгелия.

Картина снята очень современно и во многом непривычно для нашего кино. В ней доминирует короткий, почти «рваный» монтаж, когда без особых переходов стыкуются друг с другом разные куски и кадры, хроника и игровой материал.

Выше мы говорили о сочетании в фильме разных жанровых компонентов. Это тоже составляет свои трудности. В процессе просмотра приходится как бы менять установки восприятия: только настроишься на более спокойный, аналитический лад, глядишь — бурно закрутилось действие...

Все кадры киноленты изящны и ярки по своему пластическому строю. И очень достоверны, фактурны, густо наполнены деталями и подробностями. Их хотелось бы рассматривать подольше. Но кадр держится на экране иногда лишь мгновение.

К чему мы клоним? Смотреть фильм «Это сладкое слово — свобода!» непросто. В фильм вложено много разного рода информации, язык его сложен. Порою излишне сложен. Но в принципе художественная форма фильма остра, выразительна. Она построена на доверии к зрителю. К его активности и ассоциативному опыту.

А как иначе двигаться вперед? Современная социальная драма исследует столь многоплановый жизненный материал, что без обновления языка кино никак не обойтись. Трудны пути свободы, но сложны и дороги искусства. И это прекрасно.

Фильм Витаутаса Жалакявичуса — фильм-поиск (и весьма результативный) новых тем, новых героев и новых художественных решений. Это, можно сказать без ложной скромности, — крупное достижение всего нашего кино.

Е. ГРОМОВ

Болгария

«ЛЮБОВЬ»

Людмил Стайков дебютирует этим фильмом как режиссер кино и поначалу заставляет опасаться, что современные кинематографические приемы — рваный монтаж, микрокосм обыденных вещей, зримое движение подсознания и прочее и прочее — очаровали его. Опасения рассеиваются не сразу, режиссер не спешит к зрителю с этаким карманным разговорником киноязыка — он стремится доказать, что выбранная им речь естественна для данной темы. И побеждает.

Драматический перелом в жизни молодой героини фильма происходит в сегодняшней обыденной обстановке, в сегодняшних мирных заботах, происходит как бы из ничего. В конце концов инъекции, которые она делает в больнице в качестве медсестры (девушка заканчивает школу медсестер), или пощечина, которую дала ей мать в каком-то семейном скандале, или безволие отца — вряд ли все это достаточная причина для душевной драмы, которую явно переживает Мария — артистка Виолета Донева.

При дальнейшем движении сюжета выясняется, что в семье Марии каждый жил своим ритмом, что здесь скорее давняя притертость, привычка, но не более, не более... Семья как семья, могла бы считаться вполне благополучной, если бы дочь в один прекрасный день не почувствовала кислородной недостаточности в этом мире ее дома, ее повседневности, не почувствовала тоски по жизни осмысленной и крупной. Перед глазами Марии такая жизнь только что прошла — жизнь ее родственницы, ее тетки Ирины, врача, отправившейся во Вьетнам, погибшей там, женщины с партизанским прошлым, с трагическим женским прошлым, всегда жившей для чего-то, что было общественно значимым.

Весь фильм, в сущности, диалог героини с Ириной (артистка Н. Кокамова). Все, что происходит с Марией, примеряется как бы на жизнь Ирины. Поэтому легкая пошлость и легкая глуповатость директора дома отдыха, куда устраивает Марию отец, и различные недостатки характеров ее случайных партнеров по уютной обстановке отдыха оборачиваются для девушки гиперболой пошлости, гиперболой глупости, какими-то ужасными дефектами. Рефлексия, часто заставляющая Марию сперва проживать тот или иной момент дня в воображении, так сказать, идеально, на деле, наяву оборачивается распространенной чертой пылкого или мечтательного характера. Ее внутренние, тоже частые обращения к воспоминаниям, к рассказам Ирины, которые для нее зримы так же, как и ее собственная фантазия о некоем женихе, всегда летающем на самолете, о женихе, которого она выдумала,— тоже понятны. Во всем этом нет никакой мистики. Девушка с незаурядными душевными качествами ищет модель своей жизни. За всем этим просматривается тема юношеского мятущегося сознания, выраженная когда-то у Э. Багрицкого в «Стихах о поэте и романтике» в словах: «знамена в чехлах и заржавели трубы...». Надо сделать с кого-то жизнь, но жизнь каждого поколения — и в его собственном опыте. В этот опыт входит и жизнь родителей Марии, и жизнь Ирины — надо выбирать... А между тем — девушка и не заметила этого — на нее обрушивается первая любовь, первая настоящая драма, и она найдет в себе мужество перенести ее, сохранить достоинство...

Об этом фильм «Любовь» (сценарий А. Карасимеонова), отличающийся уверенной режиссурой, великолепным мастерством художника Марии Ивановой и ровной и сильной работой актеров, среди которых следует еще назвать, конечно, Ивана Кондова и Николая Бинева.

А. СВОБОДИН

Борис Бабочкин, Ча Жанг (ДРВ), Клара Лучко
Фото Л. МИСИКЕВИЧА

Франция

«ПОХИЩЕНИЕ»

Эта картина собрала первоклассных актеров: Джан Мария Волонте, Жан-Луи Трентиньян, Мишель Пикколи, Филипп Нуаре. Она удачно сочетает уже знакомые нам черты политического фильма, развивающегося сегодня в прогрессивном кинематографе Италии и Франции, и острой психологической драмы. Поэтому конкурсную французскую ленту «Похищение» смотришь с напряженным вниманием: ты следишь не только за фабулой, в основе которой — похищение одного из лидеров национально-революционного движения Северной Африки Садиэля (Джан Мария Волонте), но и за историей малодушия и предательства его прежнего товарища по убеждениям парижского журналиста и литератора Франсуа Дарьена (Жан-Луи Трентиньян), ставшего пособником политического заговора.

Для того чтобы уничтожить или попытаться склонить Садиэля на сторону правящего в его стране антинародного режима, необходимо заманить его в Париж из Женевы, где жизнь эмигранта находится в относительной безопасности. Франсуа Дарьен и становится тем человеком, который осуществляет эту провокационную миссию. Написавший когда-то правдивую книгу о войне в Алжире и попавший в руки тайной полиции, он стал на некоторое время ее осведомителем. Теперь о Дарьене вспоминают снова.

Жан-Луи Трентиньян удивительно точно рисует духовную деградацию своего героя. Кульминация фильма — последняя встреча Садиэля и Дарьена, когда первый понимает, что предан, а второй отчетливо осознает, что путь, на который он вступил, привел Садиэля к смерти. Ни слова не произносят они, но долгий взгляд Волонте, обращенный к предателю, непременно останется в памяти зрителя.

В известной картине Бернардо Бертолуччи «Конформист», снятой по роману Альберто Моравиа, Трентиньян блистательно сыграл итальянского интеллигента, шаг за шагом предававшего левые идеи и докатившегося до прямого фашизма. В «Похищении» актер продолжает исследовать характер уже современного конформиста, у которого нет сил противиться обстоятельствам, но который в последний момент решает взбунтоваться и сохранить остатки достоинства. Индивидуалистический бунт героя обречен на провал. Он гибнет, преследуемый политической разведкой, официальные власти объявляют его самоубийцей, магнитофонная пленка с его исповедью бесследно исчезает.

Комья свежей земли падают на гроб Садиэля, тайно вывезенный из Парижа...

Стиль фильма неровен, в нем как бы две эстетики: стрельба, погоня, допросы, пытки — из знакомого «криминального» ряда, но мучительные поиски главным героем выхода, его затравленный взор, обращенный вокруг и в собственную душу, выводят «Похищение» на простор серьезного, гуманного кинематографа. Острая и умная картина режиссера Ива Буассе продолжает линию прогрессивного политического фильма, правда, в чем-то эксплуатируя уже найденные приемы, но одновременно и углубляя важные для западного искусства темы.

Е. СИДОРОВ

Куба

«ЧЕЛОВЕК ИЗ МАЙСИНИКУ»

Кубинское кино в этом фильме, пожалуй, впервые обращается к драматической теме борьбы с контрреволюционными силами внутри страны. В горах Лас Вильяс провинции Эскамбрай, в самом центре острова, вплоть до 1964 года было неспокойно. В лесах скрывались вооруженные группы приверженцев батистовского режима — бывших собственников, крестьян-богатеев, бежавших от правосудия предателей и различного уголовного сброда.

Фильм повествует об эпизоде народной борьбы с отщепенцами, о разгроме одной из банд.

В глухом лесу находят труп замученного и повешенного человека. Начинается следствие. В погибшем опознают руководителя государственной фермы в Майсинику Альберто Дельгадо. Фильм шаг за шагом восстанавливает события, предшествовавшие его гибели, и нам открываются жизнь, судьба, подвиг человека, который в борьбе против антинародных сил сознательно поставил самую высокую ставку — свою жизнь и победил.

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

По обстановке на ферме, по социальной атмосфере развернувшейся борьбы, по напряженности ее схваток фильм многим напоминает известную литовскую ленту «Никто не хотел умирать». Но здесь главное внимание сосредоточено на образе и действиях одного героя. Ни окружающие Альберто люди, ни зрители до поры до времени не догадываются, что он связывается с контрреволюционным подпольем, проникает в банду, лишь чтобы ускорить ее конец.

Но дело, конечно, не сводится к эффектному детективному ходу. Фильм привлекает пафосом и героикой классовых битв, крупным и рельефно обрисованным образом героя — безусловно смелого человека, привлекает реалистической сочностью художественного языка. Здесь опыт, накопленный постановщиком Мануэлем Пересом в документальном кино, сказался в точности обрисовки среды, в тонкой наблюдательности и вкусе к детали. Свой первый полнометражный игровой фильм режиссер стремился сделать ясным, доходчивым. И ему это удалось. Жизненной правдивости фильма способствует и то, что многие исполнители привлечены из местной театральной труппы «Эскамбрай». Из этого же театрального коллектива вышел и Серхио Корреьери, сыгравший роль Альберто с темпераментом и горячей революционной страстью.

Итак, острые перипетии классовой борьбы, рассказанные простым и выразительным языком, исполненный драматического напряжения сюжет и герой — сильный, человечески привлекательный. Что еще нужно для успеха? Я был свидетелем восторженного приема фильма кубинскими зрителями. В Гаване, где сейчас, в разгар летней жары, в кинотеатрах не очень многолюдно, на «Человека из Майсинику» стояли длиннейшие очереди. Мнение критики и публики совпало: это одно из наиболее интересных киноизведений последних лет.

Дм. ПИСАРЕВСКИЙ

Венесуэла

«КОГДА ХОЧЕТСЯ ПЛАКАТЬ, НЕ ПЛАЧУ»

Три мальчика родились в один день тысяча девятьсот сорок восьмого года в венесуэльском городе Каракасе. Всем им дали одно и то же имя — Викторино, и всех троих похоронили в один и тот же день — день их восемнадцатилетия. Никаких других совпадений и пересечений в их биографиях не было, они даже не были знакомы. Да и что могло быть общего у сына преуспевающего инженера и предпринимателя Викторино Перальта с нищим подонком Викторино Пересом, а у них обоих с сыном профессионального революционера Викторино Пэрдомо. Но общим знаменателем их судьбы оказалась социальная действительность, толкнувшая всех их к насилию и смерти.

В сущности, роман Мигеля Отеро Сильва «Когда хочется плакать, не плачу», равно как и фильм, поставленный по нему режиссером Маурисио Валерстейном, прост, как притча. Но притча эта насыщена взрывчатым материалом истории. Не только каждый эпизод, но каждый кадр, каждый сантиметр изображения значим, весом, красноречив. И если его можно назвать фильмом-притчей, то столь же закономерно его определить как фильм — социологическое исследование, документальное и подлинное, и фильм-эпопея, — так он многопланов, многослоен.

Это жестокая картина, в ней много крови (возможно, даже чересчур много) — крови молодежи, которая льется бесконечно и бессмысленно. Не случайно рапидом снята сцена схватки с охранкой: автоматные очереди в упор, медленно вслухающие фонтанчики крови, разинутые в безмолвном крике рты, судороги, медленными волнами сотрясающие тела, — и все беззвучно, не слышно выстрелов, криков, только печальные аккорды в фонограмме. Всмотритесь, как бы говорят авторы...

Кровь нации в трагический момент ее истории — и огромная жизненная потенция молодого народа. Между этими полюсами развивается фильм «Когда хочется плакать, не плачу», неожиданный по классу своего мастерства (до сих пор мы мало что слышали о венесуэльском кинематографе), по выразительности киноязыка, по точности выбора актеров.

Интересно, что в картине, где, казалось бы, дай бог успеть за событиями и перипетиями жизни героев, очень много пауз и проходов, когда вроде ничего не происходит. Объектив долго следит за стремительно идущим по улице навстречу своей судьбе Викторино Пересом, за едущим в роскошной спортивной машине Викторино Перальта, а в кадре жизнь улицы, — лица усталые, равнодушные, озабоченные, замкнутые, все уплотнено, фактурно, подлинно. Можно было бы сказать, что это фильм потока жизни, но в нем нет привычной для картин этого рода заторможенности, поток этот стремительно мчится в русле, четко ограниченном обстоятельствами, мчится к предопределенной развязке.

И только здесь, в последних, трагических сценах, режиссер как бы случайно сталкивает, сплетает судьбы героев.

Да, у каждого из героев был свой путь и оказалось свое место на кладбище, предопределенное социальной иерархией. Но погибли все трое. И смерть их — приговор обществу, прикрывающемуся словами о демократии и процветании, защищающемуся с помощью террора и увеселяющему своих граждан спортивными состязаниями и конкурсами красоты.

Не случайно авторы заканчивают свой трагический и горький фильм кадром ослепительной «мисс Венесуэлы».

Ю. ХАНЮТИН

Индия, Япония

«ПО СВОЕЙ ВОЛЕ», «РЕСТОРАН «СИНОБУГАВА»

Кинематографии Индии и Японии создают сегодня чуть ли не треть мировой кинопродукции.

Конечно, как различны исторические судьбы и народные традиции этих двух титанов Азии, так же своеобразны и их фильмы. Почти одновременно в 50-х годах Европа «открыла» двух великих мастеров из этих стран — индийца Сатьяджита Рэя и японца Акира Куросаву и поставила их имена в один ряд с именами Гриффита, Эйзенштейна, Бюнюэля, Пудовкина. Общая сокровищница человеческой культуры стала богаче и сложнее после этого открытия.

Самобытность каждой национальной культуры легко просматривается. Есть, однако, творческий метод и темы, неожиданно сближающие самые разные произведения искусства, — это метод реализма, это темы жизни простых людей.

Фильм Адура Гопалакришнана, созданный в штате Керала,— «По своей воле» заслуживает особенного внимания благодаря резкому отходу от традиционной танцевально-музыкальной продукции Бомбея. Фильм «Ресторан «Синобугава» — произведение высоких профессиональных качеств, однако он настораживает склонностью автора к психоанализу, затемняющему подлинный анализ реальности. Тем не менее в главном обе эти картины сходятся, и это главное — любовь к простому человеку. Эта же особенность характеризует и другие японские и индийские картины, представленные на фестиваль, в частности лиричную и умную «Родину» Ади Ямадо.

Трагична история Ситы и Внсвама, двух молодых и образованных людей из Кералы, сломанных нищетой и безработицей («По своей воле»). «С милым рай и в шалаше»... Может быть, если шалаш построить в Эдеме. Но если любящие оказываются одинокими в большом городе, полном опасностей и соблазнов, то любовь не спасет их...

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

История таких же двух молодых японских героев окончится счастливо — браком, осознанием, что каждый из них нашел свою «половинку», надеждой на светлое впереди. Но путь их к счастью был очень труден. Тацуро отягощен страхом перед жизнью, сознанием, что вышел из семьи банщика и неудачливых людей. Непростой была жизнь и Сяко, выросшей в квартале проституток, работающей в ресторане невысокого пошиба...

Для Гопалакришнана важнее всего социальная беззащитность его героев. Заслугой режиссера надо считать, что он не выделяет судьбу героев как исключительную, но показывает, что вокруг них полно таких же обездоленных. Это горькая и мужественная картина. Героям «Ресторана...» голод, вероятно, не грозит, но жизнь тоже была к ним безжалостна.

Надо полагать, что ни та и ни другая картины не претендуют на то, чтобы быть «визитными карточками» своих кинематографий. В Индии, например, любая картина, созданная в Бомбее, Калькутте или в Мадрасе, может претендовать на «представительство» несравненно с большими правами, ибо именно в этих трех городах расположены центры кинопроизводства. А для японского кино чеховская тональность фильма Кея Кумаи вообще не характерна. И все же это очень типичные фильмы — для индийского кино, открытого нам Рэем, кино социального звучания, и в известной мере для японского, связанного с творчеством Куросавы, кино психологических глубин.

Р. СОБОЛЕВ

ЗАВТРА НА КОНКУРСЕ

Чехословакия

«ДНИ ПРЕДАТЕЛЬСТВА»

Есть фильмы, которые трудно отнести к какому-либо определенному жанру, которые появляются прежде всего потому, что нужны. К ним относится и чехословацкий фильм «Дни предательства», которому выпала честь представлять чехословацкую кинематографию на нынешнем, VIII Московском фестивале.

Не так уж далеки от нас дни, когда по вине западных буржуазных правительств, в том числе и буржуазного правительства Чехословакии, были развязаны руки хищному фашизму. Случившееся забывать нельзя. Ведь именно тогда, осенью 1938 года, в Мюнхене было положено начало самой страшной в истории человечества войны. Чем больше мы хотим предотвратить повторение мировой трагедии, тем меньше у нас права забывать события того времени. Чехословацкое государство было тогда предано западными союзниками и собственным буржуазным правительством, ибо они больше боялись перспективы освобождения трудового народа, чем прихода фашизма — самого лютого врага всего человечества.

Сегодня, когда советская миролюбивая политика, ленинская политика мира одерживает выдающиеся победы, мы особенно должны помнить, что именно Советский Союз перед второй мировой войной последовательно боролся за коллективную безопасность. Призывы его не нашли отклика в тогдашней буржуазной Европе, и это принесло неисчислимые потери для всего человечества.

Лишь в нынешнем, столь знаменательном для европейской безопасности году позорный мюнхенский диктат был признан недействительным.

Фильм «Дни предательства» основывается на документах, точной исторической хронике страшной поры Мюнхена. Его создатели (режиссер — Отакар Вавра, сценарист — Милослав Фабера) отказались от художественного домысла, от надуманности сюжета и стилизации. Они следовали драматизму событий, драматизму фактов.

Скажу о самом главном — о расстановке сил, уяснении ситуации. О том, что чехословацкий народ тогда хотел, а главное — мог оказать сопротивление. Фильм убедительно показывает, что чехословацкий народ не был тогда покинут всеми, как это утверждала впоследствии - чехословацкая буржуазия. Фильм со всей очевидностью подтверждает, что первое государство социализма СССР было готово прийти на помощь Чехословакии.

История — это учитель из учителей. Знать ее — значит иметь возможность разобраться не только в прошлом, но и в настоящем, предвидеть будущее. Только тогда, когда мы будем хорошо разбираться в сложившейся исторической обстановке, объективно — как тому учат классики марксизма — оценивать факты действительности и их взаимосвязь, только тогда мы сумеем уберечься от иллюзий, равно как и от скептического недомыслия. «Дни предательства» поучительны в первую очередь для тех, кто знает о событиях тридцатипятилетней давности только из учебников. Зрители фильма получают как бы наглядный урок, видят рассказ о классовой борьбе в Чехословакии и в Европе вообще.

Ян КЛИМЕНТ,
чехословацкий кинокритик, член редколлегии газеты «Руде право»

ГОЛОС ПЛАНЕТЫ

ВО ИМЯ МИРА

Практическое осуществление Программы мира, принятой историческим XXIV съездом КПСС, вызывает горячее одобрение во всех уголках нашей планеты. Высоко оценивается народами мира личный вклад Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в реализацию этой программы. Выступая на торжественном собрании в Москве, посвященном вручению Л. И. Брежневу международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», Первый секретарь ЦК Партии трудящихся Вьетнама Ле Зуан подчеркнул: «Вручение этой высокой награды — событие глубокого значения. Оно является выражением неустанных усилий товарища Брежнева, Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства в борьбе за мир во всем мире...»

Мы публикуем ряд интервью наших корреспондентов с лауреатами международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», посвященных вручению высокой награды Л. И. Брежневу.

Джеймс ОЛДРИДЖ.
английский писатель,
лауреат международной
Ленинской премии
«За укрепление мира
между народами»

— Я не знаю сегодня другого человека, который заслуживал бы премии мира больше, чем Леонид Ильич Брежнев. Особенно если речь идет о международной Ленинской премии, поскольку Л. И. Брежнев проводит политику мира, принципы которой были предначертаны великим Лениным.

В любой войне всегда самые большие жертвы несет рабочий класс, все трудящиеся. Это прекрасно понимал В. И. Ленин, и именно поэтому Советский Союз провозгласил сосуществование стран с различными социальными системами основой своей политики. Трудящиеся западных стран теперь имеют возможность бороться за свои права на политическом фронте, не боясь угрозы войны.

В этом огромная заслуга Л. И. Брежнева. Именно поэтому так много людей горячо поздравляют с высокой наградой государственного деятеля, партийного руководителя и искусного дипломата Леонида Брежнева.

Цеца ДРАГОЙЧЕВА,
политическая и общественная
деятельница Болгарии,
лауреат международной
Ленинской премии
«За укрепление мира
между народами»

— Вручение Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» — большое событие и большая радость не только для советского народа, но и для народов большой социалистической семьи, для всего прогрессивного человечества. С именем Л. И. Брежнева прогрессивное человечество связывает успехи советской миролюбивой внешней политики.

Изменился весь политический климат нашей планеты. Впервые в истории открывается путь к реализации великой мечты человечества — изъять колоссальные средства, идущие на вооружение, из рук безумных сил войны и вложить их в чистые руки тех, кто производит блага для счастливого и мирного человеческого существования. И если это стало возможным, то только потому, что есть на земле Советский Союз, его ленинская Коммунистическая партия, ее Центральный Комитет, возглавляемый верным и испытанным ленинцем — Л. И. Брежневым.

Болгарские коммунисты, болгарские трудящиеся, весь болгарский народ сердечно и горячо поздравляет своего большого и искреннего друга Леонида Ильича Брежнева с высокой оценкой его выдающегося вклада в дело мира и желает ему крепкого здоровья и неиссякаемой энергии в борьбе за счастье всех людей на земле.

Герберт ВАРНКЕ,
политический и
общественный деятель ГДР,
лауреат международной
Ленинской премии
«За укрепление мира
между народами»

— Я с радостью узнал о присуждении и вручении высокой награды — международной Ленинской премии мира — товарищу Леониду Ильичу Брежневу. Можно ли найти человека, более достойного этой награды, нежели Генеральный секретарь ЦК КПСС, чья неутомимая борьба за укрепление безопасности и международную разрядку встречает восторженное одобрение всего мира!

Личный вклад в дело мира товарища Брежнева — политического деятеля, пользующегося огромным уважением международного рабочего класса, и представителя страны Ленина — наглядно показывает, что социалистическое содружество во главе с Советским Союзом служит вернейшим залогом обеспечения человечеству прочного мира.

Жан ЭФФЕЛЬ,
французский художник,
лауреат международной
Ленинской премии
«За укрепление мира
между народами»

— Художник — профессия мирная. Мой карандаш куда охотнее рисует голубку мира, чем бесславных поборников «холодной» и «горячей» войны — даже в карикатурах. Вот почему я особенно приветствую свежие ветры разрядки напряженности, мира и сотрудничества между странами и народами, которые все смелее очищают нашу планету от предубеждений и разобщенности.

Как показывает история, за мир нужно бороться. Этой благородной борьбе отдает много сил великий Советский Союз. На протяжении десятилетий советская внешняя политика направлена на упрочение мира, обеспечение безопасности, на развитие сотрудничества между странами и народами. Этой благородной борьбе отдает много сил Леонид Брежнев. Неутомимая деятельность Генерального секретаря ЦК КПСС на благо мира отмечена в эти дни врученном ему международной Ленинской премии мира.

Все, кому дорог мир, выражают в этой связи глубокое удовлетворение. Действительно, Леонид Брежнев своей энергией, убежденностью вносит огромный вклад в обеспечение успехов миролюбивой политики Советского Союза.

Я всей душой за дружбу и сотрудничество всех стран и народов. Именно поэтому я приветствую присуждение Леониду Брежневу международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

В Киеве с успехом проходит выставка товаров промышленных предприятий Японии. Характерной ее особенностью является то, что на ней представлены отдельные города: Иокагама — побратим Одессы, Киото — побратим Киева, а также Токио, Нагоя и префектура Канагава. По случаю открытия выставки в столицу Украины прибыла японская делегация во главе с мэром города Иокагама Ичио Асуката. Гэн Ичио Асуката дал интервью собственному корреспонденту «Литературной газеты» в Киеве Н. Григорьеву.

— Вы, наверное, обратили внимание, — сказал Ичио Асуката, — на небольшой плакат у одного из выставочных стендов. На нем написано: «Дружба плюс торговля — наш идеал». Хороший лозунг, и я надеюсь, что мои японские коллеги, занимающиеся коммерческими делами, не обидятся, если я всегда выделю первую часть: главное — дружба. Это, на мой взгляд, более точно отвечает духу нашего времени.

Ичио АСУКАТА, мэр Иокагамы:

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

«ДРУЖБА ПЛЮС ТОРГОВЛЯ — НАШ ИДЕАЛ»

А нынешнее время обнадеживает: в мире становится теплее. Как раз в дни, когда в Киеве начала работать японская выставка, господину Л. И. Брежневу была вручена международная Ленинская премия мира. Даже если вспомнить только три последних события — визиты Генерального секретаря ЦК КПСС в ФРГ, США и Францию, то и по их результатам Л. И. Брежнев заслуживает самой высокой награды мира. Но ведь следует иметь в виду всю его активную и неутомимую деятельность по осуществлению советского внешнеполитического курса!

Несомненно, что этот мирный курс в определенном смысле способствовал и успешной организации нашей выставки. Я искренне верю в то, что отношения между Японией и СССР будут развиваться на взаимовыгодных началах экономического, научного и культурного сотрудничества. Полагаю, что такого же мнения придерживается большинство японцев.

В Киеве сейчас часто говорят об Иокагаме. Каждый из этих двух городов считается в своей стране третьим по населению и, очевидно, по значению тоже. Тем не менее они не похожи друг на друга. Киев, о котором, кстати, нельзя говорить без восхищения, — город древний, с большой историей; на каждом шагу здесь ощущаешь наслоения многовековой культуры. В этом смысле он скорее похож на Киото. Иокагама же — город, родившийся всего лишь сто пятнадцать лет назад, переживающий еще пору юности со всеми ее радостями и болезнями. Но есть у нас с Киевом и много общего. Население Иокагамы ежегодно увеличивается на десять тысяч жителей. Это ставит перед нами новые проблемы — надо строить школы, лечебницы, давать больше воды, больше электричества и т. д. и т. п. У мэра Киева господина Гусева забот, наверное, еще больше, чем у меня: ведь в Киеве каждый год прибавляется в пять-шесть раз больше жителей, чем в Иокагаме.

Сейчас в мире много общих проблем. Их легче решать в обстановке широкого сотрудничества. Мы должны хорошо знать друг друга. А для этого нет ничего лучше, чем контакты и взаимный деловой обмен во всех сферах человеческой деятельности...

КИЕВ. (По телефону)

СЕМЬ ДНЕЙ В ИЮЛЕ...

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛЕ СОБЫТИЯ

КОНТУРЫ БУДУЩЕЙ ЕВРОПЫ

7 июля 1973 года, где-то между полуднем и часом дня, во дворце «Финляндия» в Хельсинки прозвучал мелодичный звонок, похожий на звук охотничьего рожка, созывая участников первого этапа Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе на последнее заседание. На нем было принято заключительное коммюнике, которое как бы подвело черту работам первого этапа.

Этот этап важен прежде всего потому, что заложил хорошую основу для дальнейшего движения совещания вперед. Эксперты, которые 18 сентября начнут в Женеве эту работу, придут на свое первое заседание не с пустыми портфелями: в них будут лежать развернутые проекты заключительных документов совещания, внесенные Советским Союзом и другими социалистическими странами. Будут в них и предложения западных стран, хотя большинство из них намеревается представить свои проекты в Женеве.

Пройденный этап важен также тем, что прояснил позиции всех государств-участников. Не все мыслят одинаково, не по всем вопросам взгляды совпадают, есть расхождения в выборе приоритетов, в нюансах. Но главное, что выявилось, — это общее стремление работать в конструктивном духе. В заключительном коммюнике министры выразили «решимость своих правительств содействовать успеху дальнейшей работы совещания». Это надо понимать как моральное обязательство делать все необходимое, чтобы совещание оправдало те надежды, которые возлагают на него народы Европы, да и не только Европы.

Взоры европейцев обращаются теперь к Женеве, где осенью предстоит преодолеть второй этап. Это будет, несомненно, самый трудный и самый трудоемкий момент в ходе всего совещания. Ибо здесь предстоит перейти к принятию конкретных решений по множеству проблем самого разнообразного характера.

Конечно, наиболее важным будет третий, завершающий этап, которому предстоит принимать заключительные документы. Именно на основе этих документов люди будут судить, в какой мере совещание выполнило поставленные перед ним задачи. В виду важности этого этапа советская делегация высказалась в Хельсинки за проведение его на высшем уровне.

***

Корреспондент газеты «Фигаро» в одной из своих корреспонденций из Хельсинки высказал весьма неожиданную мысль: парадоксально, что совещание по безопасности созвано в момент, когда она уже обеспечена. При этом он имел в виду улучшение отношений Советского Союза с Францией, ФРГ и Соединенными Штатами.

Бесспорно, хорошие отношения между странами Востока и Запада, основанные на взаимном доверии и уважении и подкрепленные сотрудничеством в различных областях, служат непременным условием обеспечения безопасности в Европе. Весь мир отдает должное мирным инициативам Советского Союза, вытекающим из Программы мира, выдвинутой XXIV съездом КПСС, и личным усилиям Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, направленным на претворение ее в жизнь. Именно после поездок Л. И. Брежнева в ФРГ, США и Францию мир ощутил, что в жизни нашего старого континента происходит поворот от «холодной войны» к миру и сотрудничеству.

Вместе с тем можно ли считать безопасность европейских народов обеспеченной? Разве не вызывает еще тревогу у них тот факт, что до сих пор в Европе сосредоточены огромные массы самого различного оружия, в том числе и ядерного? Нет, корреспондент «Фигаро» парадоксальным образом не понял, что все, что до сих пор было сделано для улучшения политического климата в Европе, — это только начало, и что для достижения надежной и долговечной безопасности нужно приложить новые и притом коллективные усилия. Эту задачу и призвано решить совещание.

Социалистические страны считают, что в первую очередь необходимо согласовать принципы, на которых должна основываться европейская безопасность. Эти принципы четко сформулированы в проекте Генеральной декларации, представленном в Хельсинки советской делегацией.

Важнейшее значение имеет принцип нерушимости границ. Нисколько не умаляя значения других норм поведения государств в их взаимоотношениях, Советский Союз придает этому принципу особую роль. При этом он исходит из опыта Европы, весьма горького. Опыт этот показывает, что войны на нашем континенте обычно начинались с предъявления одними государствами территориальных претензий к другим. Если мы хотим исключить войны из жизни Европы, навсегда покончить с агрессией, необходимо в первую очередь исходить из безусловного признания принципа нерушимости границ. Территориальная целостность государств в ныне существующих границах есть непременное условие прочности мира.

***

Большое место в Хельсинки было отведено обсуждению вопросов расширения экономических, научно-технических и торговых отношений, предусмотренных вторым пунктом повестки дня. Оно выявило общее стремление дать новый импульс развитию сотрудничества в этих областях.

В эпоху научно-технической революции большую важность приобретает вопрос о рациональном использовании экономических и технических ресурсов каждой страны. Максимальную выгоду от использования этих ресурсов может дать разделение труда, основанное на исторически сложившихся направлениях экономического развития европейских стран. Нет никакой нужды в каждой стране «изобретать велосипед». Это ведет лишь к распылению технических и экономических ресурсов, тормозит общее развитие континента.

Европа уже накопила ценный опыт сотрудничества в области экономики, торговли, науки и техники на двусторонней основе. Наглядный пример взаимных выгод такого сотрудничества дают, например, многообразные деловые связи между Советским Союзом и Францией. Участники совещания высказались за развитие двустороннего сотрудничества, но главные их усилия были направлены на проблемы, связанные с развитием сотрудничества на многосторонней основе. Его формы — это торговый обмен, промышленное кооперирование, реализация крупных проектов по освоению сырьевых ресурсов, строительство транспортных сетей, создание новых водных путей, пролегающих через территории ряда смежных стран, защита окружающей среды.

Все эти вопросы, по-видимому, ствнут предметом конкретного обсуждения на втором этапе. Основой этого обсуждения может стать проект совместного документа, внесенный делегациями ГДР и Венгрии, а также проекты, уже представленные западными странами, а частности делегацией Федеративной Республики Германии.

***

Начало работы Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе означает, что наш континент вступает в новый период своей истории, для которого характерно все более широкое и все более интенсивное сотрудничество между европейскими государствами. По мере развития этого сотрудничества наверняка будут возникать новые проблемы, решение которых потребует новых совместных усилий, новых встреч. Все это наводит на мысль о целесообразности создания соответствующего механизма консультаций с участием всех государств, которые представлены на совещании. Иначе говоря, встает вопрос о создании консультативного комитета. Работа консультативного комитета обеспечила бы непрерывность и координацию совместных усилий государств — участников совещания и тем самым способствовала бы продолжению дела, начатого в Хельсинки.

Исходя из всех этих резонных соображений, делегация Чехословакии внесла предложение обсудить на втором этапе совещания вопрос о создании консультативного комитета по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе. Это предложение по четвертому пункту повестки дня совещания.

Как видит читатель, мы забежали несколько вперед, обойдя третий пункт повестки дня — сотрудничество в области культуры. Сделано это не для того, чтобы о нем умолчать, а, наоборот, для того, чтобы поговорить о нем подробнее.

***

Мы живем в эпоху, когда культурное сотрудничество между государствами становится насущной потребностью не отдельных лиц — культурной элиты, как это было, скажем, в XIX веке, а широких масс культурных и образованных людей, число которых значительно возросло за последние десятилетия и будет еще быстрее расти в будущем.

Тяга людей к знакомству с достижениями литературы и искусства других народов должна сыграть важную роль во взаимном познании народов и установлении между ними доверия и взаимного уважения.

Однако эту свою позитивную функцию сотрудничество в области культуры может выполнить только при условии соблюдения принципов невмешательства в дела друг друга, без попыток навязывать друг другу свою идеологию, при условии уважения законов, обычаев и традиций других государств.

Внесенный в Хельсинки делегациями Польши и Болгарии совместный проект документа «Об основных направлениях развития культурного сотрудничества, контактов и обмена информацией» может послужить хорошей основой для работы совещания, когда оно приступит к выработке конкретных решений по третьему пункту повестки дня.

Достоинство этого проекта в том, что он не декларативен, а сугубо конкретен. В нем дан подробный перечень мероприятий в области искусства, литературы, просвещения, контактов, в проведении которых государства Европы могли бы тесно сотрудничать и тем самым сообща обогащать духовную жизнь народов Европы.

● ОКОНЧАНИЕ НА 14-Й СТР.

РЕПЛИКА

ПОСТАВЩИК КЛЕВЕТЫ

На страницах ряда реакционных буржуазных изданий появилось интервью А. Сахарова шведскому радио и телевидению. Автор интервью в изображении буржуазной печати предстает в роли этакого «борца» за гражданские права, которых якобы лишен советский народ. Чем же потрафил Сахаров своим западным клиентам?

Его интервью от начала и до конца пронизано стремлением очернить Советский Союз, советский образ жизни. Ему не нравится, что народным хозяйством в СССР руководят не частные фирмы, а государство; Сахаров, видите ли, считает, что «сдерживание частной инициативы делает жизнь просто-напросто очень скучной». Он, не смущаясь, одним махом обвиняет в «двуличии» всю советскую интеллигенцию, которую к тому же «засасывает ограниченная профессиональная специализация».

В интервью утверждается, что, дескать, СССР — «закрытая страна». «Изоляция от внешнего мира, — разглагольствует Сахаров, — оказывает пагубное воздействие на нашу жизнь». Разумеется, не требовалось долголетних академических изысканий, чтобы установить тот, например, факт, что за последние три года «закрытую страну» — Советский Союз посетило около пяти миллионов иностранцев и почти столько же советских граждан выезжало за рубеж. Только в 1972 году в СССР приезжало около 2,5 миллиона иностранных гостей из ста стран мира, а в 1975 году «Интурист» готовится принять не менее 4,5 миллиона гостей. Но зачем Сахарову факты? Ведь не этого от него ждут...

Даже общепризнанные социальные завоевания советского строя — и те предстают в изложении Сахарова, словно в кривом зеркале. Кому, скажем, неизвестно, что в Советском Союзе, в отличие от капиталистических стран, медицинское обслуживание бесплатное, а расходы по здравоохранению несет государство? А вот Сахаров утверждает, что медицинское обслуживание в СССР «ничуть не дешевле, чем в большинстве западных стран, оно даже часто дороже».

Кому неизвестно, какое огромное внимание уделяется в СССР обучению молодежи, как много строится школ, каким почетом окружена профессия учителя? А Сахаров, не краснея, заявляет буквально следующее: «Система образования (в СССР. — Ю. К.) находится в постыдном состоянии»...

И так далее в том же духе.

Разумеется, в советской жизни есть и недостатки, и нерешенные проблемы. Критику этих недостатков, даже самую острую, советские люди рассматривают как дело полезное, нужное, ибо она помогает движению вперед. Но не требуется особой наблюдательности, чтобы убедиться в том, что потуги Сахарова не имеют ничего общего с такой критикой. Вся его деятельность в качестве поставщика реакционной печати поклепов на Советский Союз продиктована иным желанием: оклеветать свою страну.

Движимый злобой к советскому строю, Сахаров берется за вопросы, в которых он является полнейшим невеждой. Откровенная тенденциозность, да еще умноженная не невежество, и порождает сочинения, подобные интервью Сахарове. Но как бы ни старались определенные круги на Западе раздуть эти антисоветские выдумки, им не затмить огромных успехов Советской страны, социалистического строя — успехов, которые признаны всем миром, которыми восхищаются миллионы людей во всех уголках земли.

Академике Сахарове многие знали как ученого-физика. Ныне, как видим, он приобрел совсем иную «известность»: одна из болгарских газет, например, с полным основанием охарактеризовала его на днях как «поставщика клеветы». Интервью Сахарова лишь подтверждает, что в «идейном багаже» этого человека, которому архиреакционные круги на Западе дали титул «борца за права советских людей», нет ничего, кроме пресмыкательства перед капиталистическими порядками да набора злобных выдумок в адрес советского строя.

Ю. КОРНИЛОВ,
обозреватель ТАСС

ДОСЬЕ «ЛГ»

НОВОЕ «ДЕЛО КАХАНЕ»

В газете «Нью-Йорк таймс», а затем, спустя неделю, в «Интернэшнл геральд трибюн» появились сообщения о новых провокациях главаря «лиги защиты евреев» Меира Кахане. Эти сообщения вполне можно приобщить к делу по обвинению крайне правого крыла мирового сионизма в попытках любыми средствами сорвать процесс разрядки международной напряженности.

«НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС»:

Раввину Меиру Кахане, руководителю воинственной «лиги защиты евреев», предъявлено обвинение в заговоре с целью похищения и убийства иностранных должностных лиц в Соединенных Штатах. Кахане заявил в израильском окружном суде, что это дело было связано с планами срыва недавнего визита Леонида Брежнева в США.

Этот раввин, родившийся в Соединенных Штатах и много раз заключавшийся в американские тюрьмы, сказал, что он отдал указание своим последователям в Америке похитить какого-нибудь советского дипломата перед встречей президента Никсона с руководителем советской Коммунистической партии и тем самым добиться отмены этой встречи.

В обвинительном акте сказано, что раввин Кахане послал четыре письма и одну телеграмму в США в период с 24 мая по 12 июня, пытаясь вступить в сговор с адресатами и другими людьми для совершения уголовных преступлений. Запланированные преступления, в которых его обвиняют, включают похищение и убийства иностранных должностных лиц в США, организацию взрывов бомб в зданиях посольств иностранных государств и обстрел этих зданий, а также поджег помещений, в которых «американские компании ведут внутриэкономическую и внешнеэкономическую деятельность».

Окружной судья Авионам Эден отверг просьбу Кахане об освобождении на поруки и приказал держать его под стражей до окончания суде...

«ИНТЕРНЭШНЛ ГЕРАЛЬД ТРИБЮН»:

Верховный суд Израиля отменил 6 июля постановление окружного суда и освободил руководителя «лиги защиты евреев» раввина Кахане на время, пока суд не вынесет приговор по его делу. Он был арестован по обвинению в заговоре с целью похищения и убийства.

Верховный суд освободил раввина под залог в 24 тысячи долларов, изменив, таким образом, решение окружного суда не освобождать его из тюрьмы, принятое 29 июня.

Раввин, гражданин США, обвиняется в заговоре с целью «похищения и убийства иностранного дипломата в США». Он должен предстать перед окружным судом 20 июля. Кахане сказал, что на суде он сознается в фактах, но предъявленные обвинения отклонит на том основании, что в них нет состава преступления.

«Я считаю, что то, что я делал, правильно, — сказал Кахане. — И я снова буду это делать, только, конечно, после суда»...

В США и в Израиле (он является гражданином обоих государств) Кахане вменяется в вину столько преступлений, что их хватило бы для вынесения приговора о пожизненном тюремном заключении. Но фашиствующий сионист, судя по всему, чувствует себя в Израиле в такой безопасности, что даже накануне суда считает возможным нагло заявить: «Я снова буду делать это!»

А. КУРОВ

ТЕЛЕКС

СМЕНА НАЗВАНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Национальное правительство Австралии будет теперь официально называться «Правительство Австралии» вместо «Правительство Содружества», сообщает газета «Острали ан». Новый термин будет использоваться во всех официальных документах и в законодательстве.

ТАСС

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА

Ливийский лидер Муамар Каддафи заявил во время встречи с руководителями женской организации Египта, что место женщины — дома, потому что некоторые «биологические дефекты» служат препятствием ее профессиональной деятельности. Он сказал также, что идей равенства мужчин и женщин может привести к распаду семьи. На встрече присутствовали г-жа Садат и г-жа Каддафи, но жены глав государств не приняли участия в оживленной дискуссии.

Рейтер

АЛЛО, ХЬЮСТОН!

«ПЕРВЫЕ СОВМЕСТНЫЕ...»

Был первый спутник — советский, вознесший человеческую руку в космос, а само слово — в другие языки. Был первый кругосветный космонавигатель — Юрий Гагарин, советский гражданин, и был первый человек, ступивший на Луну, — Нейл Армстронг, гражданин США.

Теперь в освоении космоса слово «первый» уступает место словам «первый совместный». Американская печать сообщает в эти дни о «первой совместной» встрече экипажей советского космического корабля «Союз» и американского космического корабля «Аполлон». Пресса пишет о «первых совместных» заседаниях космонавтов и специалистов в американском центре в Хьюстоне. Читателю рассказывают о первых английских фразах советских космонавтов и о первых русских фразах их американских коллег. Это не первый визит космонавтов, они бывали друг у друга. Но в гостях, в теперь — по делу. Осенью ожидается ответный приезд в СССР американцев.

Американская печать тепло освещает нынешнюю первую служебную командировку нашия космонавтов в США, напоминает, что приехавший в составе советской группы Алексей Леонов — тоже «первый»; он первым вышел в открытый космос в марте 1965 года. Пресса рассказывает о планах и намерениях членов будущих экипажей, которые после встреч в Хьюстоне и в Москве будут готовиться приветствовать друг друга в космосе. Местная газета «Хьюстон кроникл» в день прибытия космонавтов опубликовала снимок их появления на американской земле в Нью-Йорке на первой полосе.

В этом же номере газеты помещена статья, приветствующая недавний визит в США Л. И. Брежнева как крупный, важнейший шаг к окончанию «холодной войны». Хьюстонцы также считают, что путь к долгожданному окончанию постылой «холодной войны» пролегает и через космос. Поэтому они так сердечно приветствуют наших космонавтов.

Геннадий ГЕРАСИМОВ,
собственный корреспондент
АПН и
«Литературной газеты»

НЬЮ-ЙОРК. (По телефону)

Волжский автогигант не только показывает пример успешного решения актуальных задач управления и взаимоотношений человека и техники, но и ставит перед народным хозяйством ряд непростых проблем.

ВАЗ — ЭТО СТИЛЬ

П. ВОЛИН,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

ВАЗом, вложить в девять раз больше денег, чем в него самого.

Народное хозяйство уже почувствовало благотворное влияние Волжского автогиганта. Мы ввели для него и продолжаем вводить в разных отраслях крупные производственные мощности, что уже само по себе повышает экономический потенциал страны. Мы научились — и еще продолжаем учиться — делать такие вещи, которых никогда раньше не делали: новые марки стали, новые виды пластмасс, стекла, текстиля, резинотехнических изделий, подшипников и много иной продукции. Достаточно сказать, что в себестоимости автомобиля «Жигуля» более половины (60 процентов) составляют изделия смежников, и почти все эти изделия (95 процентов) даже не входят пока в наши государственные стандарты — выше их! Надо ли говорить, как это обогащает все народное хозяйство? Ведь новые материалы и изделия найдут применение не только на ВАЗе и не только в автомобилестроении...

Даже отрасли, непосредственно связанные с производством автомобилей на заводе, сформировались под влиянием ВАЗа. Возьмите тракторный: у нас было двухтактных малолитражных моторов и тракторов для перевозки автомобилей — сейчас нет. Даже бытовое обслуживание. У вас на улице не было ремонтных автомастерских, а теперь они появились. Ремонтные станции выходили медленно и с большим трудом. Сейчас ведомственные и кооперативные мастерские растут как грибы после дождя. Почему? Потому что появился массовый потребитель, который предъявляет свои требования, и они должны быть удовлетворены.

Партия на своем XXIV съезде ясно и четко сформулировала одну из самых главных наших задач: соединить достижения научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства. Мы знаем эти убедительные наши преимущества: развитие экономики на основе единого государственного плана, возможность сконцентрировать силы на решающих участках и направлениях технического прогресса. Само рождение ВАЗа — наглядный, яркий пример такого сосредоточения. Какая другая страна сумела бы построить в столь короткий срок такое гигантское предприятие, вобравшее в себя лучшее, что создано мировой научно-технической мыслью!

Но дальше, вслед за рождением ВАЗа, неизбежен следующий шаг: вид его воздействия начнут перестраиваться на более современный лад многие связанные с ним отрасли народного хозяйства. А может быть, в какой-то степени и они в целом. Тут, как говорится, хочешь — не хочешь, само «присутствие» ВАЗа должно заставить...

Вскоре после возвращения из Тольятти мне довелось беседовать с заместителем председателя Госплана СССР Николаем Павловичем Лебедянским. Тема разговора у нас была другая, но я не мог не воспользоваться встречей с таким компетентным в области народнохозяйственного планирования человеком, чтобы не узнать его мнение по интересующим меня вопросам: насколько велики возможности ВАЗа на ближайшие годы?

— Огромны, — сказал Николай Павлович. — Автомобильная промышленность относится к числу тех отраслей, которые влияют на все остальные. Ведь с ней связаны не только металлургия и металлообработка, но и химия, и приборостроение, и электроника, и радиотехника, электроника, легкая промышленность... Поэтому такой завод, как ВАЗ, несомненно, вызовет, вернее, уже вызвал к жизни целый ряд отраслей, которые должны подняться до его уровня. Иначе они будут тормозить развитие самого завода. Вот, например, электроника. Ее развитие — это, с одной стороны, возможность создать новые, более совершенные системы управления производством, а с другой — необходимость обеспечить ими прежде всего ВАЗ. Ведь без электроники сейчас уже не может существовать ни один крупный завод. Поэтому вопрос может стоять только так: или мы будем развивать электронику, или ВАЗ будет работать с перебоями, не на полную мощность. Третьего не дано.

Николай Павлович привел и другой пример.

— Вот мы составляем межотраслевой баланс. В нем тоже такие цифры: неиспользованные мощности и новые затраты. Почему — значит, сделан нужный, допустимый экономический нажим. Для изготовления автомобиля — самого затратного, самого сложного — сначала в целом производятся электроэнергия, чтобы произвести все, что необходимо для выпуска автомобилей, и сэкономятся... Что реальные затраты примерно в девять раз превосходят первые. Иначе говоря, мы должны в девять, связанных с производством автомобилей на заводе, вложить столько, сколько потребуется на сооружение самого ВАЗа. Вот вам и «окружающая среда». И вот вместе, это опасное воздействие, отнюдь не обоюдоострое, а не благотворное. Скорее со знаком минус, нежели плюс.

РАБОТУ всего завода нам как бы уже видно, программирует главный конвейер. Ритм каждой автоматической линии, режим любого станка рассчитаны так, чтобы непрерывно и досыта его кормить. Ни ведь и все цехи, производства, питающие главный конвейер, по сути своим должны — непрерывно и вдосталь — «кормить». Значит, весь ВАЗ, чтобы работать ровно без перебоев, должен быть таким же главным конвейером по отношению к сетям поставщиков — десяткам заводов, фабрик, комбинатов. Иначе... Помните слова шнеппера? «Остановилась линия сварки — через час остановится главный конвейер».

— Поставки многих материалов срываются, запасы на пределе, мы постоянно на пороге остановки, — говорил мне начальник управления материально - технического снабжения ВАЗа Алексей Алексеевич Тришкин.— Вот нелегкая лента. Представляете, что значит остаться без нее хотя бы на один день? Спустить машины на пол без кузова? Это как смертельный удар для завода! В звене наш Магистраль: болты, полный затор, вырубайте! Ну, там для нас нарезали четыреста тонн ленты. Она, конечно, покупная, ее на специализированных предприятиях. Но и это разовая акция. Мы и туда, углубляясь в сырье стальное, «кормим» — помогаем делать. А что прикажете делать? Они же не станут изменять ради нас технологию.

Снабжение завода — проблема всегда напряженная. Да еще такого, как ВАЗ. Нелегко освоить выпуск материалов, которые заменят государственным стандартам не отвечающие. Новые цехи и предприятия, «работающие на ВАЗ», тоже не построишь в один день. Они создаются в меньшем темпе, нежели, чем его «автоцех». Хотя, если быть до конца последовательным, наверное, и такое построение должно было быть предусмотрено и учтено. Одного волшебника не получается, а «каждый год начинался» — по словам начальника, — «каждый год начинался с нуля, и выполнить никогда не было», — говорил нам Тришкин.

Казалось бы, должен быть наиболее детально — вплоть до цехов — продуман и рассчитан весь производственный цикл. Ведь главное — как работает предприятие в целом, ибо в нем оценивается эффективность управления.

Почему ВАЗ еще не «выдает» на-гора проектную мощность, не достиг полной производительности? Ведь, казалось бы, все данные для этого есть. Да и время уже прошло немалое. Почему, что ВАЗ не почувствует у многих существенную помощь министерств, организаций, управлений? Наверное, не только ВАЗ не почувствует, но и никто не почувствует. Это — как при постройке новой любви: пока строят, ждут, все кругом кажется более или менее прекрасным, но вот строительство завершено, все вокруг уже привычно, и вместе с ним — увы! — и любовь обычно кончается. В трубы отопления, которые, собственно, и называют иногда «теплом», потихоньку начинает поступать холод...

Один наш приятель, занятый материалами, в частности, для автомобильных видов стального проката, ВАЗ получает с одного из металлургических предприятий. Другие тоже продукцию не отгружают, а шлют, прямо ВАЗа не понимают. Значит, этого мало, что и что в данном случае будет выпускать и какую потребность удовлетворять. Не тогда завод начнет работать как надо, когда будет выпускать автомобили, а когда будет выпускать их в системе, в комплексе с другими, в том числе и с теми, которые производят для него. Вот тогда и будет ритм, тогда и появится стиль.

Когда я приехал в Тольятти — это было в последних числах февраля, — узнал: программа выпуска «Жигулей» на нынешний год уже выполнена. Скажу откровенно, был поражен. О том, что в 1973 году ВАЗ выдаст на 500-тысячный выпускной машине, было известно давным-давно, когда завод еще только строился и первое составлялась программа полного наращивания его мощностей. Цифру «500 тысяч» видишь на плакатах, лозунгах, украшающих завод, не можно было услышать на собраниях и митингах. На нее походили, имея в виду работу каждого корпуса, цеха, участка. И вдруг мне сообщают:

— Еще ничего не известно.

— Как так?

— А так, план на 500 тысяч нам не утвердили.

— Да почему же?!

— Говорят, всеми поставщиками не сумеют обеспечить. Сначала соглашались только на 485 тысяч. Ну, еще тысячу мы все же выбили. Так что теперь официальный план — 486 тысяч машин.

«Официальный» — сказано несерьезно. Заводцы поступили «хитро» — в социалистическое обязательство записали: «Включить дополнительно в план 1973 года выпуск 14 тысяч автомобилей, обеспечив выполнение намеченного в плане девятой пятилетки объема производства на 1973 год».

Но почему как бьется ВАЗ за «генеральные» 14 тысяч? Почему что он не может работать надобным образом: сегодня одно, завтра другое. Он не терпит «толкачей», как никто — неумелого нападения.

В НАУКЕ есть такое понятие: чистота опыта. Это важнейшее условие любого эксперимента, чтобы он показал истину, объективные, действительные результаты. В чем — чтобы экспериментатор в ней ждет быть уверенным полностью, дабы максимальный эффект. ВАЗ — это, кроме всего прочего, прекрасная возможность провести практически, добиться на технологическом уровне предприятия новой, передовые, более совершенные методы организации и управления. Возможность оценить их, овладеть ими, с тем чтобы применить в жизни широко и повсеместно. Вот сегодня уникальное завтра станет рядовым.

Как же тут выполнить первое требование к эксперименту — чистоту опыта?

«Привязка к генеральной дирекции при ней сводного и одновременно много частей Марата Магтимовича Фарманова. Хвалили дом, в котором живут специалисты, за детский сад, в который ходят их дети, за школу, в которой учатся. Но это все потом. Сначала — о деле.

— Как вы тут выполняете первое требование к эксперименту — чистоту опыта?

ЧЕЛОВЕК И ЕГО РАБОТА

И. КАНДРОР, профессор, доктор биологических наук, Д. ДЕМИНА, кандидат биологических наук

ГДЕ ЛЕГЧЕ? ГДЕ ТРУДНЕЕ?

КАК СРАВНИВАТЬ ПРОФЕССИИ, ИЛИ ОБ ОДНОМ НЕИЗВЕСТНОМ В НАУКЕ О ТРУДЕ

В нашей стране трудовой вклад и заработная плата каждого работника определяются в строгом соответствии с количеством и качеством затраченного труда. «От каждого по способностям, каждому по труду» — гласит основной принцип социализма. Постоянно совершенствуются научные критерии определения трудовых затрат, всесторонне учитываются условия, в которых выполняется работа. Государственная политика в области труда предусматривает, с одной стороны, неуклонное повышение его производительности в интересах всего общества, а с другой — справедливое вознаграждение каждого и заботу о здоровье работников. Учитывается также особая заинтересованность народного хозяйства в развитии тех или иных отраслей экономики, отдельных территорий, например северных, где природные богатства приходится осваивать в исключительно тяжелых климатических условиях. В известной степени на политику в области оценки труда и заработной платы влияет обеспеченность кадрами отдельных сфер экономики.

В совокупности все названные критерии помогают надежно определять меру труда и оплаты. И тем не менее в нынешних условиях научно-технической революции требуется еще большая точность. Советские профсоюзы ведут постоянную работу по улучшению нормирования труда. Исследователи ищут и пути сопоставления трудовых затрат людей разных профессий, а также работников одной и той же специальности, находящихся в разных производственных условиях. Эта проблема включена в пятилетний план научных работ Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике, решением ее заняты экономисты, правоведы, социологи, медики... Своими размышлениями о некоторых аспектах сложной комплексной проблемы делятся сегодня на страницах «ЛГ» ученые-физиологи.

«МОЖЕТ, в самом деле текстильщикам, швейникам, обувщикам работать легче, чем их землякам-машиностроителям?.. Нет, я бы не осмелился сказать, что там легче... Чтобы сказать, где легче, надо сравнивать не отрасли промышленности, не группы «А» и «Б», а конкретные производства и профессии совершенно индивидуально. Но никто, видно, так не сравнивал».

В этой мысли, высказанной А. Левиковым в статье «А» и «Б» (№ 46, 1972), как нам представляется, заключена суть вопроса.

Действительно, сравнивали или нет?

Какие профессии «труднее», какие «легче»?

Вынуждены, к сожалению, констатировать: не сравнивали до сих пор.

Так почему же не сравнивают? А потому, что современные науки о труде — от экономики до физиологии и психологии труда — все еще не могут подсказать практике метод сопоставления разных профессий. Более того, ни в одном из вышедших до сих пор учебнике или монографии у нас в стране и за рубежом вопрос этот действительно по-научному еще не поставлен.

И это тем более удивительно, что сравнивать труд (а следовательно, и зарплату, и различные льготы, компенсации) на основании такого, казалось бы, очевидного критерия, как производительность, невозможно. Вернее, возможно, но только там, где люди работают в одинаковых условиях, как говорят, при «прочих равных», и результат их труда — количество и качество — зависит только от их усилий и умения. Но где они, эти «прочие равные»? Разве только в одной бригаде, и то не всегда. А в разных цехах завода, на разных заводах одной отрасли, на предприятиях различных отраслей? В разных климатических зонах? Одинаковы ли оборудование и энерговооруженность, организация производства и качество сырья — то, от чего реальная производительность рабочего зависит, пожалуй, даже в большей степени, чем от его личных усилий?

Важен и такой вопрос: много ли профессий надо сравнивать? Сколько сейчас в промышленности, сельском хозяйстве, сфере обслуживания разновидностей труда, или, как говорят специалисты, «детальных профессий»? Последний справочник такого рода, изданный в США, содержит более 35 тысяч названий профессий.

А есть ли вообще научно обоснованная база для сравнений? Что общего между трудом авиадиспетчера и рабочего укладчика рельсовых путей, контролера бутылок на молочном заводе и кассира в театре, режиссера на студии телевидения и горнового у мартена? Условия, орудия, содержание труда у них совершенно разные. Общее разве то, что все они люди и в процессе своей профессиональной работы используют те или иные свои человеческие способности, напрягают те или иные функции своего организма. Так кому же из них легче, кому труднее?

Выходит, что научной теории для сравнения различных видов труда (профессий) между собой, для определения, какие из них «легче», а какие «тяжелее», можно ожидать только от физиологов и психологов труда, от гигиенистов, потому что человек — в этом аспекте — сфера их компетенции.

Могут спросить: а не является ли подобный подход «биологизацией» такой, несомненно, социальной проблемы, как труд, да еще на современном этапе научно-технической революции? Не противоречит ли это марксистской методологии? Ответ найдем у самого Карла Маркса в первом томе «Капитала»:

«...Как бы различны ни были отдельные виды полезного труда, или производительной деятельности, с физиологической стороны это во всяком случае функции человеческого организма, и каждая такая функция, каково бы ни было ее содержание и ее форма, по существу (подчеркнуто нами. — Авт.), есть трата человеческого мозга, нервов, мускулов, органов чувств и т. д.».

Если иметь в виду, что эти «траты» (не в индивидуализированном размере, а в «общественно необходимом», то есть в какой-то форме усредненном) положены классиками марксизма в основу трудовой теории стоимости, то будет ясно, что необоснованной «биологизации» социального явления мы при этом не допускаем. Чрезвычайно интересно, что более 100 лет тому назад, когда разновидности так называемого «физического» труда были преобладающими, а «умственного» — разве только в самом зачатке, Маркс, тем не менее, на первое место поставил именно «траты» человеческого мозга, а не мышц. Тем более это справедливо для нашего времени. В условиях научно-технической революции труд человека, в том числе и физический, требует знаний, сообразительности. Словом, трудно, почти невозможно назвать такую современную профессию, где от работника не требовалась бы прежде всего «голова», а затем уже и «руки».

А так как физические усилия и психическая напряженность — эти две стороны единого трудового процесса — в разных профессиях сочетаются самым различным образом, то необходимо характеризовать каждую из них раздельно.

Есть еще один аспект в любой профессиональной деятельности — внешние условия, в которых она совершается, или, как их называют, гигиенические факторы производственной среды. Это и освещение, и температура, и влажность, в шум, и вибрация, и наличие разнообразнейших химических загрязнений воздушной среды и физических излучений. Все эти условия, с известной точки зрения, являются как бы «внешними» для самой работы, они часто, но не обязательно строго связаны с данной профессией.

Скажем, для труда шахтеров характерно воздействие высоких концентраций пыли, содержащей свободную двуокись кремния, — причину тяжелого профессионального заболевания (силикоза). Но можно и так организовать охрану труда — используя мокрое бурение и мощную вентиляцию, — что содержание силициума в воздухе будет снижено до безопасного предела.

Для химиков характерны высокие концентрации токсических веществ, металлургов — чередование жара и холода, текстильщиков — влажная жара и т. п. Эти производственные факторы, превышая предельно допустимые уровни, делают условия труда не только вредными, но и сам труд более тяжелым. Ведь на все такие воздействия организм человека отвечает мобилизацией своих защитных сил, черпая их из одного и того же источника — физиологических резервов. Легкая работа в горах равноценна тяжелой на равнине, так как и в том, и в другом случае организм находится в состоянии относительного кислородного голодания.

Проводя в жизнь принципиальное положение социализма «каждому по труду», нужно знать, на каких весах, какими гирями мы можем объективно взвешивать вклад каждой профессии в «общую копилку» национального продукта.

Поэтому научная разработка, а затем и принятие в общегосударственном масштабе единых принципов и критериев для сравнения и классификации разнообразнейших видов труда — настоятельная общественная необходимость. Без такого рода принципов неизбежны «фаворитизм» в отношении одних профессий, недооценка других или, что не лучше, пресловутая уравниловка. Социально-экономические последствия такого положения многообразны. Часть из них хорошо показана в статье А. Левикова «А» и «Б». Прежде всего это текучесть кадров. Не та разумная и полезная текучесть, без которой общество стало бы чересчур окостеневшим, а бессмысленная — вредная для общества и ничего не дающая работнику.

«Рабочая сила», как говорили раньше, или «трудовые ресурсы», как предпочитают выражаться сейчас, есть величина в каждый данный исторический период более или менее определенная, а не безграничная, и к тому же вто своего рода «сообщающиеся сосуды». Когда вследствие недостатка кадров где-нибудь повышают зарплату, улучшают условия труда и быта, то, вызывая втим «приливкадров» на данное предприятие (в отрасль, профессию), совершенно автоматически, хотя и невольно, вызывают их «отлив» из других мест.

Разработка научных принципов классификации труда необходима не только для справедливого и объективного регулирования заработной платы. Серьезное обоснование разного рода льгот и компенсаций, на которые в стране расходуются ежегодно сотни миллионов, также настоятельно требует разработки соответствующей системы критериев.

И, наконец, широко развернувшееся в СССР движение за научную организацию труда тоже делает необходимым достаточно детальный анализ профессий: надо выявить все неблагоприятные моменты, снижающие производительность и ухудшающие здоровье работников, а также внести в процесс труда те элементы, которые способны его «гуманизировать», сделать полностью достойными человека социалистического общества.

Стоит ли упоминать еще и о том, что задачи профориентации и профотбора, приобретающие такое социальное значение в наши дни, не могут быть успешно решены без научной системы оценок тяжести и напряженности труда? Что она необходима и для обоснования пенсионного возраста, регламентации рабочего времени женщин, подростков и т. д. и т. п.

Вот почему нам видится в разработке единых принципов и критериев для классификации многих тысяч конкретных видов труда своего рода ключ к решению ряда важнейших и острейших социально-экономических и гигиенических проблем.

Располагаем ли мы в настоящее время такой если и не законченной, то хотя бы намечающейся системой? Существует ли по крайней мере необходимое единство в понимании основных, характеризующих труд понятий? Есть ли общепринятые определения важнейших терминов, без которых немыслимо какое-либо сопоставление? Таких, например, как «тяжесть» или «напряженность» труда? Какие условия производственной среды могут быть названы «вредными», какие «неблагоприятными», какие «допустимыми» и какие «оптимальными»?

Спросите об этом себя или своих знакомых, в том числе и работников отделов кадров. Попробуйте, наконец, найти эти определения в энциклопедии, учебниках, монографиях...

Не трудитесь напрасно — ничего этого вы не найдете. (Кроме, правда, установленного еще в 20-х годах бывшими Наркомтрудом и Наркомздравом деления физического труда на легкий, средний и тяжелый — и то только по одному показателю — уровню затрат энергии, несомненно важному, но далеко не достаточному.) Однако над этими вопросами сейчас работают ученые: физиологи и психологи труда, гигиенисты. Работают в Москве, Ленинграде, Киеве, Свердловске, Тбилиси.

Значение проблемы так велико, что разработка ее включена в пятилетний план Госкомитета по науке и технике и Академии наук СССР. Отделение физиологии АН СССР создало даже специальную проблемную комиссию. Итак, признание важности проблемы налицо. Но странное дело...

В таком журнале, как «Социалистический труд», в физиологической и психологической периодике по этим актуальнейшим вопросам не опубликовано ни строчки. Правда, созывались однажды специальных симпозиума, но каких-либо конкретных решений они не приняли.

А между тем эта научная проблема находится сейчас в таком состоянии, когда для решения ее нужно более всего широкое публичное обсуждение.

Различие принципиальных точек зрения, различие самих подходов и особенно предлагаемых конкретных критериев весьма велико. С другой стороны, проблема столь многоаспектна, что это дело не сдвинется с мертвой точки, если к нему не будет привлечено внимание ученых и специалистов разных профилей и самих производственников. Необходимо участие и таких авторитетных инстанций, как отделения экономики и физиологии АН СССР, Минздрав СССР, Госкомитет Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы, ВЦСПС, Госкомитет Совета Министров СССР по науке и технике.

Ограничимся только несколькими примерами, которые покажут сложность проблемы.

...Должна ли, скажем, характеристика профессий быть интегральной, то есть выражаться одним каким-либо числом, баллом, или дифференцированной и содержать краткий, но достаточный перечень основных факторов трудового процесса и его интенсивности?

Интегральная характеристика может быть положена в основу определения «базиса» зарплаты, на который накладываются затем различные добавки: за работу, допустим, на Крайнем Севере, в особо опасных или «непривлекательных» условиях. Однако такая характеристика не будет удовлетворять другим перечисленным выше требованиям.

...Можно ли положить в основу классификации видов труда таков физиологическое явление, как УТОМЛЕНИЕ? То есть считать, что работа тем тяжелее и напряженнее, чем она утомительнее? Многие физиологи стоят именно на такой точке зрения. Но другие справедливо возражают. Во-первых, говорят они, утомление само по себе — еще далеко не изученное явление и класть его в основу классификации — значит объяснить одно неизвестное другим. Во-вторых, «измеритель» тяжести и напряженности труда должен быть сам по себе более или менее «жестким», тогда как утомление есть процесс и меняется во времени, «работа» же практически остается одной и той же на протяжении дня, недели, года. В-третьих, утомление зависит не столько от вида труда, сколько от множества других факторов — состояния здоровья, питания, заинтересованности или безразличного отношения к делу, общего эмоционального состояния и пр. и пр.

...Должна ли классификация профессий по тяжести, напряженности, вредности быть универсальной или различной для мужчин и женщин, подростков и лиц пенсионного возраста? Если универсальной, то любая профессия будет относиться к определенной категории и вопрос будет состоять лишь в том, допускать или нет к ней женщин, подростков, инвалидов и т. д. Если же тяжесть, допустим, будет определяться по-разному для разного пола и возраста, то одна и та же профессия будет относиться уже не к одной, а к нескольким категориям трудности в зависимости от того, к кому мы намерены ее приложить.

...Сколько практически необходимо и достаточно иметь категорий труда? Это не менее трудный вопрос, если не забывать о чрезвычайно широком спектре профессий (уже упоминалось, что их более 35 000 и с каждым годом возникают сотни новых).

...Где, кому и как устанавливать эти категории? В центре, в министерствах, одинаково для всех профессий в данной отрасли? Однако это неизбежно приведет к «уравниловке». Или же — на предприятиях, по единообразной методике? Пожалуй, последнее позволит лучше учесть все бесконечное разнообразно «местных условий»...

Мы не хотим обрушивать на голову читателя весь груз нерешенных проблем. Мы намерены лишь показать, как их много и как они сложны.

Надеемся, нам удалось добавить еще некоторые аргументы к мнению автора статьи «А» и «Б» о том, что сравнивать профессии необходимо. На наш взгляд, в ряду задач, стоящих перед физиологией, психологией и гигиеной труда, нет задачи более теоретически трудной, чем эта. Сотни конкретных, частных исследований выполнить легче, чем решить эту общую проблему. Еще и потому, что «частные» задачи можно решать, не выходя за пределы одной — «своей» научной дисциплины, а общую — лишь на стыке многих наук.

И хотя речь идет о проблеме научной, мы убеждены, что она должна интересовать каждого. В конце концов все мы работаем, и справедливая компенсация нашего труда — дело не только экономическое, но и социально-психологическое.

В заключение нельзя не подчеркнуть коренное различие в самой постановке втой проблемы в условиях капитализма и социализма. Это и понятно. Там, где рабочая сила — такой же товар, как и стиральная машина, цена на нее устанавливается по законам рынка. При плохой экономической конъюнктуре номинальная (или реальная — это все равно) зарплата падает, при хорошей — несколько повышается.

В условиях планового социалистического общества, где «рабочая сила» — не товар и где общая сумма национального продукта, направляемого на удовлетворение материальных и духовных запросов народа, заранее планируется, определение справедливой доли для каждой профессиональной группы — дело общегосударственной важности.

Многое в этом смысле, разумеется, уже сделано, внедрено в практику. Однако по мере нашего движения к коммунизму наука о труде продолжает развиваться и совершенствоваться. Дальнейшая задача — разработка научно обоснованной системы критериев для физиолого-гигиенической классификации профессий. Если последнее всецело в пределах компетенции специалистов по труду — физиологов, психологов, гигиенистов, то выбор основных принципов классификации требует участия Госкомитета по вопросам труда и заработной платы, Министерства здравоохранения СССР и ВЦСПС.

Фото А. УЗЛЯНА, Я. РЮМКИНА, М. САВИНА, А. НАГРАЛЬЯНА и Л. ШЕРСТЕННИКОВА, А. САКОВА, В. ВОЯТЕНКО

ВРЕМЕНА ГОДА: ПРОБЛЕМЫ ОТДЫХА

«круглый стол» «ЛГ»

СУББОТА ПЛЮС ВОСКРЕСЕНЬЕ...

Ртутный столбик столичных термометров поднялся до отметки +29. Толпы людей заполнили вокзалы Москвы. Множество машин мчалось за город. Все спокойнее становился ритм в центральных районах столицы. Заканчивалась рабочая пятидневка, двухдневный отдых вступал в свои права...

В тот день, в 18 часов, в одном из кабинетов «ЛГ» раздался странный вопрос: «А что такое отдых?» Так началось заседание «круглого стола», посвященное проблемам отдыха в выходные дни.

Казалось бы, на вопрос ответить легко. Стоит только обратиться к толковому словарю Владимира Даля. Но... «Отдыхать, отдохнуть, покоиться после трудов, дать себе роздых, ничего не делать, уставши сидеть, лежать или стоять, собираясь с силами...»? Да, нашим предкам было явно легче — никаких забот, связанных с отдыхом.

Сегодня в нашей стране из 365 дней на отдых, включая отпуск, праздники и два выходных, приходится 133 дня, из них 103—104 — на субботу и воскресенье. Как распорядиться с толком, по сути дела, третью года?

Уже почти пять лет рабочие и служащие имеют два выходных. Для организации отдыха в конце недели сделано немало: построена сеть пансионатов, сейчас в стране действует около пятн тысяч баз отдыха, принадлежащих предприятиям, разработаны краткие туристские маршруты, организуются экскурсионные поездки на выходные дни в соседние города, регулярно курсируют «поезда здоровья». Но требования растут, и для многих конец недели становится проблемой. Об этом свидетельствуют, в частности, письма читателей.

«Нам с мужем — по сорок. Сын взрослый, для него проблемы нет: берет в пятницу рюкзак, палатку и отправляется с друзьями в путь. А как быть нам? Пойти в поход вместе с ними? Хотелось бы чего-нибудь более комфортабельного. Пробовали купить путевки на два выходных дня в пансионат на Клязьме, но выяснилось, что там в основном отдыхают на 2 дня, а 12.

Н. В. МАШКОВА,
Москва».

А вот другое письмо, уже из Калинина:

«С удовольствием проводили бы с семьей выходные дни в среднерусских городах: Владимире, Суздале, Переславле. Где найти там ночлег?

Инженер Р. Б. СМИРНОВ».

На эти и другие вопросы и пытались в какой-то степени найти ответ участники «круглого стола» «ЛГ».

Один из специалистов по ценообразованию В. И. Пушин начал с теоретического вступления:

— Сегодня много говорят о своеобразном «туристском» взрыве. Чем он вызван? Что побуждает не только молодежь, но и пожилых людей отправляться в путь?

Человека почти не покидает напряжение, связанное с ускоренным ритмом жизни в городе и постоянным чувством ответственности, которое он сохраняет, даже сидя в кинотеатре или забивая «козла». Как снять напряжение? Двухдневные поездки, связанные с изменением местопребывания, разрывают течение времени, отделяют одну неделю от другой. Сегодня и по нашей, и по зарубежной терминологии различаются несколько видов двухдневного отдыха.

Рекреационный туризм, то есть туризм, связанный с «чистым» отдыхом — купанием, рыбной ловлей, походами в лес... Познавательный. Спортивный туризм.

Мне думается, что с позиций этих видов и надо рассматривать проблемы отдыха в конце недели.

Теоретическое обоснование проблемы продолжил профессор, доктор географических наук, заведующий отделом Института географии АН СССР В. С. Преображенский:

— В правильно организованном двухдневном отдыхе заинтересованы сегодня не только каждый человек или каждая семья в отдельности, но и общество в целом. Суббота плюс воскресенье, их эффективность становятся одной из важных социальных проблем.

С ростом свободного времени значительная часть его обращается не только на снятие производственного и непроизводственного напряжения, но и на удовлетворение широкого круга потребностей, связанных с духовным развитием каждого. В понятие «отдых» принято включать сейчас самую разнообразную деятельность человека в период досуга: общение, занятия спортом, посещение театров, чтение, сбор грибов и ягод, охота и художественное творчество, прогулка по лесу, осмотр культурно-исторических достопримечательностей. Да разве перечислить все многообразие деятельности человека на отдыхе...

В наших, социалистических условиях отдых имеет и такую функцию, как восстановление человека коммунистического общества. Треть недели люди проводят вне производственного коллектива, в иной, особой обстановке, и обществу вовсе не безразлично, какой будет эта обстановка, поскольку от нее во многом зависят поведение человека в течение пяти рабочих дней, производительность его труда.

Мы этот мотив зачастую не учитываем, хотя он очень существен для того, чтобы определить: что строить для краткого отдыха? Какие потребности развивать? Чем интересуется тот, кто хочет с полной отдачей использовать два выходных дня?

И еще один момент. Обычно об отдыхе мы начинаем говорить летом. Но почему? Сила привычки. Ведь проблема двух выходных вовсе не зависит от сезона. В печати, на различных заседаниях, как правило, идут «дискуссии» о готовности пляжей, а цифры говорят, что множество людей предпочитают в субботу и воскресенье поехать в Москву, Суздаль, Владимир, Ленинград, Псков.

Короче говоря, нужны точные статистические данные, надеяться на то, что это разрешится «само собой», нельзя. Ленинградцы такие исследования провели и уже знают, как в будущем справиться с проблемой «уикэнда»...

ИЗЖИЛА ЛИ СЕБЯ ДАЧА?

Перед началом заседания участникам была роздана книжица «Перспективы развития туризма в Ленинграде и Ленинградской области». Это комплексное исследование проведено Ленинградским зональным научно-исследовательским и проектным институтом типового и экспериментального проектирования жилых и общественных зданий. Архитекторы и социологи, географы Ленинградского университета, работники управлений горисполкома и облисполкома приняли участие в составлении четкого плана, предусматривающего решение проблемы двухдневного отдыха до 1985 года.

Один из авторов этой книги, руководитель темы, кандидат архитектуры Ю. Н. Лобанов, участвовал в заседании «круглого стола» «ЛГ».

— В 1972 году в Болгарии работал конгресс архитекторов, посвященный проблемам отдыха. Его девиз был таким: «Скажите, каков ваш отдых, и я скажу, какова ваша культура». Конечно, для каждого крупного города решение проблемы «конца недели» должно быть индивидуальным, но немало здесь и общих задач. В Ленинграде, например, природные условия для двухдневного отдыха прекрасные, и все-таки главный вопрос: «А какой кров я найду в красивом месте?» — здесь стоит так же остро, как и везде.

Оригинально на этот вопрос попытались ответить работники лесничества. Они создали в шести наиболее привлекательных туристических местах стоянки. В лесу, на берегу озера срублены просторные хижины, в них — камин, заготовлены дрова, есть где обсушиться. Такая забота о туристах вызвана чисто хозяйственными интересами. Работники лесничества подсчитали: дешевле построить живописную хижину с камином, чем нести убытки от костров. Лучше заготовить дрова из сушняка, тогда туристы пощадят столетнюю сосну. Популярность подобных стоянок необычайная! И думается, что учреждениям, занимающимся организацией туристских походов, надо кооперироваться с лесничествами.

Вторая проблема, которая стоит перед Ленинградом, — это отдых семейный. С ребенком в поход не пойдешь, со стариками тоже. Да и не у всех есть тяга к туризму. Сегодня под Ленинградом работает пансионат «Мать и дитя», рассчитанный на полторы тысячи мест. Есть пансионаты на 5,5 тысячи мест для семейных, 22 тысячи могут разместиться в ведомственных домах отдыха, пансионатах, но и это все не удовлетворяет потребности города. Большинство ленинградцев проводят выходные дни на дачах (половина из них эти дачи снимает). Вот какое сложилось положение. До того, как мы начали проводить исследование, у многих из нас было убеждение: «Дача себя изжила». А цифры говорят обратное, и ответы людей подтверждают: «Хотелось бы иметь жилье за городом».

Но загородное жилье — это не всегда дача в нашем сегодняшнем понимании: не обязательно малоэтажные строения. Пусть на берегу озера, в лесу будет построен дом городского типа со всеми удобствами. Не пансионат, который требует большого обслуживающего персонала, а именно дача нового типа, если хотите — образца 80-х годов.

Имеется еще одна возможность для организации кратковременного отдыха — освоение акватории Ленинградской области. У нас есть Ладога, Финский залив. Здесь не только прибрежные базы отдыха, а в первую очередь гостиницы-корабли. Как видите, резервы для двухдневного отдыха есть. Все зависит от того, кто будет заниматься его организацией и эти мероприятия финансировать: предприятия, горсовет или частично само население? Над этим стоит подумать...

Для меня, например, это заседание началось несколько раньше. Я познакомился в редакции с руководителем отдела научной организации труда Рыбинского моторостроительного завода Иваном Александровичем Бакланкиным. На этом предприятии, как я понял из его рассказа, объемность проблемы двухдневного отдыха «разгляделн» несколько раньше, чем на других заводах и фабриках.

И. А. Бакланкин:

— Я согласен с профессором Преображенским. Прежде чем решать проблему отдыха, надо провести направленное социологическое исследование. После перехода на пятидневную рабочую неделю мы так и сделали: среди всех рабочих и служащих завода была распространена анкета. Причем вопрос: «Какой отдых человек предпочитает?» не стоял первым. Анкета начиналась с другого: «Какое у вас жилье? Состав семьи? Как далеко жилье от завода?» И тогда нам многое стало ясно, в том числе выяснилось и основное: 73 процента опрошенных хотят отдыхать на заводской базе, остальные над этой проблемой не задумывались или предпочитают проводить конец недели индивидуально. 80 процентов из тех, кто предпочел заводскую базу, высказали пожелание, чтобы отдых был максимально приближен к природе, — рыбная ловля, возможность собирать грибы и ягоды.

Естественно, мы учли пожелание большинства. Предусматриваем создать в этой пятилетке заводской комплекс отдыха, чтобы в нем могли провести субботу и воскресенье пять шесть тысяч человек.

Организация отдыха для нас — не только строительство базы. Как доставить туда быстро, с комфортом пять тысяч человек? Кто возьмет на себя эту заботу?

Наши рыбаки, например, ездят на станцию Волга. Туда и москвичи приезжают. Но попробуйте втиснуться в поезд, который уходит вечером в воскресенье. Билет можете не брать: контролер все равно не в состоянии пройти по вагону. Почему? В связи с двумя выходными пассажиров прибавилось, а расписание каким было двадцать лет назад, таким и осталось. Значит, мало одних наших усилий, надо решать проблему в комплексе.

Дальше. Базу-то мы построим, а вот как решить вопрос с обслуживающим персоналом? Оказывается, эта проблема общая. Если пансионат требует большого количества служащих, что тогда строить? Здания какого типа? Какие есть проекты?

В работе «круглого стола» принял участие руководитель научного отдела Московского научно-исследовательского и проектного института объектов культуры, отдыха, спорта и здравоохранения кандидат архитектуры В. И. Шеломов:

— Рабочим Рыбинского завода повезло: у них толковая администрация, которая вовремя увидела, какая серьезна проблема «конца недели». А как быть рабочим и служащим, у которых администрация не столь активна? Где построить работникам новых предприятий?

В Московской области особое положение.

В радиусе примерно 100 километров от Москвы почти все застроено: люди начинают ездить на два выходных дня за 300 километров. Однако на этих дальних пространствах мы выходим за пределы московской агломерации и сталкиваемся с соседними областями — Тульской, Калужской, Ярославской, Смоленской, Владимирской, Рязанской, Калининской. Таким образом, проблема отдыха не может быть локальной для отдельного города.

Второе. Сейчас учреждения отдыха строят ВЦСПС (половину), а также министерства, ведомства и предприятия — каждый свое. Средняя вместимость таких мелких автономных хозяйств всего 100—120 мест. Это крайне нерентабельно. Выход? Сооружение крупных единых комплексов. Кто возьмет на себя руководство таким строительством, проектирование, разработку долгосрочных прогнозов? Мне думается, что здесь необходимо специальное решение.

При создании такого комплекса для обслуживания временного населения понадобится население постоянное. Устроит нас такой путь? Очевидно, нет. Единственный выход — самообслуживание.

На одной международной конференции говорилось, что в будущем придется создавать крупные гостиницы не меньше чем на две тысячи мест, где будут предусмотрены продажа продуктов и приготовление пищи самими постояльцами.

Все это аспекты одной проблемы, которая в конечном итоге сводится к выделению отдыха в самостоятельную отрасль. Только это обеспечит системный подход к решению каждой из задач, которыми сейчас не очень успешно занимается множество различных ведомств. Видимо, самым правильным было бы создать фирму «Конец недели», которая взяла бы на себя все.

В. С. Преображенский:

— К выступлению Николая Павловича хотелось бы добавить вот что: нужен единый центр, который помогал бы планировать все мероприятия по развитию индустрии отдыха. Может быть, эти функции стоит взять на себя ВЦСПС?

ТАРИФ ВЫХОДНОГО ДНЯ

Пока участники заседания спорили с И. П. Шеломовым, слово вновь попросил В. И. Пушин:

— Я не хочу отдыхать на даче, в пансионате, на базе. Мне претит двухдневный отдых на одном месте. Уверен, сторонников познавательного туризма много. Только надо сделать его более доступным. Сейчас на пригородных линиях железной дороги действует так называемый зонный тариф. В соответствии с ним, чтобы выехать семьей из трех человек на расстояние около 100 километров, надо потратить более 6 рублей, на 50 километров — около трех рублей. Но сегодня 50 километров, например, от Казанского вокзала — это все еще город. К первозданной природе вы не приехали. Поэтому, на мой взгляд, надо ввести «тариф выходного дня». Это не сезонный билет для тех, кто живет на даче и ездит ежедневно на работу. Это особый билет, который действует два дня в неделю.

Например, для билетов, приобретаемых из города и обратно на два дня в конце недели, следует, на мой взгляд, ввести скидку не менее 50 процентов. Если вы едете на расстояние дальше, чем 200 километров, нужно предоставить серьезную льготу, чтобы люди стремились выезжать на все большие расстояния.

Я предложил бы круговые билеты, которые резко сокращают расходы туристов. Вы едете из Москвы в Харьков, в Харькове вы проводите субботу, гуляете, осматриваете город. Потом садитесь в поезд и едете дальше — в Киев, там проводите воскресенье, а затем возвращаетесь в Москву.

Такая система в общем несложна: с определенной скидкой любой человек покупает билет, зная, что он туристский: Москва — Рига — Вильнюс — Минск — Москва. Маршрутов можно придумать сотни. Они строго фиксированы, действуют два дня — субботу и воскресенье. Кстати, это те дни, когда «деловые» люди — командированные — не ездят.

И, наконец, «абсолютный билет». Я приобретаю в начале года билет на 10 тысяч километров по туристскому тарифу. Я кредитую транспортное ведомство, получаю скидку. Абсолютный билет имеет купоны. За один «уикэнд» человек может проехать тысячу километров.

Обычно поездим семейные. Поэтому за рубежом применяются льготы: если едут два человека, то предоставляется скидка, если едут трое, то льгота увеличивается.

Конечно, перепады сезонности на железной дороге говорят о том, что, скажем, в июне — августе применять подобную систему нельзя. Но весной, осенью, зимой, когда поезда идут полупустыми, — это прекрасное средство помочь и людям, и железной дороге. И снова — тот же вопрос: кто обо всем этом будет заботиться, возьмет на себя организацию услуг для туристов, их связь с транспортными ведомствами, информацию о маршрутах, вплоть до прогнозов погоды?

КОВШИК С ВОДОЙ

Заместитель председателя научно-технического совета Центрального совета по туризму и экскурсиям ВЦСПС В. М. Кривошеев начал свое выступление небольшим экскурсом в историю:

— В России издавна существовал обычай — на лавочке у крайней избы в деревне оставляли для путников кадку с водой и ковшик. Вода всегда была свежая, чтоб человек, пришедший издалека, мог напиться.

Сегодня путешественников на наших дорогах в выходные дни немало. Но только ковшиком воды им не поможешь. По подсчетам, 40 миллионов человек в стране проводят два выходных дня «дикарями», то есть не прибегая к помощи каких-либо фирм, общественных организаций, Цифра немалая. Но разговор о том, что нельзя управлять таким огромным потоком неорганизованных туристов, не совсем верен. Управлять, может быть, и нет, но направлять — да.

Если мы сегодня рассмотрим структуру городского, районного, областного Советов депутатов трудящихся, то увидим, что в них есть любые отделы, кроме одного: такого, который занимался бы организацией отдыха. Список организаций, которые должны соучаствовать в «продукции отдыха», очень широкий. Практически можно предъявить эти требования любому министерству и ведомству, поскольку задача раскладывается на отдельные компоненты.

Транспорт. Одна из самых острых проблем в организации двухдневного отдыха. Представитель Рыбинского завода прав. Ведь и по сей день не пересматривалось расписание поездов с точки зрения потока, движущегося на отдых. Другое дело — поток, который устремляется на производство. Здесь предусмотрено все, вплоть до дислокации платформ. В отношении отдыха такой привязки нет.

Проблема крова. Здесь тоже есть резервы. В курортных (особенно южных) городах вы можете снять комнату у местных жителей через курортное бюро. Почему такого бюро нет в других городах страны? В прошлом году во Владимире побывало 800 тысяч туристов. Это, конечно, в основном двухдневники. Разве в силах принять такой поток гостиницы? А вот местные жители могли бы, только надо их этому научить. Сейчас небольшие старинные русские городки в выходные дни посещают очень охотно. Так надо организовать квартирное бюро — самый простой и легкий выход из положения.

Для предприятий тоже есть резервный фонд. Не обязательно строить супербазу из стекла и бетона. Можно организовать летнюю базу отдыха в пустующей сельской школе. В «Литературной газете» была статья «Домик в деревне». Не знаю, надо ли продавать пустующие дома частным лицам, но вот предприятие может арендовать у колхоза эти дома для организации двухдневного отдыха.

И, наконец, последняя проблема — питание. Ведь все горисполкомы рассчитывают общепитовскую сеть на жителей своего города, не учитывая потока отдыхающих. Если же в структуре городских и районных Советов появится отдел, который займется организацией отдыха как для местного населения, так и для «пришлого», будет иметь статистические данные о числе туристов, снабжать его начнут по-другому.

ОТ РЕДАКЦИИ

Жаркое лето в разгаре. Но, как выяснилось из разговоров за «круглым столом», отдых в выходные дни — проблема отнюдь не сезонная. Как ее решать, какие предпочесть формы, какие организации должны принять участие в индустрии туризма? Об этом пойдет разговор на следующем заседании «круглого стола» «ЛГ», который намечено провести уже зимой. К этому времени хотелось бы узнать мнение читателей: как же проводят они и как хотели бы проводить конец недели? Может быть, есть иные, не учтенные специалистами пути решения этой важной проблемы.

Репортаж с заседания «круглого стола» вел
Виль ДОРОФЕЕВ

ИТАК, ВОПРОСЫ К НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ:

КАК ВЫ ОТДЫХАЕТЕ?

КАК ВЫ ХОТИТЕ ОТДЫХАТЬ?

СЕМЕЙНЫЕ МАРШРУТЫ

РЕЗУЛЬТАТЫ социологических исследований убедительно доказали, что по мере перехода от одной возрастной группы к другой доля отдыхающих на турбазах понижается, а в здравницах возрастает. Так, на туристических базах ВЦСПС на долю людей в возрасте от 16 до 39 лет приходилось 81,6 процента всех отдыхающих. Во время другого социологического исследования было выяснено, что 40 процентов ленинградцев в возрасте от 51 до 60 лет пользовались услугами санаториев и домов отдыха. Эта тенденция многим кажется нормальной и закономерной — каждому свое. Но все-таки попытаемся разобраться в этой проблеме еще раз. Вдруг социологи ошиблись?

Признаюсь сразу, я не располагаю никакими новыми изысканиями для опровержения данных ЭВМ. И все-таки массивам информации, остроумным алгоритмам противопоставляю единичный факт, полученный примитивным методом — при помощи интервью.

Одна знакомая мне семейная пара в возрасте около 50 лет мечтает о путешествиях по стране. Они любознательны, жаждут новых впечатлений и знаний, хотят участвовать в экскурсиях, а отдых в популярных местах надоел; они в каждом из них побывали по многу раз. А вот турбаз боятся, и вовсе не из-за консервативности. Аргументы их не порождение невежества. Более того, 25 лет назад они отдыхали на турбазе в Новом Афоне. Воспоминания об атом событии у них самые светлые: здесь они познакомились, а несколько позднее и поженились. Так что же их останавливает?

Прежде всего, то, что на турбазах царство молодых, а плестись во время похода в хвосте — радость невелика, жить на отдыхе в общих комнатах не хочется, наконец, питаться в обычной столовой просто невозможно — у мужа печень... Можно ли найти выход из трудного положения моих знакомых? Порекомендовать отправиться в самодеятельное путешествие в «мертвый» сезон? К сожалению, таким советом они воспользоваться не смогут — оба преподаватели.

У меня нет в запасе убедительных цифр, что факт, приведенный выше, можно отнести к разряду типичных, и тем не менее, на основе так называемых экспертных оценок, я более чем уверен в этом. Как убежден и в том, что представителей старших возрастных групп (от 40 лет) так мало на турбазах потому, что нынешняя форма организации на них отдыха не отвечает запросам этих категорий населения. И именно организация отдыха, а не материальная база туризма.

В настоящее время туристское хозяйство располагает значительным фондом турбаз и гостиниц, кемпингов и лагерей, которые разительно отличаются друг от друга по уровню комфорта. Туристские предприятия могут предложить отпускнику номер со всеми удобствами в первоклассной гостинице и многоместную палатку, питание в ресторане с оркестром и официантами и столовую самообслуживания. Дифференциация в обслуживании отражает различные периоды в расширении материальной базы туризма, она возникла как бы естественно вместе с развитием наших представлений о длительном отдыхе. А вот обслуживание туристов не претерпело существенных изменений, до сих пор оно остается унифицированным, рассчитанным в основном на молодежь, и это стало тормозом для вовлечения в армию туристов людей всех возрастов, и даже не самых здоровых. Этот контингент туристов не рассчитывает на значки и спортивные разряды, но в не меньшей степени жаждет посильных туристских подвигов.

Конечно, самым простым выходом из положения было бы создание специализированных групп с облегченными физическими нагрузками. Однако в старших возрастных группах преобладают люди семейные и уже по этой, да и по многим другим причинам они нуждаются в комнатах (или палатках) не больше, чем на двоих. Кроме того, с возрастом человек становится более привередливым в выборе блюд, а многие уже нуждаются в диетическом питании. Познавательные интересы у старшего поколения несколько иные, чем у молодежи, — уже многое они повидали на своем веку, и тому же те, кому за 40, не очень любят большие группы, предпочитают ездить вдвоем, вчетвером. Короче говоря, в туристском хозяйстве необходимо ввести дифференциацию по категориям обслуживания, подобно тому, как она существует в санаториях, домах отдыха, пансионатах, гостиницах.

Потребитель услуг туристского ведомства потому сейчас более однороден, что унифицировано предложение, в большая изобретательность, безусловно, привлечет и новых туристов. Центральный совет по туризму ВЦСПС добился значительных успехов в бурном развитии своего хозяйства вширь. Только за 1950—1970 годы вместимость турбаз выросла почти в 18 раз.

Уже в настоящее время в системе туризма открыты первоклассные гостиницы с ресторанами в Бресте, Чимкенте, Тирасполе, Кишиневе, Киеве, Ворошиловграде, Мукачеве, Запорожье, Феодосии, Львове, Харькове, Таллине, Белгороде, Волгограде, Братске, Нальчике, Калинине, Сочи, Кургане, Москве, Ленинграде, Мончегорске, Перми, Домбае, Черкасске, Тюмени, Челябинске и Чебоксарах...

Таким образом, какая-то база для того, чтобы начать хотя бы в виде опыта еще одну форму обслуживания — индивидуальный туризм для людей средних лет — создана (это не означает, кстати, что прежние формы изжили себя, что их надо свертывать. Речь идет о том, чтобы рядом с уже существующими видами обслуживания практиковать новые). Пусть заказы на индивидуальные туры будут принимать вначале опытные бюро путешествий и экскурсий, пускай для начала в новых туристских гостиницах выделят для «индивидуальщиков» по 10—20 мест, пусть, наконец, этот опыт будет приурочен к весеннему или осеннему несезонному периоду: главное — дело должно сдвинуться с мертвой точки.

Нельзя приуменьшать организационные трудности, которые возникнут в этом случае: своевременность информации о приезде единичного туриста, заблаговременное приобретение для него билета на поезд или на самолет, включение его в группу для экскурсий, организация питания.

Нет надобности в доказательстве того, что такая форма обслуживания завоюет популярность, сделает доступным туризм для людей старших возрастных групп. Конечно, выгода потребителей — главный аргумент, однако и ведомство, организовавшее такую форму обслуживания, окажется не в накладе. Индивидуальный турист будет потреблять значительно больше услуг, чем групповой, что скажется на объеме работы Центрального совета и прибыли.

В. АЗАР,
кандидат экономических наук

ЭТО БЫЛО В РОСТОВЕ

НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ

Ольга ЧАЙКОВСКАЯ

КОГДА я приехала в Ростов, я понимала, что события, разыгравшиеся здесь, — из ряда вон, но я не думала, что настолько. Дело не только в том, что мы давно отвыкли от стрельбы, а здесь она шла прямо на улицах, из многих пистолетов и одного автомата, а потом было шесть километров погони. Все тут было необыкновенно, начиная с того самого автомата и кончая редкими человеческими качествами — редкой жестокость и редкой благородство стояли тут друг против друга. А чем острее столкновение, тем, как правило, крупнее проблема, которая из него вырастает. Сейчас вы сами все это увидите.

Банда появилась несколько дет назад и «работала» с маростью необыкновенной: трое мужчин в масках или черных очках захватывали машины, грабили магазины, нападали на инкассаторов, в случае сопротивления убивали — так погиб инкассатор И. Зюба, мужественный человек, который стрелял в бандитов и одного из них ранил. Разумеется, вся милиция Ростова была на ногах, и прежде всего, конечно, досталось работы розыску. Кое-что удалось узнать. Так, например, человек, видевший ограбление, сообщил, что один из преступников, которого он успел разглядеть, вроде был ему знаком—он дружил с неким Валей, который сидел в такой-то колонии и был осужден по такой-то статье. Валю нашли быстро. Да, сказал он, есть у него дружок Васька, он живет в Новочеркасске. В Новочеркасске Ваську нашли спящим в котельной, проверили, кто он и что, ни по каким признакам он не подходил, но все же его предъявили свидетелю, и тот сказал: «Не он, но похож». Это было важно, фотография Васьки легла в основу фоторобота. Разумеется, были взяты на учет все, кто обращался в эти дни за медицинской помощью, все, кто не вышел на работу. Приметы преступников были тщательно изучены. Выдвинут и разработан ряд версий. И — ничего.

Вы можете подумать, что работники розыска были недостаточно искусны. Нет, в том-то и дело, что здесь работают профессионалы, в общем-то привыкшие к победам, даже если дела бывали очень трудны, а загадки, казалось бы, неразрешимы. Читатель, конечно, ждет от меня подробностей этой уникальной истории. Но я прошу его не торопиться. Без тех совершенно необходимых отступлений от сюжета, которые я сейчас сделаю, просто нельзя понять суть того, что и как произошло в Ростове, а я намерена ввести читателя именно в суть. Для этого я расскажу совсем другую историю, которая произошла в Батайске, под Ростовом. Она покажет вам, что работать тут умеют.

КАССИРША привезла на завод зарплату, вошла в кассу, положила мешок с деньгами на стол, заперла кассу и спокойно пошла перекусить: касса являла собою кирпичный бункер, двери его обиты металлом, окно за решеткой, сейф прибит к полу, и все это под сигнализацией — и двери, и окно, и сейф. В коридоре у окошка в очередь за зарплаты стояли представители цехов. Когда кассирша вернулась, денег в касса не было. Невероятно! Все видели: никто в кассу не входил. По заводу пополз слух, будто бы она и вовсе денег не привозила.

В Батайск выехала группа Ростовского уголовного розыска во главе с подполковником Иваном Дмитриевичем Титаренко. Картина была ясна: кто-то с чердака пробрался в вентиляционный люк, выпилил кусок гипсолитовой плиты, в образовавшееся окно спустился в кассу и через нее же вышел. На чердаке нашли перчатки и винтовой домкрат да два смятые газеты, одна из них — «Вечерний Ростов». На этом ясность кончалась. Собака след потеряла. Кругом сотни тысяч людей, сотни учреждений, где хочешь, там и ищи. Взялись за газету «Вечерний Ростов» — она оказалась из подшивки. Осмотрели все подшивки Батайска, эти номера были на месте. Пришлось искать в Ростове — представьте себе, что за работа, если учесть, что у «Вечернего Ростова» — десятки тысяч подписчиков. И милиционеры искали следы именно такого дырокола, именно с такими дырками, именно с таким расстоянием между ними. И вот наконец отобрали семь учреждений, а среди них выделили «Горсвет». Один из сотрудников розыска, подполковник, «поступил» на работу в «Горсвет» и выяснил, что домкрат украден именно отсюда. Он внимательно наблюдал, слушал, вступал в разговоры, и вот кто-то из шоферов сказал ему, что возил рабочего Павлика Калинина и врачу, тот вроде бы порезал могу. Нашли врача, который сказал, что действительно обратился к нему молодой рабочий, у которого в ступне оказалось совсем не стекло, а удивительным образом ушко иголки с обрывком ниточки. Полные надежды (и страха, что она рухнет), работники розыска отправились к кассирше. Да, у нее в стене всегда была вотнкнута иголка, и как раз под решеткой вентиляционного люка, но стену только что побелили, и вот дырок не видать. Очертили показанное ею место, счистили побелку и не всем дырочкам стали приставлять магнит, и, представьте себе, из одной (кстати, ее не было видно за красной, но красная вдруг проявилась) на магнит выскочил обломом иголки — и как раз ночью.

Администрация «Горсвета» была возмущена, когда к ним пришли из розыска. Павлик! Павлик — золотой парень, рационализатор, на Доске почета. Сам он с бурным негодованием все отрицал, а мастер его свидетельствовал его алиби — в час преступления молодой человек был на работе. Но Ивану Дмитриевичу Титаренко, который выехал в Батайск, и его друзьям уже было ясно, что Калинин вонзил себе в ногу иголку, когда, прыгая на вентиляционного люка, на мгновение оперся ногой о стенку. Тем временем эксперт Софья Денисовна Кобрина работала над газетой и увидела отпечаток чьего-то безымянного пальца — ей удалось доказать, что это след безымянного пальца Калинина. И вот настало утро, когда Павел сказал: «Поехали!» И они поехали туда, где над шлаковой дорогой идет внадув — место настолько людное и настолько пригодное для побега, что Титаренко спросил Павла, не собирается ли он «баловаться». Тот полаз на насыпь, отвалил плиту — ничего, отвалил другую — ничего. Стал рыть песок — и опять ничего. А потом отрыл машок с деньгами.

Согласитесь, что это настоящий профессионализм и что работа розыска близка тут к ювелирной. А с делом бандам — ни с места.

А как работали! Было известно, что один из бандитов высок, беловолос, спортивен, дерзок и темпераментен. Нашли точно такого. Это был Савин, главарь небольшой воровской шайки, которую, таким образом, раскрыли «попутно». И еще одну раскрыли попутно. Но эти трое оставались неуловимы.

В ростовской милиции потеряли покой, сон, выходные дни и даже мечту о них. Оперативным путем бандитов взять не удавалось, пришлось идти другим. Вот тут — особый разговор. Тут мне придется снова сделать отступление и рассказать о той огромной перестройке, что идет сейчас в милиции, — это имеет к нашему рассказу прямое отношение, без этого не обойтись.

ПО УЛИЦАМ города идет милицейская машина, идет эффектно — все ее должны видеть, — в синем блеске мерцающего маяка, что установлен у нее на макушке. Идет медленно, сворачивает под арки, идет по закоулкам и дворикам. Это машина ПМГ — подвижной милицейской группы. Милиционеры, сидящие в ней, внимательно смотрят кругом — ясе ли в порядка и не нужна ли их помощь. Машина идет по определенному маршруту, известному в дежурной части УВД, и связана радиосвязью с дежурным оператором СНАМ (служба контроля за автомашинами). Дежурный СКАМ осуществляет на только контроль, он решает куда более сложную задачу.

За пультом молодой человек — я видела на этом места всегда только молодых, и то они едва поспевали поворачиваться. У левой руки его трубка, по которой ему сообщают о происшествиях, перед ним — журнал, куда он эти происшествия записывает, а у правой руки — трубка, соединяющая его со всеми теми машинами, что, светя маяками, медленно едут по городу. Перед дежурным карта города, если нажать нужную кнопку, на ней высветится нужный квадрат, а рядом обозначатся номера ПМГ, которые по нему курсируют. Дежурный знает, где сейчас идет машина, потому что сидящие в ней милиционеры время от времени из нее выходят, находят на стене ящик с кнопкой, нажимают ее, и тогда на карте, что перед дежурным, зажигается яркая точка нам раз в том месте, где стоит машина. ПМГ следует дальше, но дежурный знает теперь, в каком пункте маршрута она только что была.

ПМГ далеко не всегда ползают. Если что-нибудь случилось, дежурный вызывает ту, что ближе всего к месту происшествия. И тогда водитель дает полный газ — маршрут каждой машины рассчитан так, чтобы в любой точка квадрата она могла бы оказаться за три с половиной минуты, не больше.

Та огромная реорганизация, что идет сейчас в милиции, — создание штабов, дежурных частей, оснащенных технической, информационными центрами, с оперативно-розыскными картотеками, где обработка и анализ материала производятся с помощью ЭВМ, — все это требует подробного рассказа, и пусть его сделает специалист. Мне же хочется отметить одно: быстрота — вот одна из важнейших целей преобразования. Прибыть на место преступления за считанные минуты, пока следы горячи и не остыли, пока преступники не договорились, не разбежались, не спрятали улик. А быстрота возможна только там, где хороша организация, высок профессионализм. А профессионализм включает в себя добросовестность.

Нам бы хорошо ни была организована служба, она будет беспомощной, если человек, который ее несет, окажется малопригодным. Кстати, и в нашей ростовской истории тоже не сработал отлаженный механизм розыска — и тоже из-за одного.

В некоем домишке жил молодой человек, жил очень скромно и тихо со старушкой матерью, работал на стройка разнорабочим, получал немного и тратил немного. Был за ним грех — мальчишкой, в восемнадцать лет он нарисовал несколько десятирублевок и сел за это в тюрьму, но, вернувшись, вел себя — лучше не надо. Участковый инспектор, он сейчас на пенсии, захаживал к нему не раз, беседовал, разумеется и не знал, что в маленькой бедной комната за зеркалом — дверь в тайник, а в нем — пистолеты, автоматы, ручные гранаты; токарный станок в комнате был покрыт и тоже не заинтересовал участкового. Пусть. Но ведь в карманах у него, как у всех участковых, была памятка с фотороботом, а фоторобот был так похож!..

Итак — реорганизация, которая идет в милиции по всей стране, для ростовской милиции стала, можно сказать, вопросом жизни. Были введены ПМГ, курсирующие по городу, созданы группы захвата, круглые сутки по первому же сигналу готовые и выезду. Разработаны схемы, по которым перекрывались все главные магистрали города в весь город закрывался в считанные минуты. Каждый работник милиции точно знал, что он будет делать по тревоге. Здесь работали без устали и роздыха, а главное — нервное напряжение было очень велико: любой вызов по «02» мог принести весть о несчастье.

И вот однажды по «02» действительно позвонили как раз в обеденный перерыв: ограблена сберкасса. Кинулись по адресу в ПМГ, и группа захвата, и работники розыска. Примчались: все вроде бы тихо, никакого ограбления нет.

А в сторонке среди других зрителей, случайных, своей молодой человек и смотрел на часы. Он-то был здесь не случайно. «Приехали за четыре минуты! — сказал он себе. — Мы управляемся в два». И пошел домой. В тот самый домишко, в ту самую комнату с зеркалом.

А нервное напряжение в милиции дошло до предела. Учебные тревоги следовали одна за другой. Ростовская милиция, наконец, стала похожа на единую взведенную пружину.

Владимир МАРТОВИЦКИЙ

Алексей РУСОВ

И вот когда 7 июня женский голос, сбиваясь, сообщил об ограблении кассира в институте «Южгипроводхоз», дежурный по городу, старший лейтенант Станислав Иванович Щербаков, немедленно вызвал по рации ПМГ-16, которой надлежало быть около «Южгипроводхоза». Но рация ПМГ-16 молчала.

А молчала она потому, что ее экипаж — младший лейтенант Евгений Кубышта и младший сержант Алексей Русов — уже преследовал бандитов.

ДЕЛО было так: ПМГ-16, имевшая задание прикрывать объекты охраны, то есть те учреждения, куда в этот день привозили зарплату, проводила кассира с деньгами до дверей, убедилась, что все в порядке, и тут же по рации получила приказ ликвидировать неподалеку мелкое хулиганство. И ПМГ-16 поехала туда.

Но когда кассирша и двое сопровождавших ее сотрудников шли по коридору, из-за угла вышли трое, взяли деньги и, грозя оружием, вышли на улицу. Деньги были в рюкзаке, и они пошли неторопливым шагом туристов. Двое несли тяжелый рюкзак, третий их прикрывал. Милиции не было, люди кричали, не преследовать не смели: у одного из бандитов был автомат.

А бандиты с рюкзаком не спеша шли уже вдоль жилого дома, мимо садика, где висело белье, где играли ребятишки, а пенсионеры, ясное дело, ревались в «козла». Бандитам нужно было только выйти на людную улицу, и там они пропали бы в толпе. И вот тогда через садик наискось и им побежал Володя Мартовицкий. Он крикнул им «Стой!», бандиты выстрелили в него, не замедляя шага. Он продолжал бежать, и они расстреляли его, не замедляя и не убыстряя шагов. Машина ПМГ-16 стояла неподалеку, Кубышта был в мастерской, разбирался с подростками, а младший сержант Русов уже бежал на выстрел. Теперь и бандиты бежали, на ходу отстреливаясь, а Русов, тоже стреляя, бежал следом, только они в него не попадали, а он в них попадал. Когда же они забежали за угол, чтобы перезарядить пистолет, преступники успели сесть в «Москвич», выгнав на него водителя и пассажиров.

Тут мы с вами остановим нашу киноленту, чтобы снова и внимательно просмотреть эти кадры.

О том, как Алеша Русов с одним пистолетом вел бой против трех бандитов, у которых было пять пистолетов и автомат (а в запасе еще ручные гранаты), писали уже не раз, и довольно подробно. Много писали, много рассказывали. Рассказывали, что Русов действовал точно так, как действуют на учении. Милиционер редкой выучки и стальных нервов. Выбежав на кустов, он крикнул бандитам «Стой!» и выстрелил в воздух. А когда те, отступая, стали бить по нему, он начал стрелять по ногам с тем расчетом, чтобы взять их живыми. Двое свидетелей рассказывали, как видели собственными глазами — Русов припадал на колено и стрелял «с кулака». Когда же стало ясно, что они все равно уходят, он уже бил в грудь. Мне, разумеется, не терпелось от самого Алексея Русова услышать, как все это произошло.

ОН НЕВЫСОК, совсем еще мальчишка, двадцать один год, у него смуглое лицо, яркие серо-синие глаза в черных ресницах, он прирожденный — настоящий парубек, только застенчивый.

— Говорят, вы хорошо стреляете?

— Та! — он машет рукой. — Обыкновенно.

— Ну, для того, чтобы целить и попасть по ногам...

— По ногам? — говорит он с сомнением.

Я спрашиваю, как он припадал на колено и стрелял «с кулака». На лице Алексея опять сомнение — не помнит что-то он, что стрелял «с кулака».

Ну, как же я сразу-то не догадалась — этого просто не могло быть. Алеша стрелял на бегу и отсканивал в сторону, потому что в него тоже стреляли. Стрелял, отчаянно боясь попасть в кого-нибудь из прохожих — ведь дело происходило сперва в садике, а потом у тротуара, последний выстрел Алеше пришлось сделать вверх, в воздух, именно потому, что, когда он уже прицелился, между ним и бандитами случайно оказалась женщина. Канал уж тут прицельная стрельба по ногам! Но самое любопытное в том, что большинство его попаданий как раз — по ногам.

— А правда ато, — продолжаю я, — что, когда вы увидели между собой и бандитами женщину, вы уже нажали спусковой крючок и потом успели всякнуть пистолет вверху?

Тут уже он откидывается на спинку стула и хохочет:

— Так ведь пуля бы уже все равно полетела, чего же тут всидывать, позднавато было бы.

Ах, братья-журналисты! Долго ли мы с вами будем писать так, что над нами смеются профессионалы! И зачем? Ведь живая жизнь куда интереснее, чем эти псевдокрасоты. На маленьком пустырьке, между домами и полосатым забором стройки, неподалеку от овощного ларька, а также столов, где пенсионеры забивали «козла» (кстати, когда началась стрельба, они полезли под стол), шел серьезный бой, смертный, не требующий прикрас.

Я начинаю понимать, почему в этого парня влюблена вся ростовская милиция, — совершенная простота, никакого желания хотя бы чуть-чуть собою полюбоваться. А ведь это было бы дажа и простительно — есть чем.

— Вы боялись?

— Я хотел их догнать, — ответил он.

Итак, бандиты уходили на «Москвиче», а Алеша стоял и с ужасом на ато смотрел. Его родная машина ПМГ-16 с рацией была далеко. И вдруг к нему сзади на двора выскочил «газик» пожарного управления.

— Давай и нам! — крикнули ему.

Это был совсем не просто проходящий «газик». Работники милиции, инженер-капитан Виктор Салютин и младший сержант Геннадий Дорошенко, услышали стрельбу. Геннадий включил сирену и рванул «газик» прямо через бетонную канавку, просто прыгнул через нее, сломав при атом рессору и смяв картер двигателя. Бедный «газик», уже три раза бывший в «капиталке», пошел в погоню.

И все-таки бандитов они нагнали. А когда нагнали, то увидели, что на них через заднее стекло смотрит дуло автомата.

И тут я хочу сказать о Геннадии Дорошенко. Конечно, все участники погони были молодцы. Но все же его, наверное, надо поставить особо. Он вел машину под автоматом. И Салютин, и Русов могли пригнуться, и они пригибались, а он за рулем не мог. Шесть километров он ехал прямо под автоматом. И каков был автомат! Свирепое элегантное оружие, тяжко сверкающее сталью, он был тщательно сделан и с любовью отполирован убийцей.

У Гены Дорошенко я тоже спросила, было ли ему страшно, и он мне тоже ответил:

— Я хотел их догнать.

Говорю вам, они все были единой взведенной пружиной.

А на траве около подъезда в ати минуты умирал Володя Мартовицкий.

ИТАК, погоня. Бандиты мчались по людной магистрали Ростова, за ними, дребезжа и не отставая, шел «газик» Дорошенко. За ним — младший лейтенант Евгений Кубышта, который тоже, только чуть позже, прибежал на выстрелы и, остановив какой-то микроавтобус, сиденье — с уже снятым предохранителем.

Тут она за другой стали подлетать милицейские машины, в том числе те, что были посланы на перехват, они шли уже навстречу бандитам и видели, как их брали.

Почему же молчал бандитский автомат, почему они не бросили приготовленные гранаты? На все ати (и многие другие) вопросы ответит с точностью следствие, сейчас можно только предполагать. Вернее всего, стрелять уже было некому. Главарь сидел за рулем, да к тому же в чужой машине, которую вел по многолюдной улице. «Высокий» (под таким именем он шел в милицейских разработках) был без сознания, и третьего Русов тоже ранил.

В ШЕСТЬ часов вечера Алеша Русов сел ужинать и вдруг увидел, что у него дрожат руки. Потом они до одиннадцати писали рапорты. А потом он завалился спать, но заснуть так и не смог до утра.

— Волновались? — спрашиваю.

Он смотрит на меня исподлобья.

— Да вы что? — говорит он хмуро, почти враждебно. — Я же в людей стрелял.

И видно, что мыслями своими он опять там, где шел бой. Перед его глазами на заднем сиденье «Москвича» все еще метался в бреду бандит.

Русову, конечно, не раз говорили и скажут еще не раз, что он может спать спокойно: стрелял он не в людей, а в бандитов. Но Алеша Русов и мы видно, понимает эту проблему по-другому.

— И долго вам было так но по себе?

— Мне и сейчас не по себе.

Да, разговор этот очень серьезен.

Никто из них не хотел умирать, все они молоды, у всех родные, у инженер-капитана Салютина трое детей, у юного Гены Дорошенко трехлетняя Ларочка.

Никто из них не хотел убивать. Это не столько они сами стреляли, сколько ими выстрелила хорошо организованная необходимость. И как бы ловко ни попадал Русов (из восьми пуль — две в воздух и четыре — в бандитов), убивать он не хотел. Он понимает ато столкновение гораздо глубже, чем те, кто потом ликовал и праздновал, — не как победу, а как трагедию. Для него бандиты — ато люди, которые погибли задолго до того, как в них стреляли, — люди, которые потеряли человеческий облик, озверели и заставили других людей стрелять в себя, как в зверей.— именно ато было страшно Алеше Русову.

Вот так все это было в Ростове. Город был потрясен, город ужасался и радовался, он гудел этими событиями. Знаменитые бандиты, ставшие за последние годы страшной легендой, были в наручниках и за решеткой. Родные героев узнали о происшествии много позже, они испугались задним числом, причем иные так сильно, что не могли спать. Родные Гены Дорошенко ужасались и восторгались вместе с другими ростовчанами, но представления не имели о том, что это их Гена вел машину под дулом автомата. Они узнали обо всем, когда увидели в местной газете его портрет. Вот такой человек Геннадий Дорошенко.

Зоя Медведева, жена Володи Мартовицкого, узнала обо всем тотчас же, через несколько минут.

А ТЕПЕРЬ мы вернемся назад, к утру этого дня, 7 июня. У Володи Мартовицкого был выходной, они с Зоей пошли на Дон, а потом она — на работу в вечернюю смену, а он — просто так, в магазин. Для него, конечно, сразу же нашлась работа: идти с товароведом на склад за продуктами. Он, разумеется, пошел. Он был безотказным. Это значит, что он не любил отказывать. Есть такие люди, которым доставляет удовольствие отказывать, Володе доставляло удовольствие помогать.

Чтобы рассказать вам, каков был Володя Мартовицкий, я воспользуюсь не только своими впечатлениями, которые вынесла от встречи с его женой, сослуживцами, друзьями, но и записями Эдуарда Барсукова, инструктора одного из отделов областного УВД, который разговаривал с матерью и другими родными.

Итак, Владимир Юрьевич Мартовицкий. Ему было 27, он был высок, привлекателен, люди говорят, очень хороши были у него глаза. Родители его познакомились в госпитале вскоре после войны, там отец и умер, сын никогда его не видал. Володя был отзывчив — он именно отзывался, откликался на жизнь. Однажды пришел к матери не один, а с мальчишкой, которого подобрал по дороге. Мальчишке не хватало денег, чтобы доехать до дому, и Володя очень беспокоился, что парень начнет воровать. Денег у них обиду никому на давал». Он никого на давал в обиду, он вступался. Да посмотрите на его портрет — ато лицо правдоискателя. Незащищенное лицо.

Итак, они с товароведом Гончаровым шли на склад за товаром. Володя был в отличном настроении, да к тому же он только что выкупался в Доне. Встретил приятеля (приятелей у него было много), окликнул его обычной шуткой: «Ты что же ато со мной не здороваешься?» — и в ту же минуту женские голоса закричали о грабеже. Он побежал наискось, прямо через кусты, на асфальтовую дорожку, по которой уходили бандиты. Выбежал на нее в нескольких метрах от них и крикнул им: «Стой!».

— Стрелять буду! — предупредил один из бандитов.

Володя что-то ему ответил, кажется, потребовал, чтобы они отдали сумку. Бандит выстрелил и ранил его в бедро. Володя откочнл, пошатнулся. Очевидцы говорят, остановился, словно бы в нерешительности, — о чем он думал в эту минуту, что чувствовал? — и снова пошел вперед. Он сделал еще восемь шагов — последних смертных восемь шагов. Его прошили автоматной очередью наискось, от левого бока к правому. Он, рассказывают очевидцы, «крутанулся» и упал на траву. А бандиты пошли дальше, так же уверенно, медленно и спокойно.

Что же ато было? Подвиг? Безрассудство? И выиграли ли мы с вами что-нибудь от этой смерти или только страшно проиграли? Ведь он даже на несколько секунд их, кажется, не остановил.

Нет! Он нанес им первый неотразимый удар. Преступники рассчитывали на бездействие, на страх, парализующий волю, и расчет их до сих пор оправдывался. А там, где страх, там и тишина. Ведь бандитам всего и нужно было, что две минуты тишины, в течение которых они вышли бы на людную магистраль. А им пришлось стрелять, и не раз.

Алеша Русов, бежавший от своей машины вслепую, так как за кустами и деревьями ничего увидеть было нельзя, по выстрелам — выстрелам по Мартовицкому! — определил, где бандиты. Вот почему они не ушли.

НО ВЕДЬ мы сейчас говорим не только о чисто практических вещах. Поступок Володи Мартовицкого выходит далеко за рамки прагматики, и в этом именно и заключается его смысл. Если бы нас с вами сейчас спросили: согласились бы мы, чтобы те 125 тысяч 118 рублей, что были в рюкзаке, просто сожгли и пепел бы кинули в Дон, только бы Володя остался жить, — разве мы с вами не согласились бы? Я убеждена, согласились бы все. И хотя Володя бежал за бандитами, чтобы отнять у них деньги, речь у нас, конечно, идет не о деньгах. Все, что мы знаем о Мартовицком, ясно говорит нам: он не мог стоять и спокойно смотреть, как негодяи среди бела дня уносят зарплату, заработанную другими. Не мог он свести этого наглого насилия, этой чисто фашистской уверенности, что одно насилие царствует в мире и все живое обязано ползти перед ним на брюхе. Еще можно было бы поверить в Володино безрассудство, пока в него не выстрелили. Но вот когда он, раненный, сделал к ним свои последние восемь шагов, тут уж, я думаю, сомнений быть не может. Это его человеческое достоинство шло навстречу смерти и не пожелало сдаваться. Это ясное знание того, что перед ним убийцы, которые убивают, и что они могут уйти, не дало ему остановиться.

Мне не раз пришлось слышать о нем: он выполнил свой гражданский долг. Нет, товарищи, все не так. Нет у нас такого гражданского долга — безоружным идти на автомат. Нет и быть не может. Вступать в борьбу с вооруженными бандитами могут только люди, специально для этого вооруженные и обученные, — они это и сделали. И никаких упреков там, кто дал бандитов и на кинулся на них, мы предъявить не имеем права. Но после того, как Володя упал, за бандитами, и это очень важно, бежали очень многие, говорят, человек тридцать, и все больше женщины. Тут бандиты задержались (задержались!) и дали очередь вверх, над головами. И люди остановились, и многие из нас с вами, я думаю, остановились бы.

Но Володя Мартовицкий не остановился под дулом автомата, и потому мы говорим о подвиге. Это подвиг самый настоящий, по всем статьям и параметрам. Это подвиг, который никто не может ни отрицать, ни опорочить.

А ведь такие попытки были: в Ростове вдруг прошел слух, будто бы Володя был нетрезв. Знаете, грузчик продовольственного магазина... да еще в выходной день... Это ложь — я могу ато утверждать с полной уверенностью. Я с пристрастием допрашивала всех, кто видел Володю за час, за несколько минут до трагедии, и самих очевидцев ее—все в один голос говорят, что он был трезв совершенно. Я знаю свидетельство человека, на чьих руках он умирал, и утверждаю, что слух этот лживый. И все же он стоит того, чтобы на нем остановиться. Я заметила, что ложные слухи часто возникают там, где люди чего-нибудь боятся или чего-нибудь очень хотят. Так было и в нашем ростовском деле: иным хотелось, чтобы было именно так, как им хотелось, потому и приписали милиционерам много ненужных красот, хотя подлинного героизма было тут хоть отбавляй. А другим — скептикам — хотелось, чтобы Володя был пьян. Почему? Да потому, что тогда на было бы подвига, а была бы только неразумная пьяная удаль, — и все было бы спокойно, никаких угрызений совести оттого, что он пошел, а ты вот остался в стороне. В милиции считают, что роль Мартовицкого в поимке банды очень велика.

Геннадий ДОРОШЕНКО

Евгений КУБЫШТА

Виктор САЛЮТИН

Фото Ю. ГРАБОВЕЦКОГО

Я РАЗГОВАРИВАЮ с комиссаром милиции Борисом Кузьмичом Елисовым, начальником Ростовского областного УВД, — вто под его руководством шла реорганизация ростовской милиции. Про Бориса Кузьмича мне сказали в МВД СССР, что у него замечательное сочетание многолетнего опыта и понимания современных проблем. Он рассказывает мне о бандитах, с которыми уже разговаривал.

— Я служу в органах МВД не первый год, но такое вижу впервые. Люди редкой жестокости, сознательно избравшие вто путь, — говорит он. — А ведь главарь их не бесталанен.

И в его голосе я слышу то же, что и в словах Алеши («Да вы что! Я же в человека стрелял!»), — понимание трагедии от того, что люди вти превратились в зверей.

— Способный человек, — продолжает комиссар, — и все его способности послужили одному только злу.

Я не имею права говорить сейчас о тех, кто находится под следствием, — видите, я даже не называю их имен. Мы вернемся к ним, когда следствие будет закончено и окончится суд. Но уже сейчас на основании того, что нам известно, мы можем сказать: да, возможно, у главаря были дарования, но ясе они были подчинены одной-единой основе — жестокости. «Гуманизм — вещь хорошая, — приблизительно так написал он в своем дневнике, — но давайте поговорим об этом завтра».

Алеша Русов, который не спал ночь, потому что стрелял в человека, и втот бандит, что расстреляла Володю Мартовицкого, даже не замедлив при этом шага, — вто два разных жизненных слоя, не совмещающихся и не сообщающихся друг с другом. Два разных явления. Хотя и то, и другое умеет стрелять.

Именно тут проходит водораздел — он в отношении к человеческой жизни. Мне рассказывали в милиции, что бандит, когда его спросили, не жалеет ли он, что застрелил Мартовицкого, ответил презрительно: «Зачем лез?» Такого понятия, как ценность человеческой жизни, данной жизни, тысячью родных, драгоценных связей соединенной с другими жизнями, так что образуется целое сплетение — живое, пульсирующее, страдающее, — такого представления в его голове, как видно, не существует. Не понимает он втого. А что он понимает?

— Ну и милиционер попался на нашу голову, — так, по словам Бориса Кузьмича, сказал один из бандитов. — Кавзвон. Мы в него стреляем, попасть не можем, а он как ни выстрелит — все в нас.

Тут нам представляется редкий случай взглянуть на нашу сегодняшнюю милицию глазами врага. Глаза вти поневоле были пристальны: бандиты вели неустанное наблюдение за тем, что тут происходит, и тотчас отметили и оценили реорганизацию. Они умели ждать и ждали терпеливо. На дело выходили редко — и все реже и реже. Положение их резко изменилось. Когда они в 1968 году напали на магазин в поселке Мирный, милиция прибыла через сорок минут; они тогда специально приезжали туда, чтобы выяснить вто обстоятельство. А теперь является через три-четыре минуты. В втом они сами убеждались, когда позвонили по «02» и сообщили о псевдоограблении. Они внимательно следили за ПМГ, видели, что машины оборудованы рациями. А главное, что организация дела в милиции уже не та.

Наконец, они все-таки стали выходить на дело, но ничего не могли сделать, так как рядом всегда оказывался тот или иной милицейский патруль. «Операция срывается одна за другой, — пишет в своем дневнике главарь втой преступной группы. — А время идет». И далее: «Кольцо сжимается все уже и уже». И далее: «Те, кто нас преследует, тоже имеют голову не только для носки шляпы».

И все же они понадеялись на быстроту — одна-две минуты, — но втих минут им дано не было. Они рассчитывали на свое свирепое оружие, но и оно в конечном счете никого не напугало, хотя и могло бы.

— Если бы мы работали так, как лет шесть-семь назад, — говорит Борис Кузьмич, — они бы могли уйти. Но теперь...

Да, операция по захвату банды заняла семнадцать минут. В втих семнадцати минутах спрессовано многое: здесь и та мысль, что создала новые формы борьбы, и та энергия, что их четко осуществила. И мужество, что насмерть встало против насилия. Насмерть. Мужество того, кто разорвал кольцо оцепления, — Владимира Мартовицкого (и тех людей, что с криком бежали за бандитами), и мужество Алексея Русова, который стрелял, и Геннадия Дорошенко, что вел «газик», и всех тех, кто вступил в втот бой.

КОНТУРЫ БУДУЩЕЙ ЕВРОПЫ

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 9-Я СТР.

Новый размах культурного сотрудничества, который предвещает совещание, возлагает большую ответственность на деятелей культуры и на всех тех, кто работает в области массовых средств информации. Ведь именно они в первую очередь призваны осуществлять сотрудничество в области культуры, проявляя понимание чужеземных традиций и уважая их. Они должны стать страстными защитниками тех перспектив творческого общения людей, разъяснять людям, какое это огромное достояние — мир и безопасность.

В беседе с автором этих строк министр иностранных дел Франции Мишель Жобер, касаясь роли творческих работников в деле укрепления мира и безопасности, сказал: «Престиж писателей и мыслителей зависит от их способности предугадывать ход событий, информировать людей, разъяснять им, в каких условиях их дух обретет мир, а плоть — безопасность».

К сожалению, далеко не все «мыслители» научились по-настоящему информировать людей. Среди них есть еще немало таких, для которых второй натурой стала привычка дезинформировать. В какой-то степени их можно понять. Их взгляды формировались, а навыки работы приобретались в годы «холодной войны». Идеально было бы, если бы все, к кому это относится, сдели бы этот духовный багаж в архив, а еще лучше — в археологический музей, чтобы удивлять будущие поколения тем, какими бесплодными делами занимались иные журналисты и отдельные деятели культуры в середине XX века.

***

Однако тут нельзя строить никаких иллюзий. У Совещания по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе есть еще немало противников. Приверженцы догм «холодной войны», ставших в наши дни анахронизмом, прибегали к различным маневрам, чтобы вначале дискредитировать идею проведения совещания, а затем, когда эти расчеты рухнули, пустили в оборот лживую версию, будто на совещании будет царить «советский диктат». Абсурдность этой версии настолько очевидна, что диву даешься, сколь убог мыслительный аппарат авторов подобных измышлений. Впрочем, дело здесь не столько в мыслительном аппарате, сколько в объективном отсутствии каких-либо дельных аргументов против идей и целей совещания.

Не помогли противникам укрепления безопасности в Европе, коих еще немало на Западе, и пришедшие к ним на помощь пекинские лидеры с их измышлениями о «сверхдержавах» и о каком-то «сговоре» между ними. На совещании все его участники чувствовали себя как равноправные партнеры большого и важного дела.

Пекин пытался настраивать общественность Европы против совещания и в период его работы. В день открытия агентство Франс Пресс передало из Пекина с ссылкой на «голоса внешнеполитических комментаторов», что, по мнению Китая, «совещание может быть лишь новым Мюнхеном». Среди журналистов в кулуарах дворца «Финляндия» подобные «новости из Пекина» вызывали веселое оживление.

***

Теперь перед совещанием встает самая важная задача: перевести на язык конкретных решений выраженное всеми его участниками стремление обеспечить Европе прочный мир и надежную безопасность. Несмотря на сложность предстоящей работы, есть все основания ожидать ее результатов с оптимизмом. Дипломатия есть искусство возможного, то есть искусство приходить на основе согласия к взаимоприемлемым решениям. Государства, участвовавшие в совещании, доказали, что они владеют этим искусством. Каждый раз, когда возникали расхождения, дело заканчивалось разумным компромиссом, в котором каждая сторона сохраняла главное из того, что она предлагала.

Благожелательная, я бы даже сказал дружелюбная атмосфера на совещании укрепляла у каждого непредвзято мыслящего человека, который провел несколько дней в этой атмосфере, убеждение, что та Европа, о возможности создания которой говорили социалистические страны, выдвинувшие семь лет назад предложение о созыве совещания, станет в недалеком будущем реальностью. Контуры ее уже вырисовываются.

«Та Европа, — указывает Л. И. Брежнев, — которая не раз была очагом агрессивных войн, принесших колоссальные разрушения и гибель миллионов людей, должна навсегда уйти в прошлое. Мы хотим, чтобы ее место занял новый континент — континент мира, взаимного доверия и взаимовыгодного сотрудничества между всеми государствами».

Такая Европа могла бы стать и для других континентов живым и притягательным примером мирного сосуществования.

Юрий БОЧКАРЕВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»
ХЕЛЬСИНКИ—МОСКВА

Геннадий КАДЫМОВ

ПЕКИНСКИЙ СЭНДВИЧ,

ИЛИ ГЕОГРАФИЯ ПО-МАОИСТСКИ

ПОСЛЕ того как утихли бури «культурной революции», пекинские лидеры вдруг обнаружили в познаниях китайского народа некий вакуум, поскольку прежние представления об истории, географии, культуре были вытравлены, а новые еще не привиты за их отсутствием. Китайская пропаганда в спешном порядке принялась рисовать на «чистом листе» (по словам Мао Цзэ-дуна) общественного сознания народа иероглифы маоистской версии законов развития человечества. Сначала появилась серия статей, фальсифицирующих всемирную историю, потом очередь дошла до географии.

В конце прошлого года журнал «Хунци» опубликовал статью Хуа Чжи-хая «Об изучении географии», которую автор начинает с посылки, что «уяснение географического положения, природных условий, политико-экономического положения стран мира помогает нам конкретно и связно представить себе развитие международных отношений».

Кто же будет возражать против просвещения народа? Ясно, что с помощью одного цитатника, выпущенного миллиардным тиражом, трудно «конкретно и связно» представить себе не только всемирную историю, географию, но даже познакомиться с богатством родного языка. Попытка изложить оригинальную, целостную географическую концепцию, рассчитанную не на зубрежку, а на осмысленное восприятие реальной действительности, сама по себе заслуживает одобрения. Такой подход к общественным наукам в Китае можно было бы только приветствовать, тем более что вскоре появился на свет журнал «Дили чжишн», предназначенный для популяризации географических знаний.

Однако нередко случается, что, выступая с подобными декларациями, «новаторы» действуют по принципу: всякое новое — это забытое старое. Точно так же поступили с читателем журналы «Хунци» и «Дили чжишн»: они дали ему такие «новые» лозунги и такую «новую» политическую карту мира, которые отражают старый китаецентристский взгляд. Прошлое у китайских географов опрокидывается в настоящее и экстраполируется на будущее.

Установочные статьи на географические сюжеты, публикация карт, атласов, туристических проспектов направлены на то, чтобы подвести читателя к мысли о необходимости восстановить былое величие Китая как Срединной империи, «исправить» географию путем возвращения «потерянных земель».

Открытая заявка на территории, принадлежащие другим государствам, достаточно ясно выдает великодержавные притязания Пекина. Известное положение Мао Цзэ-дуна о том, что империалисты оторвали «многие государства», расположенные вокруг Китая, находившиеся якобы ранее под его «покровительством», послужило отправным пунктом для утверждений китайских обществоведов, будто Монголия, Корея, Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Таиланд, часть территории Индии, то есть вся континентальная Восточная и Юго-Восточная Азия, а также прилегающие к ней острова представляют собой бывшие «китайские земли».

Тоска по прошлому, когда императоры Поднебесной считали себя (в силу ограниченности их географических представлений) властителями всего мира, отражает и манию величия сегодняшних китайских руководителей, и их политику территориальных притязаний к соседним странам, официально провозглашенную Пекином. Так, в ноябре 1962 года в письме лидерам стран Азии и Африки Чжоу Энь-лай писал, что спор о границе у Китая существует не только с Индией, но и с другими «многими юго-западными соседями». При решении территориальных проблем Чжоу Энь-лай требовал учитывать «исторический фон», а также «традиции», в том числе и географические.

ЗА ОТПРАВНУЮ точку для выработки маоистской географической концепции были взяты две известные «теории»: буржуазная — о «господстве сверхдержав» и домороженная — о «промежуточных зонах». Обе они теперь слиты в единую «самобытную» доктрину». Поскольку она представляет собой не просто лозунг, а взгляд, претендующий на осмысленное восприятие, то целесообразно на ней остановиться подробнее.

Современная политическая карта мира в маоистской интерпретации выглядит довольно любопытно. В центре ее расположен Китай, как «подлинно социалистическая» страна. Естественно, КНР окрашена в красный цвет. Большую же часть пространства на карте занимают «две обширные промежуточные зоны». К «первой промежуточной зоне» маоисты относят государства Азии, Африки и Латинской Америки, а ко второй — «основные капиталистические страны Запада и Востока, за исключением СССР и США», как пишет «Хунци».

Помимо Китая как «центра социализма» («центром мировой революции» он уже был, и сейчас от такого ярлыка в Пекине открещиваются), на земном шаре — в соответствии с «теорией сверхдержав» — существуют еще два центра: Советский Союз и США. Хотят того или не хотят пекинские географы, но у них получается трехполюсный мир. Подобную точку зрения несколько раньше выдвинули некоторые американские китаеведы, которым КНР «дорога» как националистическое государство, они рассматривают ее политику как гарантию сохранения и расширения сферы империалистических интересов в бассейне Тихого океана.

Помимо «красного» Китая, «черных» США и СССР, остальные государства — по пекинской концепции — схожи, как многочисленные копии Будды: разница лишь в размерах. Полностью игнорируя специфику стран и регионов, классовые различия и социальную неоднородность современного мира, противоречивые процессы в системе капиталистических отношений, маоисты мажут подряд страны, одну за другой, лишь оранжевым цветом «промежуточной зоны».

ПОКОНЧИВ с трудной работой по раскрашиванию политической карты мира в три цвета, пекинские географы хотели было сложить кисточки, но тут выяснилось, что одной такой картинки недостаточно, ее надо сопровождать комментариями, объясняющими, что происходит в окружающем Китай мире. Если древнекитайские мудрецы-отшельники мучились на мифической горе Мяогушэшань над вопросом: как отличить правду от неправды, то их преисполненные амбицией потомки, расположившись в виллах запретной зоны у горы Сяншань *, озабочены лишь одним: как неправду выдать за правду и представить эту мистификацию за вершину политической географии. Весь смысл происходящей в мире борьбы они увидели в одном: в стремлении «черных» СССР и США захватить природные и людские ресурсы «промежуточных зон», или, как они выражаются, в попытке «двух кусков хлеба проглотить зажатый между ними кусок мяса».

Так усилиями китайских географов земной шар превращен в бутерброд, и все дело заключается в том, кто его первым съест. Подобный взгляд на мир свидетельствует прежде всего о непомерном аппетите тех, кто мыслит гастрономическими образами. То, что именно китайское руководство зарится на «мясо», подтверждается его отношением к «промежуточной зоне» которую оно хочет захватить. Но завоевать эту «зону» путем экспорта маоистских авантюр не удалось. Тогда Пекин перешел к тактике дифференцированного подхода к группам государств и отдельным странам. Как восточное божество, он предстал перед миром в нескольких обликах: по утверждениям маоистов, мировое рабочее движение должно рассматривать Пекин как «центр социализма», развивающиеся страны — как признанного лидера «третьего мира», а империалистические силы — как своего надежного партнера.

Ныне Пекин утверждает, будто Китай относится к разряду стран «третьего мира» и, следовательно, входит в «первую промежуточную зону».

И вот тут вся политико-географическая концепция маоизма начинает трещать по швам. Залатав одну дыру на тришкином кафтане своей «теории», пекинские географы делают другую. Если Китай представляет собой государство «третьего мира», социально-политическая структура которого маоистами не может быть охарактеризована как социалистическая, то и КНР, естественно, не может претендовать на место «центра» мирового социализма.

Но такие явные несоответствия ничуть не смущают маоистов, которые все свои «теории» строят исключительно на противоречиях, манипулируя ими, как жонглеры разноцветными шарами.

Попытка сконструировать «самобытную» маоистскую географическую и внешнеполитическую «теорию» при опоре на два столба — тезис о «господстве сверхдержав» и концепцию «промежуточных зон» — представляется безнадежной, так как смахивает на строительство дома из разбитых обломков буржуазного теоретического хлама и гнилых местных стройматериалов.

БЫЛО БЫ наивным полагать, что столь «углубленные» занятия географией в Китае лишены практического смысла. Они имеют четкое прикладное значение, ярко выраженную антисоветскую, антисоциалистическую, великодержавную направленность. Публикации китайской прессы рассчитаны на то, чтобы оказать воздействие не только на китайского, но и на зарубежного читателя.

«Народам мира, — пишут маоисты, — надо разобраться в истинных и ложных друзьях, не бояться давления, запугивания, обмана, смело браться за оружие, вести борьбу, и они непременно смогут победить агрессию, угрозу и контроль советского ревизионизма».

Итак, рассуждения китайских теоретиков направлены на то, чтобы помочь «разобраться» не только китайскому, но и другим народам в истории, географии и политике, указав им «главного врага» — Советский Союз. Если раньше маоисты прикрывали свой антисоветизм фиговым листком «противодействия сверхдержавам», то теперь недвусмысленно призывают народы мира к вооруженной борьбе против СССР.

Шумовое оформление разглагольствований о несуществующей «советской угрозе» предназначено для того, чтобы дезориентировать мировое общественное мнение. Отсутствие аргументов, подтверждающих маоистскую «теорию», вынуждает пекинских политиков с факелом в руках метаться по миру в поисках «горячих точек» и «важных нерешенных проблем». Ценность для китайского руководства любой конфликтной ситуации определяется тем, насколько она способна нанести вред «главному врагу» — Советскому Союзу. «Важность» же той или иной проблемы определяется возможностями ее использования в антисоветских целях.

Выискиванию таких «проблем» подчинена и тематика журнала «Дили чжишн», где великодержавный шовинизм подается под географическим соусом. Так, в первом номере журнала за этот год статья на географический сюжет из «Хунци» трактуется как основополагающая для понимания политической обстановки в мире, позволяющая «еще лучше отделить правду от неправды». И редакция на страницах «Дили чжишн» решила «разъяснить» миру эту маоистскую географию, противопоставив ее «реакционным теориям, существующим во многих других странах». Руководствуясь указанием «председателя», она, дескать, надеется тем самым «внести свой вклад в развитие человечества». О шовинистических позициях, ярко выраженном антисоветизме этого журнала свидетельствуют опубликованные в нем статьи.

К примеру, невинное историко-географическое повествование Чжао Юн-фу о «шелковом пути», по которому в средние века осуществлялся обмен товарами Китая с другими народами, сопровождается тоскливыми воспоминаниями о временах династий Хань и Тан, когда якобы их влияние «далеко выходило за пределы Памира». Оказывается, именно это было «крайне благоприятным обстоятельством для развития сухопутных связей Китая с Западом». Возникает вопрос: с какой целью журнал привлекает внимание китайского читателя к «традиционному пути» в Европу через... Среднюю Азию, публикуя одновременно сомнительные схемы и карты? Разумеется, не для развития торговли...

В другой статье некто Лэй Цзун-ю, рассуждая о степени солености Средиземного моря, неожиданно обнаруживает, что туда из Черного моря вместе с рыбами мигрирует «советский ревизионизм», у которого на африканском побережье якобы расположены военные нерестилища. По мнению ихтиологов из «Дили чжишн», это течение нацеливается теперь на Индийский океан, но вот закрытый Суэцкий канал, мол, препятствует его дальнейшему движению. Поэтому, заключают они, надо закрыть все каналы, проливы, моря и океаны для «сверхдержав». Коллега Лэй Цзун-ю по проблемам рыбного хозяйства латиноамериканских стран, Шэнь Дицюнь, предостерегает читателя, что он уже обнаружил «советский ревизионизм» у берегов Перу.

Откровенно провокационной выглядит завязка статьи Вэнь Саня о Курильских островах. Этот материал, видимо, рассчитан не только на китайского, но и на японского читателя, у которого ослепленные антисоветизмом пекинские географы стремятся разжечь реваншистские настроения, направленные на пересмотр итогов второй мировой войны на Дальнем Востоке. «Дили чжишн» старается подложить «географическую мину» под советско-японские отношения, осложнить их, вызвать трения в отношениях двух соседей. Ведь в Пекине даже выразили готовность оказать поддержку Японии вооруженными силами КНР в «случае японо-советского конфликта» (!), о котором, видимо, только и мечтают в «запретном городе». Эти подстрекательские высказывания встретили должную отповедь на страницах японской печати. Но маоисты не унимаются и усиленно «изучают географию» в поисках новых «мировых проблем», которые можно было бы использовать против Советского Союза.

Нанизывая китайскому и другим народам свой надуманный, великодержавный взгляд на историю и географию, маоисты пытаются выйти из кризиса международного доверия к их политике, найти ей оправдание. Их новые «теории» означают, что маоизм старается затормозить процесс разрядки напряженности, умалить важность позитивных изменений на международной арене, ослабить единство и сплоченность стран социалистического содружества, их солидарные действия с национально-освободительным движением и развивающимися государствами.

Тщетные потуги!

---

* Сяншань («Ароматная гора») находится недалеко от Пекина; в ее окрестностях расположена правительственная зона отдыха.

АНГЛИЯ-73

ОТВЕРЖЕННЫЕ

Это — Лондон, лондонский Ист-энд, район бедняков и бездомных. Отсюда недалеко до центра города, до роскошных отелей, комфортабельных домов, сверкающих витрин. Но тут свой мир, мир нищеты и отчаяния.

По официальным данным, в английской столице зарегистрировано 27 000 бездомных. Это и старики, которые не могут работать и получают такую нищенскую пенсию, что не имеют возможности снять даже жалкую комнатушку; и одинокие пожилые люди — хронически безработные; и многодетные семьи, чьи кормильцы не находят применения для своих рук. Они вынуждены ютиться в полуразрушенных домах, ночевать в старых фургонах, пустых товарных вагонах, на скамейках парков, откуда их гонят полицейские, рыться в мусорных ящиках в поисках корки хлеба. Многие становятся бродягами.

Бездомны не только старики и безработные. Среди них немало людей, получающих низкую заработную плату, которая недостаточна для оплаты самого скромного жилья. «...Тысячи рабочих семей в Лондоне выброшены на улицу, т. к. они не в состоянии заплатить за квартиру», — пишет американский журнал «Ньюсуик». Некоторые из одиночек объединяются в группы по пять, шесть и семь человек, чтобы нанять не всех одну комнату. Если это оказывается им по карману, их считают счастливцами.

Хуже тем, кто, не имея крыши над головой, вместе с семьей поселяется в пустующих, непригодных для жилья зданиях, ожидающих сноса. Но и таких трущоб не хватает, из-за них дерутся. В Лондоне возникло движение «сквоттеров» — это люди, силой захватывающие полуразрушенные дома.

Еженедельник «Трибюн» писал недавно, что «проблема бездомных стала настоящим бедствием и вышла из-под контроля».

Английский фоторепортер Дональд Маккаллин, чьи снимки мы перепечатываем из еженедельника «Сандэй таймс мэгэзин», запечатлел страшную трагедию этих людей. Его снимки не требуют комментариев.

Они, по существу, лишь подтверждают давно сложившуюся репутацию Англии как страны вопиющих социальных конфликтов, страны, которая затрачивает огромные средства на гонку вооружений, ежегодно урезывая средства на социальные нужды.

И не парадоксально ли, что реакционные силы Великобритании ныне претендуют чуть ли не на роль лидера всей Западной Европы. Лондонский еженедельник «Спектейтор» писал на днях, что для Англии «никогда не было более благоприятной ситуации, чтобы утвердить свое главенство». Уж не тот ли образ жизни, что запечатлен на снимках в «Сандэй таймс мэгэзин», предлагается в качестве образца тем, кого призвана «возглавить» Англия!

Нгуен Динь ТХИ: ИНТЕРВЬЮ «ЛГ»

СОЛИДАРНОСТЬ

Братская солидарность советского и вьетнамского народов продемонстрировала свою силу в годы героического сражения вьетнамского народа за свою свободу и независимость. Она получила новое подтверждение сейчас, в дни мира, во время переговоров в Москве советских руководителей с делегацией Партии трудящихся Вьетнама и правительства ДРВ. Эти переговоры содействуют укреплению советско-вьетнамской дружбы, увеличивают масштабы сотрудничества во всех областях, в том числе и в области культуры и литературы. О дружбе советских и вьетнамских писателей рассказывает нашему корреспонденту И. Гавриловой побывавший недавно в Москве генеральный секретарь Союза писателей Вьетнама Нгуен Динь Тхи.

— В жизни вашей республики произошли большие события — вступило в силу соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме. Страна получила возможность восстанавливать и строить мирную жизнь. Каковы сейчас задачи писателей Вьетнама?

— Теперь создались благоприятные условия для создания крупных и значительных произведений нашего искусства. Мы прошли трудным 30-летним путем борьбы с агрессией. Это была самая тяжелая война в жизни нашей нации. И вполне понятно, что борьба за свободу в ближайшее время и на более отдаленный период — главная тема вьетнамской литературы. Основная часть нашего писательского отряда принимала непосредственное участие в борьбе с врагом. Время для творчества приходилось выбирать урывками, между боями. Отсюда в подавляющем большинстве — произведения малых форм: повести, новеллы, очерки и, конечно, стихи. Ныне иное дело — писатель получил возможность обдумать происшедшее, активно работать. Во многом в нашем труде помогает также поддержка писателей всего мира, прежде всего — социалистических стран. Союз писателей Вьетнама призвал прозаиков и поэтов отразить в своих произведениях героический подвиг вьетнамского народа. С организационной точки зрения Союз писателей приложит все усилия к тому, чтобы создать условия для нормальной творческой работы. Наши писатели одной из основных задач считают необходимость способствовать воспитанию человека социалистического общества.

В годы войны мы сражались с оружием и книгой в руках. В самые ожесточенные периоды борьбы у нас были организованы специальные рейсы транспортных машин, которые развозили книги на передовые позиции. Многие произведения распространялись и в рукописях. У каждого бойца в вещевом мешке лежали книги и записная книжка с переписанными любимыми стихами. Я видел много таких дорогих реликвий, оставшихся после погибших солдат; мысленно листаю страницы книг, которые участвовали в боях: «Поднятую целину», «Дни и ночи», «В окопах Сталинграда», «Повесть о настоящем человеке» и другие.

Ныне писатели должны активно участвовать в восстановлении мирной жизни, в строительстве социализма.

В завещании Хо Ши Мина говорится, что после окончания войны и победы над американским агрессором наш президент хотел бы объехать все социалистические страны и лично выразить благодарность за поддержку и помощь братских народов. Он не успел этого сделать. Каждый из нас стремится выполнить его завет.

Весной мы были в Варшаве, на X встрече руководителей союзов писателей социалистических стран, где рассказали о положении в нашей литературе, о тех задачах, какие стоят перед писателями на новом этапе развития, а нашей борьбе за строгое соблюдение Парижских соглашений и за установление прочного мира во всем Вьетнаме. Пока на юге нашей страны еще не стихли выстрелы, продолжается террор, ни один вьетнамец не может жить спокойно.

— Ваши творческие планы?

— Я буду краток, потому что планы, увы, не всегда становятся реальностью. Возможно, в конце этого года выйдет моя новая книжка, где собраны стихи последних лет. В последнее время я больше занимался поэзией, однако думаю вновь вернуться к прозе, хочу написать роман.

— Что бы вы хотели сказать читателям «Литературной газеты»?

— Я рад случаю передать большой, искренний привет читателям «Литературной газеты». Читатели вашей страны очень требовательны и взыскательны, у них для этого есть все основания: советская литература — литература великая. И для писателя большая честь получить признание советского читателя.

22 июля польский народ отмечает знаменательную годовщину — День возрождения Польши. Сегодня мы публикуем новые переводы стихов польских поэтов — Ярослава Ивашкевича и Тадеуша Хрустелевского.

ИЗ НОВЫХ ПЕРЕВОДОВ

Ярослав ИВАШКЕВИЧ

На стрехами сонета,
в обычной строкою —
лучше способа нету
петь про авто такое.

Как стучат, словно палкой,
при паденье лимоны,
и как пахнет фиалкой
это дерево мощно,
и как в пляске несутся
девчата в парнями,
и как овцы пасутся
на лугах с пастухами.

А миндаль и оливы —
над зеленой голубень!
А над ними счастливо
голубень голубеет.

Пух мимозы цыплячий,
конь игрушечно-малый,
над жарою палящей
эхо загромыхало.

Все иное, но эти
мимо нашего дома
пробежавшие дети
мне милы и знакомы...

Перевел Борис СЛУЦКИЙ

Тадеуш ХРУСТЕЛЕВСКИЙ

У памятника сказителю

Ты все сидишь,
сказитель мой, сидишь,
На все глядишь ты,
До всего есть дело.
Глядишь, как снег спелзает
с тихих крыш.
Глядишь на ель,
что за ночь побелела.

А утро набирает крутизну.
Восходит день.
Ты жмуришься от света.
Воробушек
клюет голубизну.
Чирикает цветной
стишок поэта.

Чирикает...
А смысл поймешь
не вдруг.
Да и поймешь ли!
Разберись-ка, ну-ка!
Быть может,
счастье — это антизвук.
Смычок на скрипку.
И молчок. Ни звука.

Перевел Сергей ОСТРОВОЙ

КТО, ГДЕ, КОГДА

Взгляд через океан

Герой новой книги известного английского писателя Уильяма Купера «Роман на побережье» Марк бросает лондонский театр, наскучивший ему своим «ретроградством», и уважает в «свободную» Америку. К этому поступку его понуждает и семейный конфликт — ссоры с отцом, крупным боссом с Флит-стрит. Марк приезжает в Сан-Франциско, где окунается в мир богемы: поступает в небольшую театральную труппу экспериментаторов - неоавангардистов, чьим лозунгом служит призыв к раскрепощению чувств. Но этим лозунгом актеры руководствуются не столько на сценических подмостках, сколько в «частной практике».

Уильяму Куперу, по мнению рецензента английского еженедельника «Листенер», удалось «создать точную картину крупного тихоокеанского порта с его провинциализмом и молодежью, убежденной, что, отказываясь от прошлого своей родины, она освобождается от него полностью». Он показал нацию, новым бичом которой стали возрастающая миграция, чувство отчужденности и боязнь «пустить корни», привязаться к чему бы то ни было. Все, что связывает людей друг с другом, не объединяет их, а напротив — разобщает. Однако подобное ощущение разобщенности свойственно и центральному герою романа — англичанину Марку.

Актер, режиссер, сценарист...

В Италии снимается трагикомический фильм «Звездная пыль» — о перипетиях одной бродячей труппы в годы второй мировой войны. Роль звезды провинциального театра играет известная миноактриса Моника Витти. Исполнитель главной мужской роли — Альберто Сорди, режиссер-постановщик — Альберто Сорди, один из авторов сценария — Альберто Сорди, и музыку к фильму писал тоже Альберто Сорди.

На снимке: знаменитый дуэт во время съемок.

Ассоциация африканских критиков

Недавно в Яунде (Камерун) закончил работу международный коллоквиум на тему «Роль критики в развитии африканской культуры». В нем приняли участие многие видные литературные критики, писатели и поэты целого ряда стран континента.

Участники коллоквиума пришли к заключению, что действенная критика должна помогать развитию национальных культур, способствовать расширению обучения подрастающих поколений на африканских языках и активно продвигать культурные достижения в народные массы.

Принято решение создать Ассоциацию африканских критиков.

Коллоквиум был созван Камерунским национальным университетом и Африканским обществом культуры.

«Романское кафе»

С 1961 года, после выхода в свет книги «Путешествие во Францию», в творчестве известного западногерманского писателя Вольфганга Кеппена (на русский язык переведены его романы «Голубь в траве», «Теплица», «Смерть в Риме») наступил продолжительный перерыв. Тем более понятен интерес, с которым был встречен в ФРГ новый его сборник «Романское кафе». Сюда вошло 11 прозаических произведений Кеппена за период с 1936 по 1971 год. В основном это малоизвестные рассказы или наброски, которые были, по-видимому, предназначены первоначально для романов Кеппена, однако по тем или иным причинам не вошли в окончательные их варианты. Некоторые из них уже публиковались.

«Для автора все эти тексты — современная проза, — говорится в кратком введении к книге. — Он отказывается от указания дат их создания или же публикации». Отсутствие такой информации вызвало резкую критику на страницах еженедельника «Цайт». Высокая оценка здесь дается лишь двум представленным в книге произведениям — автобиографическому наброску «В моем городе я был одинок» и очерку «Впервые в Роттердаме».

Талантливое прочтение

С большим успехом идет в Нью-Йорке спектакль «Дядя Ваня» в постановке Майка Николса. Как известно, американские режиссеры не раз обращались к этой пьесе А. П. Чехова. Нынешняя постановка, по мнению критиков, отличается большой глубиной прочтения русского классика. Главные роли исполняют великолепные актеры — Никол Уильямсон (дядя Ваня), Джордж Скотт (Астров), Джули Кристи (Елена Андреевна). Знаменитая Лилиан Гиш играет роль старой няни.

На снимке: Никол Уильямсон и Джули Кристи в сцене из спектакля «Дядя Ваня».

СОЦИОЛОГИЯ И ЛИТЕРАТУРА: ГДЕ ПРОХОДЯТ ИХ ГРАНИЦЫ?

АНКЕТА «ЛГ»

Зигфрид ЛЕНЦ
(ФРГ)

ПОИСКИ НАДЕЖДЫ

Зигфрид Ленц (род. в 1926 г.) — один из видных прозаиков Западной Германии. Его первый роман «Коршуны в небе» вышел в 1951 году. Зигфрид Ленц — автор нескольких романов, сборников рассказов, радиопьес и литературно-критических работ. Широко известный роман Ленца «Урок немецкого» был переведен на русский язык.

ИТАК, роману вновь пропели отходную, а я, по словам Анджело Ринальди, могу считать себя «покойником в отпуске», живым трупом, поверженным во прах победоносной социологией. Это не первое свидетельство о смерти, выданное литературе, и, по всей вероятности, не последнее. Скепсис и сомнения, я том числе и сомнения в собственных силах, всегда были почетными спутниками литературы, но ведь и в данном случае сохраняют свою справедливость слова: «Надежда оправдана там, где существует смерть». Я готов согласиться: неудовлетворенность литературой возросла, и опасения, что она может оказаться совсем никчемной, вероятно, легко объяснимы — в эпоху точных наук мы получаем огромное количество информации и самых разнообразных сведений, а литература, по нашему мнению, не в состоянии их поставлять.

Наука и литература... Этих неравных партнеров натравливают друг на друга, заставляют соревноваться, а потом рассматривают результаты и сокрушенно констатируют: по сравнению с наукой, в арсенале которой имеются столь точные методы познания, литература безнадежно отстает. Эпоха идиллического триединства, когда поэзия, наука и философия существовали на равных правах, взаимно поддерживая и обогащая друг друга, давно миновала. Миновало и то время, когда уровень знаний эпохи примерно соответствовал информативным возможностям литературы. Совершенно явственным стал сейчас тот процесс, который обозначился еще в XVII веке, — процесс обособления науки и постепенного отхода литературы на немногие «собственные территории».

В стремлении завладеть патентом на отображение действительности литература и наука вступают в соперничество. Они действуют как конкуренты, используют различные методы, но преследуют одну и ту же цель: освоение и отображение мира, ведущие к самопознанию. Правда, науке вправе заявить, что благодаря ее усилиям общая сумма знаний, которыми располагает человечество, удваивается примерно каждые семь лет. А какими результатами может похвастаться литература? Не выброшена ли она из седла теми блистательными достижениями, которые могут нам предъявить микробиология и физика, социология и психология? В то время, когда наука может расширить до необъятности наши точные представления о мире, литература до сих пор не сдвинулась с мертвой точки: любовь, рождение, смерть. Оправдываются ли усилия, затрачиваемые на повествование, если прирост знаний, который мы при этом получаем, представляется столь незначительным по сравнению с тем, что дает наука?

Вопрос этот напрашивается сам собой, но он неправилен по сути своей. Мы это поймем, если вспомним, сколь различны методы познания, которыми пользуются наука и литература. Ни один ученый не довольствуется случайными фактами, преподносимыми действительностью, или деталями, отмеченными на лету. Напротив, наука отбрасывает, решительно зачеркивает все, что отмечено чертами случайности; ее поиски направлены к созданию ясных, четких, устойчивых представлений, выявлению закономерностей, разработке стройных теорий и выводу общих формул. Благодаря науке мы начинаем разбираться в действительности или, по крайней мере, отмечать ее закономерности, позволяющие делать прогнозы.

Тем не менее наука и литература имеют общую отправную точку, выполняют общую миссию: добывают знания. Правда, следует сразу же оговориться, что знания эти различны. В одном случае они преподносятся в упорядоченном, систематизированном виде и представляют собой весьма надежное достояние, заключающееся в проверенных фактах, данных, цифрах. В другом — можно говорить лишь о знаниях, достоверность которых ничем не гарантирована: они неустойчивы, с трудом поддаются использованию, но странным образом носят общий характер, ибо выражают всечеловеческие чувства.

В поисках других различий мы постигаем, что не все без исключения вопросы, которые наука и литература ставят перед жизнью, являются «конкурентами». Наука ставит их от своего имени, а литература — от имени читателя. Вопросы науки адресованы чаще всего в сферу неведомого, литература же упорно доискивается ответов и там, где все как будто бы известно, и именно тогда, когда все представляется неизменяемым. В конце концов литературе придется смириться и признать, что для нее существуют «безнадежные» вопросы, а наука должна будет выяснить, почему некоторые вопросы остаются без ответа. Сама система постановки вопросов показывает, что науке и литературе вовсе не обязательно выступать в роли «конкурентов». Ведь совсем разная добыча попадает в сети науки и в силки литературы.

Не приходится отрицать, что для исследования структурных законов современного индустриального мира пригодны не методы литературы, а методы социологии. В одной лишь констатации этого факта содержится характеристика различий между литературой и социологией. Конечно, социология может, например, дать исчерпывающее представление о проблемах, связанных с анонимностью и отчужденностью человеческой личности в большом городе. Но едва ли она способна вызвать сочувствие, которое может стать отправной точкой каких-то изменений. А именно это и удается таким писателям, как Достоевский или Белль. Демографические исследования как статистический метод социологов могут быть поставлены отлично, но все-таки Андре Бретон доказал, что существует «ночное ядро человека», которое не поддается никакому статистическому анализу.

Я замечаю, однако, что моя статья приобретает характер самозащиты, едва только я делаю попытку определить шансы литературы, сравнить ее возможности с теми, какими располагает наука.

Не знаю, как это расценить после смертного приговора, вынесенного г-ном Ринальди, — то ли как проявление безумной отваги, то ли как свидетельство крайней наивности: я только что закончил новый, довольно объемистый роман под названием «Образец». В этом романе описывается попытка трех педагогов, людей очень различного склада, составить хрестоматию для немецких школ, вернее — третью главу хрестоматии, широко представляющей нашу литературу. После четырехлетних мучительных раздумий мне показалось, что я нашел наконец «образцовый», «хрестоматийный» пример. Вдумываясь, анализируя, обсуждая, как и надлежит в педагогическом рабочем процессе, эти трое воспитателей выбирают, синтезируют «образец», но терпят фиаско, когда пытаются доказать, что эта глава соответствует духу времени и может быть рекомендована в качестве обязательного чтения.

Если даже будет признано, что нынешние представления о соперничестве науки и литературы являются неправильными, никто не станет отрицать, что в эпоху торжестве науки литературе должна заново определить свою задачу. В чем же она заключается? Ее не следует видеть в предоставлении информации о том, что теоретически постижимо, или в распространении формальных знаний. В XX веке, озаренном светом науки, в западном мире литературе приходится сосредоточить свое внимание прежде всего на одном объекте; этот объект — деформированный и сумрачный внутренний мир смятенного и беззащитного человека, чьи смятение и беззащитность не устраняются и тогда, когда к его услугам самые блистательные достижения науки. Надпартийная теория науки здесь бессильна. Думается мне, однако, что здесь-то и начинаются задачи подлинной литературы: определить происхождение всеобщей тоски, обосновать причины неудач, постигающих наши начинания, вскрыть корни наших страхов, дать наименование надежде — все это ее дело. Я думаю, что нужно исследовать возможности, таящиеся в языке, и показать, что в мире существуют поступки правильные и неправильные. Отобразить все это в наглядной форме, претворить в выразительной картине или поэтическом шифре — это ли не трудная задача?

И. ПОРТУГАЛОВ,
собственный корреспондент АПН — специально для «Литературной газеты»
БОНН

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПЬЕСЫ ДЖЕКА ЛОНДОНА

В ПРОШЛОМ году впервые увидала свет извлеченная из архивов Джека Лондона одноактная драма «Дочери богачей». В связи с появлением этой пьесы возник острый спор, нашедший отражение на страницах сборника «Джек Лондон ньюслаттер». Дело в том, что один из специалистов выдвинул версию, будто автором «Дочерей богачей» был не Джек Лондон, а его полонянка, жившая по соседству в Глен Эллен, — актриса Хильда Джильберт. Эта предприимчивая особа, отнюдь не чуждая духу авантюризма, якобы убедила Лондона поставить свое имя под ее сочинением, чтобы тем самым обеспечить постановку пьесы, в которой она собиралась играть главную роль. В подтверждение этой версии американский литературовед ссылается на письма Джильберт и ее интервью, напечатанные в 1913, 1915 годах. Интервью Хильды Джильберт имеют откровенно саморекламный характер. Она утверждает, что Джек Лондон — ее близкий друг.

Сохранившиеся письма Лондона свидетельствуют о том, что Джильберт сильно преувеличивала свое близкое знакомство с писателем. Он не выделял ее из сотен случайных знакомых.

Джильберт вела переписку с женой Лондона — Чармейн относительно своих репетиций а роли Эдны Мастерсон в спектакле «Дочери богачей», который готовился и поставлен в Нью-Йорке. В ее письмах имеется обращенная к Джеку Лондону просьба разрешить произвести некоторые изменения в тексте и есть намек, основываясь на котором, вышеупомянутый литературовед делает заключение о ее авторстве.

Возражая оппоненту, поставившему под сомнение авторство Джека Лондона, профессор Джеймс Сиссон — автор публикации пьесы «Дочери богачей» — приводит следующие доводы. Во-первых, в полном соответствии с американскими авторскими правами пьеса зарегистрирована на имя Джека Лондона. Во-вторых, сохранившийся в архивах экземпляр пьесы помечен только его именем и его же имя стоит на титульном листе. Кроме того, «Дочери богачей» ставились на сцене как пьеса Джека Лондона, о чем свидетельствует пресса того времени.

Сиссон опровергает и другое утверждение, будто бы Лондон по доброте душевной охотно ставил свое имя под вещами, написанными другими авторами. Известен всего один случай такого рода: по просьбе своего близкого друга поэта Джорджа Стерлинга Лондон напечатал под своим именем его рассказ «Первобытный поэт» (у нас, кстати, причисленный и произведениям Лондона). Но то был близкий друг и талантливый поэт. В случаях же соавторства писатель всегда указывал имена соавторов. Так было с Анной Струнской и с Чарльзом Годдаром.

Одним из веских аргументов, выдвинутых Сиссоном против оппонента, можно считать ссылку на характер Джека Лондона. Писатель с отвращением выступал против бесчестных махинаций издателей и редакторов, против попыток разного рода «соавторов» присвоить чужой труд. Ровно за год до появления «Дочерей богачей» ему самому пришлось столкнуться с подобной практикой, когда были присвоены его права на сюжет «Костюм его брата».

Сохранившийся экземпляр пьесы — машинописный вариант, что затрудняет установление истины. Но в этом нет ничего необычного. Многие произведения Джека Лондона сохранились лишь в машинописной копии. Чтобы окончательно подтвердить авторство Джека Лондона, предстоит поработать текстологам. Критики уже указывают на текстуальные совпадения строчки из пьесы и романа Лондона «Джон — Ячменное зерно» и на сходство мыслей, высказываемых героем пьесы Джоном Мастерсоном, с идеями Лондона, которые он выражал в это же время в письмах и дочери Джоан.

В пользу авторства Джека Лондона говорит и еще одно немаловажное обстоятельство: в пьесе критикуется мораль власть имущих, пришедшая в драматическое столкновение с реальной жизнью, — эта идея близка духу творчества автора «Мартина Идена» и «Железной пяты», проницательного критика буржуазного мира.

Так или иначе, но в апреле пьеса вместе с двумя другими одноактными драмами Лондона была поставлена на подмостках концертного зала Окленлдской публичной библиотеки. Вскоре после издания «Дочерей богачей» окленлдское издательство «Холме бук компани» опубликовало еще одну, на этот раз трехактную, драму из архива писателя — «Золото», написанную Д. Лондоном в соавторстве с поэтом и драматургом Г. Хероном. Эта пьеса создана по мотивам клондайкских рассказов «Однодневная стоянка», «Человек на другом берегу» и «Северная Одиссея». Как сообщили американские газеты, драма «Золото» в апреле была поставлена молодежным театром города Джексон (Калифорния). Первые спектакли прошли успешно.

В Соединенных Штатах сейчас ведется подготовка и столетней годовщине со дня рождения Джека Лондона, которая будет отмечаться в январе 1976 г. Начата публикация неизвестных произведений писателя. Увидели свет стихи, фантастические и ранние школьные рассказы — «Тысяча смертей», «Кто верит в привидений!», «История мальчишки из Фриско», опубликован дорожный дневник, который вел молодой Джек, передвигаясь с армией безработных в Вашингтон. Только что издана аннотированная библиография его художественных произведений.

В ближайшее время в США также ожидается публикация трехактной драмы «Война», написанной Лондоном в 1912 г. в соавторстве с Джозефом Нейлом, и музыкальной комедии (создавал Лондон и танцы!) «Вавилония», написанной им в 1913 г. совместно в П. Клементом и Э. Кейджем.

Поступили сообщения о подготавливаемой к выходу в свет монографии, посвященной жизни и творчеству Джека Лондона, о выдвижении кандидатур на пост председателя комитета по празднованию столетней годовщины писателя. Подготовка к знаменательному событию развертывается все шире.

Виль БЫКОВ,
кандидат филологических наук

КТО, ГДЕ, КОГДА

Письма Томаса Манна издателю

Переписка Томаса Манна с издателем Готфридом Бермановом Фишером, опубликована недавно в ФРГ. Объемистый том включает письма за 1932—1933 годы. В основном в них обсуждаются деловые и финансовые вопросы, связанные с изданием книг Манна на его родине. Однако встречаются здесь и отзывы Томаса Манна о современниках, сведения о его жизни в эмиграции. «Переписка автора в издателем обычно не представляет широкого интереса, — говорится в предисловии к книге. — Однако в данном случае благодаря фигуре писателя, а также чрезвычайной обстановке тех лет... это издание вносит определенный вклад в историю того времени».

На снимке: Томас Манн

Снова — Эдуардо Де Филиппо

В октябре этого года лондонская публика увидит пьесу известного итальянского комедиографа и актера Эдуардо Де Филиппо «Суббота, воскресенье, понедельник» в исполнении труппы Лоуренса Оливье. Сам Лоуренс Оливье выбрал для себя одну из скромных второстепенных ролей, поручив постановку спектакля итальянскому режиссеру Франко Дзеффирелли. Главную женскую роль будет играть жена Оливье — актриса лондонского Национального театра Джоан Плоурайт. Недавно Лоуренс Оливье побывал в Риме, чтобы обсудить с Эдуардо Де Филиппо ряд вопросов, связанных с их предстоящей совместной работой.

На снимке: Эдуардо Де Филиппо и режиссер Франко Дзеффирелли.

Джон Донн: судьба поэтического наследия

Творчество выдающегося английского поэта Джона Донна было мало известно его современникам: он снискал известность лишь как проповедник и настоятель собора св. Павла в Лондоне. После смерти и Джону Дэнну пришла слава великого поэта.

Но хотя в буржуазной критике Донну посвящено много работ, самое важное, что определило личную и творческую судьбу Донна, — трагедия страстного, дерзкого поэта Возрождения, побежденного средневековой схоластикой, — остается вне поля зрения авторов этих книг.

«Самые крупные белые пятна в биографии этого человека падают на годы, во время которых он написал все свои мирские произведения. Нами не установлена даже хронологическая последовательность создания его крупнейших поэм», — отмечает английский еженедельник «Таймс литерери саплмент».

К 400-летию со дня рождения Джона Донна вышло сразу несколько монографий и сборников. Среди них «Джон Донн: эссе в честь юбилея» является яркой демонстрацией того, в каком русле ведется исследование этой крупной фигуры эпохи Возрождения. В сборнии вошли статьи, посвященные схоластической полемике с иезуитами, статьи, посвященные изучению вопроса, который вряд ли мог бы привлечь внимание серьезного исследователя-литературоведа, но зато вполне соответствующего «духу времени»: «Был ли Донн сторонником платонической или сенсуальной любви?» И лишь в малом числе эссе рассматривается поэтическое наследие Донна.

А ведь его великий современник Бен Джонсон считал Донна своим учителем, посылал ему свои работы и утверждал, что Донн — «первый поэт мира».

Фернандель играет Фернанделя

Фильм о замечательном французском киноактере Фернанделе, скончавшемся в 1971 году, готовится к производству во Франции. Сценарий написан на основе дневников, в которых Фернандель рассказал о своем творческом пути, о том, как, начав с выступлений в небольших кабачках Монмартра, он добился всемирного признания и славы. Роль Фернанделя согласился исполнить его 37-летний сын Франк, который очень похож на отца.

БОЛГАРО-СОВЕТСКИЙ СИМПОЗИУМ

В Софии недавно проходил симпозиум «Идейно-художественные особенности современного мирового литературного процесса», организованный Институтом литературы Болгарской академии наук и Институтом мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР. В работе симпозиума приняли участие видные критики и литературоведы Болгарии и Советского Союза. Открывая заседания, директор Института литературы Болгарской академии наук Стайко Божков отметил рост творческих контактов между советской и болгарской литературами, утверждающую силу социалистического реализма как художественного метода наших литератур. В своем докладе «Литература и культура» проф. В. Щербина подчеркнул актуальность этой проблематики, помогающей определить место литературы в духовной жизни нашей эпохи, в современной идеологической борьбе.

Доклады советских участников симпозиума были посвящены проблеме национального и интернационального в социалистической литературе (Г. Ломидзе), теории социалистического реализма сегодня (А. Овчаренко), идеологическим аспектам современных методов литературного исследования (Ю. Барабаш), идейно-художественным течениям современной английской литературы (П. Балашов), американскому критическому реализму на современном этапе (А. Николюкин), современной французской критике (Н. Ржевская) и другим проблемам.

Среди выступлений болгарских ученых — доклады Е. Георгиева о литературном процессе и современном литературоведении, Е. Каранфилова о партийности и гуманизма в современной болгарской литературе, Г. Димова о литературной критике, В. Колеаского о социалистическом реализме и национальных особенностях литературы и другие.

Симпозиум продемонстрировал и подтвердил сплоченность творческих усилий ученых Болгарии и Советского Союза в совместной разработке актуальных вопросов литературоведения, общность методологического подхода к важнейшим идейно-художественным проблемам современного литературного процесса. Работу советских и болгарских литературоведов приветствовал в своем послании в адрес симпозиума выдающийся английский писатель и общественный деятель, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Джеймс Олдридж.

ЧУДАКИ

— Надеешься, из тебя получится не колбаса, а миндальное пирожное?

С. ТЮНИН

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА

РОГ И КОПЫТА

● ХРОНИКА

За выдающиеся художественные достоинства произведениям Евг. Сазонова присвоен «Знак качества». Душелюбу и людоведу выдано личное клеймо.

● ПРОИСШЕСТВИЯ

На днях в отделение банка г. N. ворвался неизвестный в марлевой повязке, закрывающей лицо, и потребовал крупную сумму денег. Неизвестного задержали и при расследовании установили, что он является кассиром, прибывшим получить зарплату для своего учреждения. К сожалению, не везде еще на местах знают о мерах по профилактике гриппа.

ФРАЗЫ

● *Сколько ни валяй дурака, ему все мало.*

● *Кажется, современные дети только играют в детей.*

● *Если ты мне брат, это необратимо!*

Ю. СКРЫЛЕВ

● *Только захочешь взмахнуть крыльями — как разведешь руками.*

В. ЛАПИН

● *Когда откладываешь настоящее на будущее, оно скоро становится прошедшим.*

Александр ЖУНОВ

● *Истина в вине, но не пора ли ее оттуда извлечь?*

● *Теории, построенные на песке, хороши тем, что под них не подкопаешься.*

М. МАТРЕН

МИНСК

Александр ИВАНОВ

Александру КУШНЕРУ

Как задумано

Проснусь счастливым
и свободным,
Еще здоровым, молодым,
С утра влюбленным
и голодным,
Я и задуман был таким.

А. КУШНЕР

Мой пыл, молодой,
голодный,
В то время был
в расцвете сил.
Он был счастливый
и свободный
И в Летний сад
гулять ходил.

Он шел, не зная, не гадая,
Что в том —
судьба его была,
Голодная и молодая,
Ему навстречу мама шла...

Теперь я неизменно чуток
К тем, кто имеет интерес
Отведать на пустой
желудок
Моих рифмованных словес.

НОВЫЕ КНИГИ

ТАЙНА, ПОКРЫТАЯ МРАКОМ

«В подмосковном лесу браконьер выстрелил в лося. Когда он подбежал и добыча, изпод шкуры животного высмотрели два егеря и задержали опешившего нарушителя. Так находчиво и изобретательно несут службу работники второго охотничьего хозяйства Морковкин и Севатьянов. Работать в паре под одной шкурой они начали еще в художественной самодеятельности.

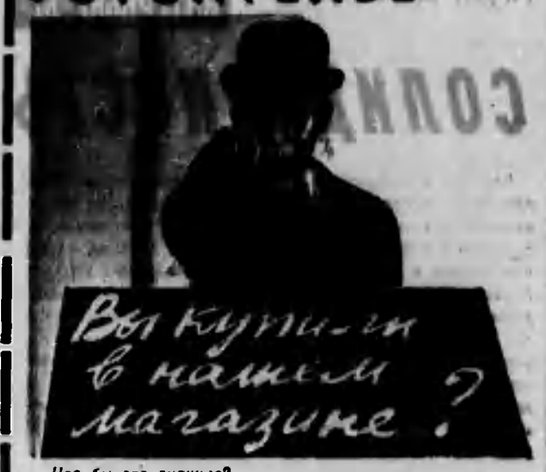
Этот «рог», опубликованный несколько лет назад и потом перепечатанный «на полном серьезе» одной ведомственной газетой, имеющей отношение к браконьерам и егерям, администрация вспомнила на днях. Дело в том, что в многоуважаемый книжный шкаф «Клуба ДС» поступила новинка — сборник юмористических рассказов лауреата конкурса на приз «Золотой теленок» Владлена Бахнова «Тайна, покрытая мраком». (Издательство «Советский писатель», 1973 г., тираж 30 тыс. экземпляров, художник Е. Гуров.)

И автограф на книжке гласил: «Администрации, с которой мы, как егери, продолжаем работать под одной шкурой, а браконьеры все еще живы».

Администрация просмотрела оглавление и с глубоким удовлетворением отметила, что значительная часть рассказов, вошедших в сборник, опубликована на 16-й странице «ЛГ».

Со всей ответственностью рекомендуем новую веселую книжку читающей публике.

ФОТОАТЕЛЬЕ

Что бы это значило?

Фото А. ОНИЩЕНКО

ДЕТСКАЯ КОМНАТА

Алексей ШЛЫГИН

Осел и баран

За двором, где рос бурьян,
Разговор произошел:
— Ты осел! — сказал
баран.
—Ты баран! — сказал
осел.
Потоптали весь бурьян,
Расшатали частокол...
— Ты осел!
— А ты баран!
— Ты — баран!
— А ты — осел!
Не исчерпан до сих пор
Интересный разговор.

гор. ВЛАДИМИР

Вирджил ДИКИН

Английская скороговорка

Жили-были
Дикин и Билинг,
Дикин и Билли
дикий любили,
Дядя Джеймс
и тетя Джемма
Не давали
детям дикать,
Не давали
джемма Дикину,
Не давали
джемма Биккн,
Джеймс и Джемма
из-за джемма
Билли Дикина,
Билли билли.

М. ЛИБИН

Чада

Все, что надо, и все,
что не надо,
Замечают любимые чада.
И, как правило, в том,
что не надо,
Замечают как раз то,
что надо.

Евг. САЗОНОВ

Икс

— Скажите, дядя,
что такое икс! —
Дошкольник задал мне
вопрос коварный.
Но растерявшись,
я ответил: — Фи-с,
Я кончил факультет
гуманитарный!..

ДОМ МОДЕЛЕЙ «КЛУБА ДС»

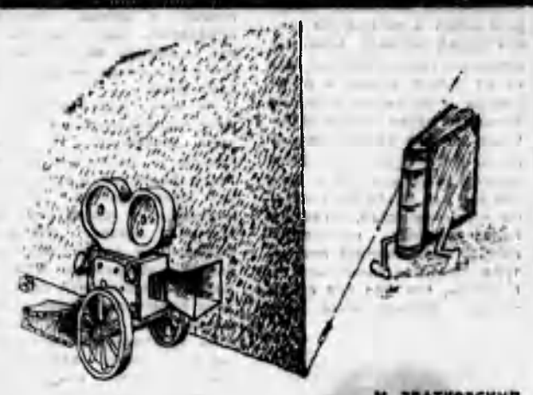

В. МАКАРОВ (Чебоксары)

Г. ВАСИЛЬЕВ

М. ЗЛАТКОВСКИЙ

А. ШУТОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАСТИ

ИРОНИЧЕСКАЯ ПРОЗА

ВСЕ НАЧАЛОСЬ радостью, а окончилось печалью. Вернее, печаль явилась к известному археологу, директору института и профессору Олегу Олеговичу ...скому в обличье радости. Такое, к сожалению, неоднократно случается в жизни вообще и в археологии в частности. Вспомним общеизвестный случай, когда после длительных кропотливых поисков под буквально казнящими лучами восточного солнца на берегу реки Тигр были вырыты из-под земли колоссы-быки с крыльями и человеческими головами. Вспомним радость, охватившую тогда ученый мир. Все были уверены, что раскрыта наконец тайна древней столицы Ниневии. А оказалось, что всего-навсего выкопан из земли очередной дворец ассирийского царя Саргона II...

Поэтому когда любимый ученик Олега Олеговича Кока (младший научный сотрудник Николай Николаевич Николаев) обнаружил на конечной остановке одного из троллейбусных маршрутов обломок таблички из обожженной глины с клинописным шумерским текстом трехтысячной давности, он хоть и взмок от волнения, но все-таки сумел сохранить и хладнокровие и осмотрительность... Кока, совсем еще молодой ученый, ездил на дачу повидаться с некоей Леночкой. О ней мы больше упоминать не будем, она к прошедшей истории никакого отношения не имеет...

В приподнятом состоянии, побуждающем к постоянным двигательным движениям и свойственном скорее влюбленным школьникам, чем любящим младшим научным сотрудникам, Кока доехал сперва электричкой до некоторого пункта, а там, взобравшись по косогору, Кока оказался на конечной остановке городского троллейбуса. Возле нее, на обочине шоссе, он и обнаружил уникальную табличку с древней клинописью... Взмокнув от волнения, но не растерявшись, как уже было сказано, Кока осторожно поднял табличку, огляделся и тотчас же обнаружил вторую, несколько поодаль, но уже в виде обломка. Еще дальше, естественно, лежала третья, целая и невредимая... Местность была овражистая, с глинистыми разломами и рытвинами. И в районе одного из таких разломов Кока обнаружил целую кучу глиняных табличек, очевидно, освобожденных от захоронения грунтовыми водами. Вот тогда-то он по-настоящему похолодел. То, что ценнейшее захоронение подверглось уже расхищению невежественными личностями, не оставляло сомнений. Возникла творческая дилемма. С одной стороны, надо было немедленно, на крыльях лететь к шефу и учителю Олегу Олеговичу, с другой же стороны, как оставить свой пост? Впрочем, решение созрело мгновенно: неподалеку вертелся и поглядывал на Коку какой-то мальчишка, явный лоботряс из тех, кого хочется сечь даже в условиях отмены телесных наказаний.

— Эй, послушай, мальчик,— дипломатично сказал Кока.— Ты, надеюсь, пионер?

— Я второгодник.

— А зовут тебя как?

— Колян.

— Значит, мы с тобой тезки, — произнес Кока. — Вот что, Колян, возьми рубль и стой здесь, не позволяй никому трогать эти плиточки... Я скоро вернусь, и ты получишь еще рубль... Нет, два... Или даже пять...

Кока собрал трясущимися руками (здесь он несколько не совладал с собой) все, какие способен был унести, таблички, увязал их в снятый с себя пиджак и на крыльях, то бишь на такси, помчался к Олегу Олеговичу.

Кока проследовал мимо секретарши Гертруды Исаковны, которую за долгие годы службы по археологическому ведомству трудно было чем-либо удивить, тем не менее вызвав ее недоумение...

Профессор Олег Олегович ...ский, сидя в удобной позе, подперев щеку ладонью и улыбаясь, был погружен в любимое свое занятие — чтение санскритской грамматики, давно вымершего языка Индии.

В этот момент молча приблизившийся Кока бережно положил перед профессором перепачканный глиной узел — свой мятый пиджак, в который была увязана находка. Одна из табличек с тяжким звоном, какой издает обожженная глина, скользнула на стол профессора.

— Да ведь это шумерская клинопись! — высоким, митинговым голосом крикнул профессор — Три тысячи лет до нашей эры...

Далее любимый учитель и любимый ученик некоторое время разговаривали междометиями и обломками фраз.

— Гертруда Исаковна,— произнес Олег Олегович, — Павла Васильича.

Явился завхоз Павел Васильевич.

— Надо немедленно отправиться на конечный пункт троллейбусного маршрута №... и установить охрану возле древнего захоронения, — сказал Олег Олегович, — вызвать дежурную машину... И так далее, и тому подобное...

Все закружилось, загудело, зашушукало. На следующий день любимый учитель и любимый ученик явились чуть свет, оба с красными глазами после бессонной ночи.

— Подумать только, шумерская клинопись в районе Средне-Русской возвышенности... — горячо говорил профессор. — Ведь это научный катаклизм!.. Обратите внимание на знаки, напоминающие следы ног ворон...

В это время открылась дверь, и вошел завхоз Павел Васильевич, ведя за плечо тезку Коки — Колю на.

— Я извиняюсь, — сказал Павел Васильевич, — но, во-первых, этот оголец требует обещанные ему пять рублей, а во-вторых, он заявляет, что умеет читать буквы на табличках.

Профессор засмеялся тем протяжным смехом, каким каждому из нас доводилось смеяться, но, конечно же, не наяву, а во сне, когда видишь нечто совсем уж юмористическое, например подштанники, которые самостоятельно, без их владельца прыгают с кочки на кочку *по болотистой местности*.

— Возьми пять рублей, мальчик, и уходи, не мешай, — сказал профессор.

— Пожалуйста, — сказал Колян, но, чтоб сохранить достоинство, вынул изза пазухи табличку и начал шевелить губами: — Вы... Ры... Бы... Вр... Вра...

— Что такое? — крикнули дуэтом любимый учитель и любимый ученик.

— Позволь, позволь, мальчик... Ну-ка иди сюда... Ну-ка дай табличку, ну-ка произнеси...

— Мы...— начал Колян.

— Фы...

— Какое же это Фы, если это О, — взвизгнул профессор.

Пелена разом спала с глаз его.

— Убирайся отсюда, мальчик, не мешай,— пробовал было удержаться на краю пропасти Кока.

Да, молодость, у которой казалось бы, все впереди, гораздо сильней цепляется за соблазны и заблуждения. Но профессор прозрел.

— Читай, мальчик, — сказал он уже с тихой печалью.

— Гы... Мы... Жы... Эту букву не знаю... Опять Жы... Эту букву опять не знаю...

— Гертруда Исаковна,— тихо произнес профессор,— принесите, пожалуйста, словарь.

— Шумерский или ассиро-вавилонский? — спросила Гертруда Исаковна.

— Нет, для начальных классов средней школы.

— То есть?..

— Да, да... букварь, — сказал профессор.

— Но я боюсь, что в нашей библиотеке этого материала нет, — сказала Гертруда Исаковна, с тревогой глядя на профессора и стараясь ему не перечить.

— Тогда обратитесь в библиотеку Академии наук — тихо сказал профессор.

— Хорошо, — сказала Гертруда Исаковна. — Я постараюсь достать требуемую вами литературу.

Короче говоря, все было освоено, ослепление прошло окончательно не только у Олега Олеговича, но даже у пристрастного по молодости Коки, и вскоре они оба уже без помощи второгодника Коляна и без помощи букваря читали тексты табличек, правда, в отрывках, ибо систематизировать прочитанное, несмотря на весь свой опыт чтения санскритских и ассиро-вавилонских текстов, обоим ученым так и не удалось. Так, на табличке, условно обозначенной 8-а дробь 11, значилось: «Маруся, дай мне сказать... Интеллигентный я человек, или что?» На табличке 7-ц дробь 33 значилось: «Мороз крепчал. По небу плыли кучерявые облака». На табличке 58-к дробь 40: «Молоко матери, воздух и солнце взрастили меня». Соединив воедино эти три далеко отстоявшие друг от друга таблички, ученые получили причудливую картину повествования.

Кропотливый их труд был внезапно прерван телефонным звонком.

— На каком основании, — с места в карьер начал некто,— вы извлекаете из земли экземпляры моей повести... Если я не признан сегодня, то это еще не значит, что вы имеете право рвать мою археологическую связь с потомками... Фамилия моя Филаретов. Я прямо и откровенно... Я не аноним и не псевдоним...

Все сразу стало ясно как божий день.

— Негодяй! — закричал профессор (как мы увидим ниже, несколько опрометчиво). — Какое право вы имеете засорять культурный слой нашей эпохи?..

— Сам хамло,— ответил Филаретов. — Вы имеете право не признавать во мне таланта, но у вас нет права запретить мне зарывать свой талант в землю.

— Позвольте, — торопливо крикнул профессор, — как ваша фамилия?.. Филаретов... Давайте поговорим.— Но в трубке лишь таинственно щелкнуло. И тут же позвонил преданнейший Кока и сообщил, что на 150-м километре в труднодоступных болотах обнаружено захоронение нескольких сотен керамических табличек с клинописью повести Филаретова.

Люди, которые трудились под руководством Олега Олеговича ...ского, были до крайности, до самозабвения увлечены археологией, и все-таки им удалось вскоре выследить и схватить Филаретова в лесистой местности, в самой, можно сказать, чаще. Кока и завхоз Павел Васильевич, оба в охотничьих сапогах и телогрейках, тяжело, устало ступая, ввели в кабинет Олега Олеговича Филаретова, человека в расцвете лет и сил, сообразно обстановке одетого так же по-походному. В левой руке Филаретов держал лопату-заступ, в правой — мешок с повестью.

— На каком основании, — сразу же строго и требовательно начал Филаретов, — меня задерживают с применением насилия?.. Кто вы такие?..

— Садитесь, Филаретов, — совершая над собой немоверное усилие и стараясь быть предельно учтивым, сказал профессор, — никто вас не задерживал... Просто мы пригласили вас для беседы. У нас к вам предложение. Мы хотим включиться в вашу работу.

— Это другое дело, — сказал Филаретов. — Я сам всю жизнь стремился в коллектив, но меня не признавали всякого рода литературные волкодавы.

— Мы ознакомились с вашей повестью, Филаретов,— сказал профессор.— На наш взгляд, она нуждается в существенной литературной доработке...

— А разве я против? — широко, открыто улыбнулся Филаретов. В противовес моментам озлобления он показал себя покладистым малым, вернее, так тогда почудилось профессору. — Доработать можно, но при этом учтите важность тематики... Вот, например,— он порылся в мешке и вытащил наугад керамическую табличку,— вот, например, размышления об идеале женщины главного героя моей повести... «Мой идеал! Пусть у нее будет единственная пара чулок, но аккуратно заштопанных, чистых... Я готов слиться с этой женщиной и не сочту жертвой со своей стороны. »

Профессор принял валидол и вызвал главбуха.

— Нил Борисыч, мы имеем возможность взять литконсультанта?

— Олег Олегович,— сказал главбух,— у меня есть уже два выговора за нарушение финансовой дисциплины.

Профессор нехорошо выругался, и хоть сделал это на санскрите, на исчезнувшем языке древней Индии, Гертруда Исаковна слегка порозовела от смущения. Однако делать было нечего, и через полчаса Кока привел на дежурном автомобиле литконсультанта.

— Вот здесь у вас высечено, — затеял с Филаретовым литературную полемику литконсультант: — «У входа висел аншлаг, на нем значилось: «Добро пожаловать». Как это аншлаг может висеть? Что такое «аншлаг», вы знаете?

— Что такое? — в свою очередь багровел Филаретов. — Я в таких условиях отказываюсь работать...

— Хорошо,— сказал профессор. — Давайте договоримся — в каждое ваше литературное захоронение должен быть положен высеченный на нерасколотом материале список лиц, которые, как бы это выразиться... в общем, сочиняли лучше вас. Для объективности...

— А например? — сказал Филаретов.

— Ну Пушкин, Лермонтов, Толстой, Чехов...

— Еще Толстой. Алексей, Горький, Шолохов, — подсказал со стороны Кока.

— Жюль Верн, — неожиданно вставил завхоз Павел Васильевич, который, оказывается, обожал литературу.

— Нет, хватит, — решительно сказал Филаретов — иностранцы тут ни при чем... И Толстого тоже вычеркнем. Льва.

— То есть как? — совсем уже потерял хладнокровие профессор.

— А так, — жестко ответил Филаретов. — Воспевает гнилую аристократию и проповедует разврат в одноименном романе «Анна Каренина»... А у меня об идеале женщины написано с прогрессивных позиций.

— Мы вас к ответственности привлечем! — стандартно крикнул профессор.

— За клевету потомкам на нашу культуру... За засорение нашего культурного слоя...

— А выкуси, — отпарировал Филаретов. — И, отмахнувшись увесистым мешком с повестью от завхоза Павла Васильевича, выскочил в окно.

После всего происшедшего профессор слег.

— Как же так, — отвечал он жене и друзьям, которые предлагали ему поесть или принять лекарство. — вот мы сейчас с вами едим, лечимся, беседуем, а он где-нибудь себя в землю закапывает... А известно ли вам, друзья мои, что великий культурный центр древности Хаттусас в XIII веке до нашей эры был полностью уничтожен пожаром? Погибли величайшие культурные ценности, потому что хетты в основном легкомысленно писали на деревянных табличках, но зато сохранились следы часто второстепенных и культурно отсталых племен, которые писали на огнестойких глиняных табличках...

Профессор слабел и терял в весе.

Но однажды — такое случается только в библейских мифах — сочным августовским днем ему позвонил по телефону сам Филаретов и сказал:

— Трублю отбой. Кушать подано. Мой час пробил. Обещал прохвост завпрозой тиснуть пару глав. Редколлегия, правда, еще будет, каналья, копаться, но я и ее дожму. А захоронение в заданном районе полностью прекращаю. Никто не знает, что там через тыщу лет будет, а мне уже сейчас пожить хочется. Адью...

Профессор смеялся десять минут.

— Чему же вы радуетесь, профессор? — сказал присутствовавший при этом младший научный сотрудник Николай Николаевич Николаев (Кока), который хоть и обожал учителя, но более все-таки истину.— Вы, который пытался спасти от духовной отравы наших далеких потомков, радуетесь, что это тухлое варево окажется на столе современников?

— А за это, Кока, любимая наша археология уже ответственности не несет,— проявляя местничество, ответил профессор.— Мы перед потомками несем ответственность, а современники пусть сами разбираются...

И профессор опять захохотал и смеялся еще десять минут.

Но даже когда профессор перестал смеяться, на лице его еще долго сохранялась коварная улыбка отмщения, которая, предполагают, воцарилась на лице могучего древнеегипетского бога Сета после того, как он разрубил на части и бросил в реку Нил своего злейшего врага, повелителя мертвых, вечности и преисподней бога Осириса.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 15 коп.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 103654 ГСП, Москва Ц, Цветной бульвар, 30. Телефон для справок: 295-00-00 доб. 63

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, Р. САМАРИН, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ.

А-03335 Типография «Литературной газеты» Москва К-9, Цветной бульвар, 30 Зак. 478 ИНДЕКС 50057